

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2020. Том 18, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая и прикладная лингвистика

- Шапошникова И. В.* К разработке принципов построения курса междисциплинарной лингвистики 5
- Владимирова О. В., Григорьев Ю. Д.* Поэтические реконструкции, или приведение к симметрии (на примере «Персидских мотивов» С. Есенина) 16
- Виймаранта Й., Маслова А. А.* Многоязычные практики в интернет-дискурсе социальной сети Facebook (на материале письменной речи русскоговорящих женщин в Финляндии) 32
- Абжапарова М. Д., Широбокова Н. Н.* Развитие и семантика колоронимов *көк* и *көк* в казахском и алтайском языках 45
- Владимирова С. Б.* Прагматическая специфика цветообозначений человеческого тела в тексте судебно-медицинского исследования 58
- Янь Кай, Цзян Юйсюань.* Способы выражения эмоции РАДОСТЬ в русском рекламном тексте 69

Концептуальные исследования языка и речи

- Степаненко В. А.* Кумуляция и амбивалентность в семантике мифологем (на примере репрезентанта *horseshoe* концепта *SUPERSTITION* в англосаксонской культуре) 85
- Калинин О. И., Мавлеева Д. В.* Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея 99
- Савина Е. С.* Юридические макроструктурные и микроструктурные фигуры как средство изображения буржуазного мира Франции 110
- Селиванова И. В.* Коммуникативные стратегии в публичных выступлениях испанского монарха Филиппа VI перед международным сообществом 122

Художественный текст и время

<i>Литвиненко Т. Е.</i> Литературно-эстетический континуум в свете проблем лингвокогнитивной категоризации и его представление в языке и тексте	133
<i>Тихонова О. В.</i> Литературно-исторические истоки темы плача в «Поэме о Йусуфе»	146
<i>Боголюбов А. Ф.</i> Об истоках анонимной русской версии «Марша шпионов» Р. Киплинга	159

In memoriam

Памяти Натальи Николаевны Широбоковой	177
Информация для авторов	179

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2020. Volume 18, № 4

CONTENTS

Theoretical and Applied Linguistics

- Shaposhnikova, Irina V.* On the Fundamental Principles of Building a Course in Interdisciplinary Linguistics 5
- Vladimirova, Olga V., Grigoriev, Yuri D.* Poetic Reconstructions, or Reduction to Symmetry (Based on S. Esenin's Cycle "Persian Motives") 16
- Viimaranta Johanna, Maslova Anastasia.* Multilingual Practices in Internet Discourse on the Social Network "Facebook" (An Analysis of Written Language of Russophone Women Living in Finland) 32
- Abzhaparova, Maiya D., Shirobokova, Nataliya N.* Development and Semantics of the Coloronyms *Kök* and *Kök* in Kazakh and Altaic Languages 45
- Vladimirova, Sofya B.* Pragmatic Specifics of Color Designations of the Human Body in Forensic Medical Investigation 58
- Yan Kai, Jiang Yuxuan.* Ways of expressing РАДОСТЬ (Happiness / Joy) in Russian Advertising Text 69

Language and Discourse Conceptual Studies

- Stepanenko, Valentina A.* Cumulation and Ambivalence in Mythologems (Based on the Example of the Representative *Horseshoe* of the Concept *SUPERSTITION* in the Anglo-Saxon Culture) 85
- Kalinin, Oleg I., Mavleeva, Darya V.* Comparative Analysis of Coronavirus-Related Discursive Metaphors in PRC and ROK Media 99
- Savina, Elena S.* Legal Macro- and Microstructural Devices as a Means of Representing French Bourgeoisie 110
- Selivanova, Irina V.* Communicative Strategies and Tactics in the Spanish King Felipe VI's Public Speeches 122

Literary Text and Time

<i>Litvinenko, Tatiana E.</i> Literary and Aesthetic Continuum as an Object of Categorization and its Representation in Language and Text	133
<i>Tikhonova, Oxana V.</i> Features of Arabic Scripts in Aljamiado Manuscripts	146
<i>Bogolubov, Anatoli F.</i> On the Origins of the Russian Anonymous <i>Spies' March</i> Version	159

In memoriam

In Memory of Natalia N. Shirobokova	177
Instructions to Contributors	179

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Senior Researcher Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. N. Shirobokova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 81'23, 81-13, 81-139
DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15

К разработке принципов построения курса междисциплинарной лингвистики

И. В. Шапошникова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Затрагиваются общие вопросы о текущем состоянии фундаментальных лингвистических исследований в связи с разработкой содержания и практикой преподавания лингвистических дисциплин. Привлечение новых знаний о языке и человеке, полученных в последние десятилетия благодаря междисциплинарным подходам, рассматривается как необходимое условие построения теории языка и моделей его описания для преподавания теоретической лингвистики в системе филологического (лингвистического) и педагогического образования. Предлагаются основные принципы, на которых может строиться междисциплинарная модель описания языка. Они связываются с сетевыми подходами – наиболее разработанными в сложившейся практике междисциплинарных исследований человека с учетом его специфики как вида, что позволяет получать данные универсального плана при рассмотрении конкретных языков. Таким образом, в статье утверждается положение, что общий замысел междисциплинарной лингвистики и соответствующие ему учебные курсы должны учитывать основные факторы человекообразования.

Ключевые слова

междисциплинарная лингвистика, принципы построения теоретического курса, сетевая модель, языковая личность, человекообразование

Для цитирования

Шапошникова И. В. К разработке принципов построения курса междисциплинарной лингвистики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 5–15. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15

On the Fundamental Principles of Building a Course in Interdisciplinary Linguistics

Irina V. Shaposhnikova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with general problems of the current state of fundamental linguistic research in connection with the development of the content and practice of teaching linguistic disciplines. The involvement of new knowledge about Man and Language that has been obtained in recent decades is regarded as a necessary condition for building a theory of language and models of its description for teaching theoretical linguistics in the system of linguistic and pedagogical education. As an example, the author gives a brief overview of the materials obtained by scientists from several experimental neurocognitive projects that can shed light on the problem of the relationship between Language and Thinking. The article considers works that systematize methodological aspects of language research using neurocognitive technologies, which indicate revolutionary changes in the technical equipment of neurocognitive experiments aimed at studying oral speech, the results of which can no longer be ignored in the construction of language theory.

© И. В. Шапошникова, 2020

The author also mentions the most productive discussions of recent times, which use data from neurocognitive experiments as arguments. Assessing the contribution of foreign and domestic discussions on the relationship between Language and Thinking, the author notes the particular contribution of the Russian psycholinguistics, especially to the issues of linguistic and psychological aspects of the circulation of word meanings in the semantic field of culture. The basic principles on which the model of language description can be built within the framework of an interdisciplinary approach are proposed. They are associated with network models, which are the most developed in the current practice of interdisciplinary research in the light of human peculiarities as a species, which allows us to obtain universal data when considering different languages. Theoretical discoveries by Russian psycholinguists concerning Language Personality help to overcome the contradictions between Language and Thinking which arise when these phenomena are viewed as certain abstract and discrete entities represented within the framework of a traditional dichotomy. Socio-communicative attitudes concerning the ways people manipulate the bodies of language units grow from the intentionality of the language personality, which can be accessed on the model of the associative-verbal network of the studied speech community. Different types of network models solve different problems in the Human and Language Sciences and can be used in a complementary way. Thus, the general idea of Interdisciplinary Linguistics and the corresponding theoretical courses should take into account the main dimensions of human formation.

Keywords

interdisciplinary linguistics, principles of theoretical course construction, network model, language personality, the main dimensions of human formation

For citation

Shaposhnikova, Irina V. On the Fundamental Principles of Building a Course in Interdisciplinary Linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 5–15. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15

Введение

Состояние современной лингвистической науки неоднородно. С одной стороны, появились технологические возможности для введения в научный оборот больших объемов разнообразных эмпирических и экспериментальных данных, их компьютерной обработки и презентации, расширилось информационное поле междисциплинарных контактов и обмена знаниями о языковых явлениях, добытыми разными отраслями науки. С другой стороны, лингвисты усматривают признаки кризиса в своей науке, связывая его с мелкотемьем и сопровождающей его противоречивостью в описаниях отдельных лингвистических явлений, отсутствием глубоких систематизирующих теоретических концепций и разработок, непродуктивностью научных дискуссий. Выход из сложившегося положения прогнозируется на основе синтеза в процессе селекции подлинно значимой научной информации, идущей от различных, порой далеко разошедшихся, аспектирующих концепций [Кошелев, 2017. С. 109–156; Зубкова, 2016. С. 34–39; 568–577]. В этих условиях разработка и реализация курсов по теории языка в системе подготовки профессиональных лингвистов (филологов) требует особых усилий, направленных на согласование содержательной части дисциплин с потребностями общества, тщательность в отборе эмпирических баз данных и поиске условий, создающих общую платформу для рассмотрения основополагающих теоретических принципов при построении модели описания языка.

К дискуссиям о фундаментальных свойствах языка

Разработка курса междисциплинарной лингвистики предполагает обращение к фундаментальным принципам построения модели описания языка, которая могла бы иметь объяснительную силу в поле пересечения интересов разных наук.

Одной из таких сфер, где должны быть предложены решения фундаментального порядка, является сфера соотношения языка и сознания. Здесь мы исходим из того, что сознание можно определить как видоспецифичную организацию психических процессов человека, поэтому *все науки о человеке* могут нуждаться в общей платформе при рассмотрении вербальных и невербальных психокогнитивных явлений.

Информационно-технологическая революция конца прошлого века и развитие новых технологических решений в области наук о человеке привели к расширению экспериментальной и доказательной базы исследований, позволяющих предложить более достоверные суждения о соотношении языка и мышления, чем те, которые были актуальны в конце XIX – начале XX века, когда складывалась доминировавшая на протяжении прошлого века сосюрровская парадигма постулатов, легшая в основу системно-структурной логико-теоретической модели языка. Очевидно, что теория языка, удовлетворяющая потребности современной науки, должна учесть новые факты, полученные в смежных науках о человеке, и тем более она не может руководствоваться некоторыми унаследованными из прошлого положениями, противоречащими этим фактам.

При рассмотрении соотношения языка и мышления авторы филологических работ (включая учебную литературу) долгое время по вполне понятным причинам ограничивались скорее общеполитическими спекуляциями, чем строго обоснованными положениями о связи языка и мышления (шире: сознания), подкрепленными данными из разных наук. Одно из таких наиболее часто дискутируемых положений касается *характера и направленности* влияния в дихотомии «язык и мышление», а следовательно, и природы таких сущностей, которые в философских и филологических работах принято обозначать термином с неопределенными границами: *картина мира*. Заметим, что в определении дихотомии «язык – мышление (шире: сознание)» оба явления («компонента») рассматриваются как некие внешние по отношению к человеку, относительно автономные объекты, взаимодействующие друг с другом. Эти ограничения накладывает, собственно, сам способ рассмотрения проблемы в формате дихотомии. Обращение же к фактическим данным, накопленным, например, в междисциплинарной области нейропсихоллингвистических изысканий, позволяет ученым по-другому посмотреть на стереотипно представленные более ранние, но ставшие популярными трактовки.

Так, например, критикуя «ложную дихотомию» Д. Бикертон¹, М. Арбиб приводит экспериментально подкрепленную аргументацию нейропсихо-когнитивного и эволюционно биологического характера: «Идея о том, что язык строит нашу картину мира, а не обогащает ее – вводит в заблуждение, так как она игнорирует роль как визуального опыта, так и эпизодической памяти (связывающей эпизоды темпоральными и иными отношениями), равно как и ожиданий, прогнозируемых [индивидом] в ходе обретения богатства воспринятого и познанного (perceptions and cognitions) (Когнитивная форма), чьим всего лишь свернутым выражением являются предложения (Фонологическая форма). <...> Язык мозга или нейрокогнитивная сеть (schema network) много богаче, чем линейная последовательность слов)» [Arbib, 2006. С. 39–40] (перевод наш. – И. Ш.).

Далее, возражая Д. Бикертону, который отказывал абстрактным словам в возможности получать перцептивное укоренение в мозговой деятельности и развивал эту мысль на примере построенного на абстракциях предложения: *My trust in you has been shattered forever by your unfaithfulness* (Моя вера в вас разбита навсегда из-за вашей неверности), М. Арбиб прослеживает связи всех компонентов предложения с ассоциированной нейрокогнитивной схемой, укорененной в личностных действиях и восприятии индивида. Упомянутый же пример рассматривается М. Арбибом в качестве подкрепления своей точки зрения о том, что «использование языка укореняется в нашем опыте деятельности в мире, обогащенном нашей способностью вспоминать прошлые события или воображать будущие и расширенном культурной историей нашего общества в том виде, в котором это отражено в нашем личном опыте в качестве телесовоплощенных и социальных существ. Способность понимать упомянутое абстрактное предложение не является выражением некоей отдельно стоящей языковой способности (standalone linguistic faculty), напротив, это выражение плодов нашего индиви-

¹ «Неверно, что мы строим картину мира и одеваем ее в одежды языка. Скорее наоборот, язык создает для нас картину мира, которой мы пользуемся в мышлении и коммуникации» [Bickerton, 1995. P. 22] (цит. по [Arbib, 2006. С. 39], перевод наш. – И. Ш.).

дуального когнитивного и языкового развития в сообществе, позволившего нам выработать богатый набор языковых средств через раскручивание спирали в сторону расширения диапазона языка и когниции в процессе их взаимодействия» [Arbib, 2006. P. 41] (перевод наш. – И. Ш.).

Очевидно, что приведенный нами здесь небольшой отрывок дискуссии затрагивает ряд актуальных в разработке теории языка междисциплинарных аспектов, как то: обретение и усвоение вербального и невербального опыта человеком (онтогенез), наполнение его сознания смыслами во взаимодействии с внешним миром, со смысловым полем культуры, присвоение этого смыслового и социокоммуникативного пространства индивидом и локализация себя в нем в процессе жизнедеятельности, обретение языка и сознания человеком в аспекте филогенеза. Таким образом, язык должен быть описан и как биологическое эволюционное обретение человека, и как историко-культурный феномен. Эти наиболее общие грани человекообразования переплетаются в таких дискуссиях со специфическими проблемами поиска материального субстрата смыслообразования и закономерностей его воплощения в вербальных формах. Заметим, что ответы на все эти вопросы в той или иной форме *давались в отечественном языкознании* в разные периоды его развития.

Технологические и инструментальные возможности, полученные рядом наук о человеке в последние десятилетия, спровоцировали всплеск нового интереса к этим *фундаментальным вопросам человекообразования*. В этой связи среди большого массива публикаций о локальных и более общих нейронаучных достижениях, связанных с языком, нам представляется необходимым в контексте задач данной статьи упомянуть ряд работ, в которых затрагиваются проблемы, фундаментальные для развития базовых принципов построения курса теории языка. Будущему лингвисту, несомненно, необходимо иметь представление о тех технологических возможностях, которыми располагает современная нейронаука в исследовании языковых процессов. Этот вопрос не должен игнорироваться в содержательной части курса.

О беспрецедентном росте такого арсенала средств и связанном с ними прогрессе в возможностях проникновения в объект исследования говорит термин *революция*, с помощью которого этот прогресс описывается специалистами в этой отрасли (см., например, предисловие [Rodd, Davis, 2017. P. 805–817]), предваряющее серию публикаций в специальном номере журнала *Language, Cognition and Neuroscience*, посвященном обзору современных методов исследования нейрональной основы понимания устной речи (Special Issue: The Neural Basis of Spoken Language Understanding: A Review of Current Methods). Авторы проводят обзор основных методов нейрокогнитивной науки в области восприятия и понимания устной речи, а также строят прогнозы о вероятном развитии этих методов в будущем. Приводится таксономия методов изучения нейрональной основы понимания устной речи, которая включает в себя две разных группы: методы визуализации изменений гемодинамической, электрофизиологической и нейроанатомической мозговой активности или структуры в связи с речевой деятельностью, а также нейропсихологические методы стимуляции мозговой активности, вызывающей изменения в характере речевой деятельности. Отмечаются возможности применения взаимодополняющих методик, опоры на несколько методов сразу при изучении одного и того же явления, что может пролить свет на комплекс взаимодействующих факторов в его функционировании. По утверждению авторов, отмечающих подлинно революционный характер роста потенциала уже апробированных возможностей новых методик, нейронаучные методы получили такое развитие, что во всё возрастающей степени становятся *способными накладывать ограничения на теоретические выкладки ученых* и давать фактическую информацию для подготовки единой когнитивной и нейронаучной теории понимания устной речи [Rodd, Davis, 2017. P. 806].

Одна из тематических сфер, часто фигурирующих в постановке задач у зарубежных нейролингвистов и когнитивистов, – *телесная воплощенность*. Дж. Лакофф, проводя обзор становления и развития этого направления, описывает ее суть следующим образом: «нейромо-

торный субстрат (circuitry), который используется животными, у людей оказывается перенацеленным (то есть подвергается экзаптации) на использование для мышления и языка»². Его тесно связанная с этой установкой авторская теория концептуальной метафоры получает нейрокогнитивное экспериментальное подкрепление, свидетельствующее о том, что знание укореняется в модально специфических кодах, восходящих к сенсорно-моторному опыту, то есть концептуализируется, структурируется в концепты через метафорическое картирование на сенсорномоторном опыте. Например, исследования функциональной активности коры головного мозга в процессе восприятия высказываний с телесными метафорами при сопоставлении с эффектами восприятия соответствующих буквальных (неметафорических) предложений показывают, что метафоры, произведенные из телесных источников, *вызывают* активацию нейронов в специфических для этого источника сенсомоторных (или рядом лежащих) участках [Lacey et al., 2017. P. 13].

Однако встречаются работы, в которых результаты не столь очевидны для интерпретации, поскольку, как показывают другие исследования, само по себе, например, называющее действие слово не несет в себе достаточных оснований для аналогичной активации моторных карт во всех своих употреблениях. Так, в составе идиомы *kick the bucket* (сыграть в ящик, т. е. умереть) не происходит такой же активации моторной сети, как при восприятии слова в буквальном значении (пинать ногой) [van Ackeren et al., 2012. P. 2238].

Особый интерес представляют работы, результаты которых могут пролить свет на природу языкового знака в связи с характером его когнитивного содержания (называет ли он конкретный данный нам в ощущениях объект, или какую-то абстрактную сущность, обобщенное знание). Опыты с испытуемыми, страдающими нарушениями мозговой активности, показывают, например, что при восприятии конкретных существительных основная опора осуществляется на визуальные характеристики, поскольку специфическое нарушение мозговой активности, связанное с переработкой визуальной информации, снижает качество обработки (понимания) конкретных существительных, в то время как обработка абстрактных существительных требует дополнительного функционального вклада для привлечения лингвистических и контекстуальных ресурсов; к тому же при этом фиксируется активация механизмов семантической селекции и интеграции наличных в контекстуальном окружении средств. Нарушение соответствующих функциональных механизмов мозга снижает качество обработки абстрактных имен. В итоге отмечается частичная диссоциированность нейроанатомических аспектов обработки конкретных и абстрактных существительных, а степень активации соответствующих областей существенно зависит от конкретности (абстрактности) предъявляемых в экспериментах стимулов³. Общая оценка авторами результатов своей работы свидетельствует в пользу модели лексической репрезентации, интегрирующей теоретические предпосылки от исследований, нацеленных как на обоснование когниции (*grounded cognition*), так и на изучение контекстуального наполнения [Cousins et al., 2017. P. 52].

Активация корковых моторных зон становится предметом исследования в связи с предположительно особой ролью мануальной моторики в филогенезе когнитивной и языковой способности человека, а также в связи с ролью моторных корковых зон в восприятии и понимании языка. В контексте теорий воплощенности активация этих зон предполагается не только при совершении (восприятии) действия, но и при восприятии лексических единиц, называю-

² Lakoff, George: How Brains think: The Embodiment Hypothesis. 7 апреля 2015. <https://www.youtube.com/watch?v=WuUnMCq-ARQ> (дата обращения: 05.10.2020).

³ Возможно, с этим связана и некоторая специфика ассоциативных полей абстрактных существительных, которую мы отметили в ассоциативно-вербальной сети, полученной нами в эксперименте при создании ресурса СИБАС (СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток. 2008–2020 / авт.-сост.: И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictu.nsu.ru> (дата обращения: 20.04.2020)). В частности, наличие большого количества отказов дать реакцию на абстрактные имена существительные, в разы превышающих соответствующие показатели у конкретных существительных [Шапошникова, 2020. С. 160]. Возможно, для обработки абстрактных слов-стимулов требуется больше времени и усилий на поиск по семантической сети связей вербальных единиц и опосредствующих их общих когнитивных схем.

щих такие действия (например, *grasp*). Однако в ряде исследований показано, что связь между словом и действием носит гораздо более гибкий характер, чем предполагалось ранее, поскольку простое чтение слов, ассоциированных с действием, недостаточно для активации моторных карт. Экспериментально показано (например, на материале высказываний, косвенно подразумевающих просьбу), что даже при отсутствии лексических единиц, называющих действия, моторные зоны активируются, *если коммуникативно-прагматические параметры ситуации предполагают исполнение действия*. При этом также отмечается функциональная активность, характерная для распознавания намерений собеседника [van Ackeren et al., 2012. P. 2237–2247]. Интерпретация результатов авторами исследования не умаляет важности корковых моторных систем для понимания языка, но обращает внимание на наличие гибких и сложных связей аспектов моторной активации с разными (видимо, имеются в виду не сугубо вербальные) источниками информации [Там же. С. 2246].

Целеполагание

Конечно, подчас противоречивые данные, которыми уже располагают довольно многочисленные и находящиеся в доинтеграционной стадии нейролингвистические и нейрокогнитивные исследования, нуждаются в систематизации и адаптации для облегчения их восприятия филологами и даже лингвистами. Однако игнорировать те закономерности, которые выявляются в этой отрасли применительно к лингвокогнитивным аспектам жизнедеятельности человека, уже не представляется возможным при разработке теории языка. С другой стороны, становится очевидным, что при всей революционности применяемых технологий, полученные с их помощью знания не являются самодостаточными и нуждаются в комплементарном подкреплении со стороны иных отраслей лингвистики и филологии. Поэтому один из основных принципов в реализации междисциплинарного подхода в любой отрасли заключается, по нашему мнению, в том, что те закономерности, которые выявляются вне лингвистики в других науках (или в смежных лингвистических отраслях) применительно к нашему лингвистическому объекту (языку), должны рассматриваться и как минимум учитываться в построении теории языка и создаваемой в учебных целях модели его описания. Это относится в первую очередь к наукам о человеке.

Те закономерности, которые дают основания для выведения универсальных характеристик человека как вида, не менее значимы для лингвистики, чем для биологии, психологии, генетики и прочих наук, поскольку, как показали многолетние дискуссии вокруг постулатов порождающей грамматики, а также попытки применить их к изучению и моделированию живой речевой деятельности, понимание ограничений, которыми обусловлена видоспецифичная реальность в человеке, закладывает фундамент под целые направления и отрасли. Не случайно ряд последователей Н. Хомского смогли, отталкиваясь от критики его исходных для модульного подхода к языку положений, создать ситуацию развития, которая описывается в западной лингвистике как «озеленение, экологизация» лингвистики (*the greening of linguistics*) [Harris, 1993. P. 248]. Эффект ее развертывания привел к тому, что в новой лингвистической «роще» можно найти не только древо прагматики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, но и функционализма в широком смысле, теорий формализации языка в компьютерной лингвистике и т. д. [Harris, 1993. P. 250–252].

Приведенные выше фактические результаты нейролингвокогнитивных исследований, как нам представляется, свидетельствуют о том, что языковое сознание человека возвращается на концептуальной сети когнитивного (в широком смысле этого слова) опыта и вместе с ней. При этом концептуальная модель мира несводима к его языковой модели, что показано и на иных материалах с помощью иных методов, преимущественно в рамках различных подходов к упорядочению лексики, до возникновения широкомасштабных нейрокогнитивных исследований в этой области (в отечественной традиции см., например: [Караулов, 2010а. С. 242–246; 267–274]).

В целом вопросы связи языковых и когнитивных процессов активно и постоянно обсуждались в отечественной лингвистике на фоне сохранения пристального внимания к достижениям наук о человеке за рубежом. Из недавних работ см., например: [Кубрякова, 2004; Зубкова, 2015; 2016; Язык и мысль, 2015; Репрезентация событий, 2017; Скребцова, 2018; Кошелев, 2019]. Как заключает в своем глубоком, написанном с большой осведомленностью и любовью к профессии, обзоре достижений отечественной лингвистической науки Л. Г. Зубкова, «В отечественной лингвистической традиции языкознание мыслится как объяснительная и прогнозирующая когнитивная наука задолго до “когнитивной революции”» [Зубкова, 2015. С. 728].

Нам представляется, что наиболее продвинутой в этом плане междисциплинарной отраслью стала отечественная психолингвистика, основанная в фундаментальном плане на психологической теории деятельности. Это направление дает вполне внятные ответы по основным разделам современных когнитивных исследований (онтогенез, филогенез, сознательная деятельность человека, историко-культурные основания формирования образа мира, функционирование сознания при усвоении родного и иностранного языка, и мн. др.), по ряду позиций предвосхищая более поздние результаты, полученные с опорой на новые технологические возможности. Поэтому оно может претендовать на общую теорию человекообразования, а понятийно-категориальный аппарат этой отрасли может с успехом применяться в качестве системы операторов при осмыслении и систематизации новых фактологических данных и интерпретации тех знаний, которые содержатся в них (об этом подробнее см.: [Шапошникова, 2019]).

Это относится, в частности, и к проблеме соотношения собственно лингвистического и психологического в той информации, которая уже получена и может быть в дальнейшем расширена в нейрокогнитивных экспериментах, в том числе и в контексте упомянутых нами дискуссий. Постановка теорией речевой деятельности вопроса о *движении значений*, о соотношении лингвистического значения и личностных смыслов, о формировании и динамике содержательного наполнения языкового знака в процессе познания мира, о значении как операторе мыслительной операции, а не самой этой операции, остаются актуальными в контексте современных когнитивных подходов и позволяют ввести психологические, в особенности мотивационно-прагматические, историко-культурные и социокоммуникативные параметры в осмысление результатов, полученных смежными отраслями для разработки общих теоретических подходов к междисциплинарной интеграции.

В качестве работающего на пересечении интересов разных наук о человеке подхода, который уже активно используется для исследования концептуальной и языковой моделей мира, следует рассматривать сетевой подход. Тем более что наряду с нейролингвистикой сетевые модели и методы уже широко и успешно применяются в социологии и социолингвистике, пусть пока и не на единой теоретической платформе [Сушко, 2018; Milroy, 1987].

Как можно получить сетевую модель языка в человеке? В России экспериментальная психолингвистика активно использует модели ассоциативно-вербальных сетей; в определенном смысле они представляют собой гиперсетевые (многовекторные и многофакторные) сложно и системно организованные лингвокогнитивные образования. Такие модели подвергаются компьютерной обработке и могут показывать контролируруемую (т. е. поддающуюся измерению) динамику внутрисетевых трансформаций в пространственно-временном континууме. Характер этой динамики часто связан с модусами идентификации в исследуемом с помощью таких моделей сообществе, последствиями глубоких социальных потрясений, в особенности затрагивающих прежде устойчивые и значимые для формирования образа мира социокоммуникативные связи [Шапошникова, 2020]. Важно, однако, уточнить, что речь здесь не идет об аналогах или расширенных сетевых моделях семантических связей значений многозначных слов, таких как модели П. Норвига и Дж. Лакоффа, или Р. Лангакера и др., построенных, как нам представляется, на предустановленном *логическом анализе лингвистических значений* многозначных лексем (критический обзор этих моделей можно найти

у [Скребцова, 2018. С. 248–258]). С ними ассоциативно-вербальную сеть роднит только установка исследователя на выведение параметров значений вербальных единиц из характера их отношений и связей в сети. Ассоциативно-вербальная сеть, получаемая в ассоциативном эксперименте, считывает данные, упорядоченные живым, актуально работающим и социально детерминированным сознанием испытуемых носителей языка, оперирующих всем массивом языковых единиц в арсенале их языковых личностей.

Сетевые модели могут строиться и на другой эмпирической основе, например, через логическое упорядочение лексики тезаурусного типа, на основе анализа текстовых ресурсов больших национальных и иных корпусов исследуемого языка, а также текстовых ресурсов сети Интернет, как, например, RuWordNet⁴; ruTenTen⁵. Анализ процесса формирования и роста устойчивости значений на его семантических связях в сети роднит ассоциативно-вербальные подходы с дистрибутивными, дискурсивными и векторными моделями, такими как RusVectōrēs⁶ и [Kutuzov, Kuzmenko, 2017]. Разные виды сетевых моделей могут использоваться комплементарно.

В этой связи следует затронуть вопрос о формировании системности в языке.

В традиции построения логико-теоретических поуровневых структурных моделей система трактуется скорее как предустановленная данность, нежели как социокоммуникативная реальность, вырастающая на концептуальной основе и обогащающаяся вербальной воплощенностью в речевой деятельности человека. Господство аспектуализирующей (по Соссюру) логико-теоретической модели описания языка привело к междисциплинарности, так как логическая интерпретация системно-структурных, субстантных и функциональных свойств в автономном порядке неизбежно порождает потребность выйти за пределы строго очерченной системы. Поэтому, как отмечают многие лингвисты, практически одновременно с появлением системно-структурного подхода, стали появляться дисциплины «на стыке» различных предметных областей: социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, компьютерная, когнитивная, математическая и пр. Таким образом, структурная модель изначально оказалась несамодостаточной, породив условия для появления и развития междисциплинарных отраслей. Констатировать и описать систему в языке как автономном внешнем объекте (аналогично объектам других, прежде всего, естественных наук) на основе выявления регулярных связей и зависимостей его единиц, наблюдения за ними в языковом материале в отрыве от его создателя и носителя недостаточно для объяснения самой этой системы. Язык в человеке наполнен опытом и смыслами человеческой личности и системность его организации может быть отчасти исторически и социокультурно унаследована, но преломляется в текущих социокоммуникативных установках в актуальных (сетевых) процессах. Поэтому введение и разработка понятия *языковой личности* в отечественной традиции [Караулов, 2010б] играет важную методологическую роль.

Возвращаясь к практике установления векторов детерминации в дихотомии «Язык и Сознание (мышление)», отметим, что трактовка этих двух сущностей как неких дискретных абстрактных самостоятельных компонентов не более чем метаязыковая условность. Сознание человека (и тем более его конкретные проявления в мыслительных процессах) личностно, то есть интенционально, оно отличается направленностью. Мышление не может осуществляться вне своего материального нейropsychofизиологического и когнитивного субстрата, ведь мыслит не некое абстрактное нечто, а человек с его интенциями и направленностью личности. Введение понятия *языковая личность* как универсалии (существующей только в своих конкретных национально-культурных воплощениях, в нашем случае это *русская языковая личность*) и его теоретическая разработка воссоединяет искусственный разрыв двух субстанций, устраняя вызванные им противоречия.

⁴ Тезаурус русского языка RuWordNet. URL: <http://ruwordnet.ru/ru> (дата обращения: 26.01.2020).

⁵ ruTenTen – The Russian Web Corpus (ruTenTen). URL: <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/> (дата обращения: 20.04.2020).

⁶ RusVectōrēs URL: <https://rusvectors.org/ru/> (дата обращения: 26.04.2020).

Выводы

В отечественной лингвистической традиции, всегда умевшей соотносить свои достижения с научными знаниями, полученными в иных науках, традициях и подходах, имеется необходимый фундаментальный задел для построения междисциплинарного курса на основе интеграции данных разных наук для удовлетворения потребностей в лингвистических знаниях, актуальных в эпоху информационно-технологической революции. Общий замысел о междисциплинарной лингвистике, вероятно, может исходить из *человекообразования* как одного из главных объектов наук о жизни и человеке и как основы целеполагания в системе образования и воспитания. Это подразумевает как минимум учет видовой специфики человека и предполагает опору на синтетическую, динамическую интегративную модель описания языка, основанную на комплементарном (т. е. приемлемом для разных отраслей) использовании знаний, полученных из разных источников в разных когнитивных доменах. Сегодня в основу такой модели может быть положен сетевой принцип представления языка в человеке как многомерного лингвокогнитивного системного образования, имеющего признаки социокоммуникативной и историко-культурной детерминации, поддающейся описанию через универсалию языковой личности.

Список литературы

- Зубкова Л. Г. Эволюция представлений о Языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. 760 с.
- Зубкова Л. Г. Теория языка в ее развитии: от натуроцентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. М.: ЯСК, 2016. 624 с. (Studia Philologica)
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Отв. ред. С. Г. Бархударов. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010а. 360 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010б. 264 с.
- Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: ЯСК, 2017. 528 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning)
- Кошелев А. Д. О генезисе мышления и языка: Генезис понятий и пропозиций. Аристотель и Хомский о языке. Влияние культуры на язык. М.: ЯСК, 2019. 264 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning)
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура)
- Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук / Отв. ред. В. И. Заботкина. М.: ЯСК, 2017. 360 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning)
- Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: ЯСК, 2018. 392 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning)
- Сушко В. А. История возникновения и методология сетевого анализа // Журнал социологии и социальной антропологии, 2018. Т. 21, вып. 1. С. 161–181. DOI 10.31119/jssa.2018.21.1.7
- Шапошникова И. В. Теория актуальна, пока она работает // Вопросы психолингвистики. 2019. Т. 41. № 3. С. 156–173. DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-156-173
- Шапошникова И. В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: ЯСК, 2020. 336 с. (Studia Philologica)
- Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning)

- Arbib, Michael A.** The Mirror System Hypothesis on the Linkage of Action and Languages. In: Action to Language via the Mirror Neuron System. Cambridge University Press, 2006, p. 3–47.
- Bickerton, D.** Language and Human Behaviour. Seattle, WA: University of Washington Press, 1995.
- Harris, R. A.** The Linguistics Wars. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. 356 p.
- Milroy, L.** Language and Social Networks (2nd ed.). Oxford: Blackwell, 1987.
- Cousins Katheryn, A. Q., Ash Sharon, Irwin David J., Grossman Murray.** Dissociable substrates underlie the production of abstract and concrete nouns. *Brain and Language*, 2017, vol. 165, p. 45–54. Published by Elsevier Inc. DOI 10.1016/j.bandl.2016.11.003
- Kutuzov, A., Kuzmenko, E.** WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In: Ignatov D. I. et al. (eds.) Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science, vol 661, p. 155–161. Springer International Publishing AG 2017. DOI 10.1007/978-3-319-52920-215
- Lacey, S., Stilla, R., Deshpande, G., Zhao, S., Stephens, C., McCormick, K., Kemmerer, D., Sathian, K.** Engagement of the Left Extrastriate Body Area during Body-part Metaphor Comprehension. *Brain and Language*, 2017, vol. 166, p. 1–18. Published by Elsevier Inc. DOI 10.1016/j.bandl.2016.11.004
- Rodd Jennifer M. & Matthew H. Davis.** How to Study Spoken Language Understanding: a Survey of Neuroscientific Methods // Language, Cognition and Neuroscience, 2017, vol. 32, no. 7, p. 805–817. DOI 10.1080/23273798.2017.1323110
- van Ackeren Markus J., Casasanto, D., Bekkering, H., Hagoort, P., Rueschemeyer, S.-A.** Pragmatics in Action: Indirect Requests Engage Theory of Mind Areas and the Cortical Motor Network. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2012, vol. 24, no. 11, p. 2237–2247. DOI 10.1162/jocn_a_00274

References

- Arbib, Michael A.** The Mirror System Hypothesis on the Linkage of Action and Languages. In: Action to Language via the Mirror Neuron System. Cambridge University Press, 2006, p. 3–47.
- Bickerton, D.** Language and Human Behaviour. Seattle, WA: University of Washington Press, 1995.
- Cousins Katheryn, A. Q., Ash Sharon, Irwin David J., Grossman Murray.** Dissociable substrates underlie the production of abstract and concrete nouns. *Brain and Language*, 2017, vol. 165, p. 45–54. Published by Elsevier Inc. DOI 10.1016/j.bandl.2016.11.003
- Harris, R. A.** The Linguistics Wars. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. 356 p.
- Karaulov, Yu. N.** General and Russian ideography/ Ed. by S. G. Barkhudarov. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM, 2010a, 360 p. (in Russ.)
- Karaulov, Yu. N.** Russian Language and Language Personality. 7th ed. Moscow: LKI Publishing House, 2010b, 264 p. (in Russ.)
- Koshelev, A. D.** Essays on the Evolutionary-synthetic Theory of Language, Moscow: LRC Publishing House, 2017, 528 p. (Language and Reasoning). (in Russ.)
- Koshelev, A. D.** On the Genesis of Thought and Language. Moscow; Boston: Academic Studies Press; LRC Publishing House, 2020.
- Kubryakova, E. S.** Language and Knowledge: On the Way to Getting Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World. M.: Languages of Slavic Culture, 2004, 560 p. (Language. Semiotics. Culture). (in Russ.)
- Kutuzov, A., Kuzmenko, E.** WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In: Ignatov D. I. et al. (eds.) Analysis of Images, Social Networks and Texts.

- AIST 2016. Communications in Computer and Information Science, vol 661, p. 155–161. Springer International Publishing AG 2017. DOI 10.1007/978-3-319-52920-215
- Lacey, S., Stilla, R., Deshpande, G., Zhao, S., Stephens, C., McCormick, K., Kemmerer, D., Sathian, K. Engagement of the Left Extrastriate Body Area during Body-part Metaphor Comprehension. *Brain and Language*, 2017, vol. 166, p. 1–18. Published by Elsevier Inc. DOI 10.1016/j.bandl.2016.11.004
- Language and thought:** Modern cognitive linguistics / Comp. A. A. Kibrik, A.D. Koshelev; eds. A. A. Kibrik, A. D. Koshelev, A. V. Kravchenko, Yu. V. Mazurova, O. V. Fedorova. M.: Languages of Slavic Culture, 2015, 848 p. (Language and Reasoning). (in Russ.)
- Milroy, L.** Language and Social Networks (2nd ed.). Oxford: Blackwell, 1987.
- Representation of Events:** an Integrated Approach from the Position of Cognitive Sciences / Ed. by V. I. Zabortkina, Moscow: LRC Publishing House, 2017, 360 p. (Language and Reasoning). (in Russ.)
- Rodd Jennifer M. & Matthew H. Davis.** How to Study Spoken Language Understanding: a Survey of Neuroscientific Methods // *Language, Cognition and Neuroscience*, 2017, vol. 32, no. 7, p. 805–817. DOI 10.1080/23273798.2017.1323110
- Shaposhnikova, I. V.** Modes of Identification of the Russian Language Personality in the Epoch of Changes. Moscow: LRC Publishing House, 2020. 336 p. (Studia Philologica). (in Russ.)
- Shaposhnikova, I. V.** The Theory is Valid as Long as it Works. *Issues of Psycholinguistics*, 2019, vol. 41, no. 3, p. 156–173. DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-156-173 (in Russ.)
- Skrebtsova, T. G.** Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches. Moscow: LRC Publishing House, 2018, 392 p. (Language and Reasoning). (in Russ.)
- Sushko, V. A.** History of Emergence and Methodology of Network Analysis. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2018, vol. 21, iss. 1, p. 161–181. DOI 10.31119/jssa.2018.21.1.7 (in Russ.)
- van Ackeren Markus J., Casasanto, D., Bekkering, H., Hagoort, P., Rueschemeyer, S.-A.** Pragmatics in Action: Indirect Requests Engage Theory of Mind Areas and the Cortical Motor Network. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2012, vol. 24, no. 11, p. 2237–2247. DOI 10.1162/jocn_a_00274
- Zubkova, L. G.** Evolution of Ideas about Language. Moscow: Languages of Slavic culture, 2015, 760 p. (in Russ.)
- Zubkova, L. G.** Language Theory in its Development: from Naturocentrism to Logocentrism through Synthesis to Linguocentrism and to a New Synthesis. Moscow: LRC Publishing House, 2016, 624 p. (Studia Philologica) (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
10.06.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

i.shaposhnickowa@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3519-1209

Поэтические реконструкции, или приведение к симметрии (на примере «Персидских мотивов» С. Есенина)

О. В. Владимирова, Ю. Д. Григорьев

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет («ЛЭТИ»)
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

На примере шести стихотворений из «Персидских мотивов» С. Есенина рассматриваются возможные реконструкции, приводящие их к симметричному виду. Отмечается, что некоторые из них, в частности «Шаганэ ты моя, Шаганэ» изначально симметричны в строфическом отношении, другие приводятся к симметрии в результате элементарных преобразований, а третьи обладают структурой, не позволяющей решить задачу симметризации без перестройки всего стихотворения в целом.

Рассмотренные стихотворения представлены 5-стишиями, которые хотя и асимметричны, но обладают гораздо большим запасом сочетаемости стихов, чем четверостишия. Во всех случаях или найдены варианты приведения к симметрии, или указаны причины, по которым это невозможно сделать. Приведены примеры «ошибок» в стихах Пастернака и Мережковского, после «исправления» которых их стихи становятся симметричными. Отмечается, что метод реконструкции для приведения к симметрии является универсальным и может быть использован как при анализе поэтических форм по горизонтали (симметрия ритма), так и по вертикали (симметрия схем рифмовок, рефренов и других композиционных фигур).

Ключевые слова

симметрия, признак симметрии, схема рифмовки, повторяемость стихов, ожерелье, симметричное ожерелье, реконструкция, элементарные преобразования.

Для цитирования

Владимирова О. В., Григорьев Ю. Д. Поэтические реконструкции, или приведение к симметрии (на примере «Персидских мотивов» С. Есенина) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 16–31. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-16-31

Poetic Reconstructions, or Reduction to Symmetry (Based on S. Esenin's Cycle "Persian Motives")

Olga V. Vladimirova, Yuri D. Grigoriev

*St. Petersburg State Electrotechnical University («LETI»)
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

Based on the example of S. Esenin's six poems from the cycle "Persian motives" certain reconstructions of poems making them parallel / symmetric are considered. It is pointed out that the strophes of some of them, namely in "Shaganet, o my love, Shaganet" are initially symmetric, others can be reduced to symmetry as a result of elementary transformations, still the others have the structure that does not allow of symmetrization without the reorganization of the whole poem.

The poems considered in the paper are asymmetric five-line stanzas, however, they have a greater combinative power of verses than quatrains. In all the cases variants of reduction to symmetry are found or the reasons why it cannot be done are specified. Examples of "errors" in Pasternak's and Merezhkovsky's verses are identified and then "corrected", which make the above poems symmetric.

It is noted that the method of poetic symmetrization is universal and can be used both at the horizontal analysis level (regarding symmetry of rhythm), and at the vertical one (dealing with symmetry of rhyming schemes, refrains and other composite figures of prosody)

Keywords

symmetry, symmetry indication, the rhyming scheme, repetitiveness of verses, necklace, symmetric necklace, reconstruction, elementary transformations

For citation

Vladimirova, Olga V., Grigoriev, Yuri D. Poetic Reconstructions, or Reduction to Symmetry (Based on S. Esenin's Cycle "Persian Motives"). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 16–31. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-16-31

Введение

Строфичность предполагает повторение какой-то структуры сочетания строк [Гаспаров, 2001. С. 179]. В «Персидских мотивах» Есенин взял за основу рефренность 5-стиший, изредка перемежая их в отдельных случаях 4- и 6-стишиями [Есенин, 1985]. Избегая математических построений, этот цикл кратко отметил Федотов [Федотов, 2002. С. 15, 172], особо выделив «Шаганэ...». Помимо «Шаганэ...» он отмечает еще пять стихотворений – это «Свет вечерний шафранного края...», «Воздух прозрачный и синий...», «В Хороссане есть такие двери...», «Голубая родина Фирдуси...», и «Глупое сердце, не бейся!...».

Общим признаком, объединяющим все шесть стихотворений, является повторяемость отдельных строк. И хотя Есенин не стремится к «педантичной штамповке совершенно одинаковых строф, время от времени допуская перестановку в порядке рифмовки» [Федотов, 2002. С. 15, 172] и, добавим, в порядке повторяемых строк, во всех названных случаях присутствует тем не менее скрытая симметрия в чистом виде или симметрия нарушенная.

Есенин был далеко не единственным поэтом, использовавшим в своем творчестве идеи симметрии. Особенно изобретательным в этом отношении был, скажем, Игорь Северянин [Северянин, 1988]. Все созданные им стилистические фигуры, такие как «Кэнзель», «Дизель», «Миррэт», «Переpleск» и т. д. – суть симметричные ожерелья, о которых пойдет речь в статье, или близкие к ним формы. Особенно показателен в этом отношении «Квадрат квадратов», который безупречен с точки зрения симметрии и допускает красивый анализ с помощью теории групп. Обращение к этой теории при анализе творчества Анны Ахматовой приводится в [Корона, 1999. С. 105].

Цель статьи – не прибегая к сложным математическим построениям, представить симметрии «Персидских мотивов» в как можно более явном виде, а там, где она нарушена – указать возможные реконструкции, приводящие к симметрии.

Сами по себе эти реконструкции никакой специальной цели не преследуют. Однако близость оригиналов к неким симметричным эталонам должна подчеркнуть, что принцип симметрии незримо присутствует в творчестве поэтов и в теории стихосложения вообще [Портер, 2003; Мартыненко, 2016]. При отклонении же от симметрии можно говорить уже не о ней, а о закономерностях асимметрии, что приведет нас к тем или иным принципам гармонии, среди которых наиболее известным является золотое сечение [Григорьев, Мартыненко, 2017].

Забегая вперед, заметим, что природа золотого сечения тесно связана с числом 5, точнее, с рекуррентной последовательностью чисел Фибоначчи $\{F_n : F_1 = 1, F_2 = 1\}$, определяемой равенством $F_{n+2} = F_{n+1} + F_n$, $n = 1, 2, \dots$. Следовательно, пятистишия по своей природе несут в себе гармонию асимметрии.

Ожерелья

В качестве математического инструмента, который идеально подходит для анализа симметрий в стиховедении, будем использовать так называемые *ожерелья*. Для них существует хорошо разработанная теория перечисления Пойа [Харари, 1973], в которой ключевую роль играют понятия циклового индекса для циклических и диэдральных групп. Мы не будем останавливаться на этих глубоких понятиях, отметив лишь, что неявно использовали некоторые из этих результатов в представленной работе. Отметим также, что к понятию ожерелья, введя другое определение, самостоятельно пришел Портер в своей всеобъемлющей работе о симметрии в стихах [Портер, 2003].

Математическая модель строфы

Ожерелья – это конструкции, которые в теории графов называются простым циклом. Они оказываются чрезвычайно удобным инструментом для анализа строф в качестве их математической модели.

Сопоставим каждому стиху строфы вершину (точку) v_k . Строфа из n стихов (n -стишие) содержит n вершин. Соединив их ребрами (отрезками линий), а затем, соединив последнюю вершину с первой, получим простой цикл. Его удобно изображать в виде правильного n -угольника, вписанного в окружность.

Вершины цикла помечают какими-либо метками. Скажем, одни рифмующиеся стихи помечают одной буквой, а другие – другой, как собственно и принято в стиховедении. Простой цикл с размеченными вершинами назовем (n, m) -*ожерельем*, где n – длина ожерелья, $m = (m_1, \dots, m_q)$, $n = m_1 + \dots + m_q$ – распределение бусин (вершин) по q цветам. Цветов бусин может быть несколько. Это определяется количеством признаков $q \geq 2$, по которым мы хотим классифицировать стихи строфы. Обычно, чтобы не затемнять анализ, полагают $q = 2, 3$.

Все вершины цикла (бусины ожерелья) помечаем числами $1, 2, \dots, n$ по часовой стрелке, но на рисунках нумерацию, кроме начальной вершины 1 , опускаем.

В контексте поставленной задачи анализа симметрий строфы в качестве цветов бусин выступают *признаки симметрии*, присущие элементам строфы. Элементами строфы являются словесные единицы. Ими могут быть стихи, отдельные слова, фразы и т. д. Если эти единицы наделяются каким-либо общим признаком, скажем, повторяемостью, синтаксическим рефреном, эхом или иным композиционным приемом, то говорят о симметрии соответствующего типа.

Примерами стилистических фигур, наделяющих строфу симметрией, являются анафора, эпифора, симплока, анадиплосис, параллелизмы (синтаксические, лексические, ритмические), рефрен и т. д. В «Персидских мотивах» нас, в первую очередь, будут интересовать повторы стихов.

В обычной математике понятие симметрии связывается с возможностью самосовмещения фигуры с самой собой при некоторых ее преобразованиях, называемых движениями [Вейль, 2007]. К числу таких преобразований относятся, в частности, зеркальные отражения и повороты. Если при выполнении таких движений фигура хотя бы раз самосовместится, то говорят, что она симметрична. В таких случаях на плоскости можно определить ось симметрии и центр симметрии, относительно которых фигура обладает зеркальной или поворотной симметрией соответственно. Если таких осей симметрии будет две, говорят, что фигура имеет ось симметрии 2-го порядка и т. д. Скажем, прямоугольник обладает осевой симметрией второго порядка, так как он имеет две оси симметрии. Квадрат обладает осевой симметрией 4-го порядка, так как он, в дополнение к предыдущему случаю, обладает еще и двумя симметриями относительно диагоналей.

Строфический репертуар поэзии чрезвычайно широк. Это демонстрирует табл. 1 [Харари, 1973; Яковенко 1998; Портер, 2003], где показаны общее количество (n, k) -строф (ожерелий), различаемых по одному признаку, и количество симметричных среди них.

Это количество быстро растет с ростом n . Поэтому не следует удивляться обнаруженной К. Д. Вишневым закономерности [Федотов, 2002. С. 18]: чем крупнее строфа по объему, тем больше она имеет ритмических вариантов¹, но тем меньше эти варианты используются. Это понятно, так как количество несимметричных вариантов растет значительно быстрее числа симметричных. Несимметричные же варианты строф поэты обычно предпочитают не использовать.

Таблица 1

Общее число (n, m) -ожерелий и симметричных среди них, $m = (k, n - k)$

Table 1

Total number of (n, m) -necklaces, symmetric necklaces among them, $m = (k, n - k)$

$(n - k)$	(6, 3)	(7, 3)	(8, 3)	(8, 4)	(9, 3)	(9, 4)
Всего	4	5	7	10	10	14
Симметричные	3	3	3	7	4	6
(n, k)	(10, 3)	(10, 4)	(10, 5)	(11, 3)	(11, 4)	(11, 5)
Всего	12	22	26	15	30	42
Симметричные	4	10	11	5	10	10
(n, k)	(12, 3)	(12, 4)	(12, 5)	(12, 6)	(13, 3)	(13, 4)
Всего	19	43	66	80	22	55
Симметричные	5	15	10	26	6	15
(n, k)	(13, 5)	(13, 6)	(14, 3)	(14, 4)	(14, 5)	(14, 6)
Всего	99	132	26	73	143	217
Симметричные	15	20	6	20	15	35
(n, k)	(14, 7)	(15, 3)	(15, 4)	(15, 5)	(15, 6)	(15, 7)
Всего	246	31	91	201	335	429
Симметричные	38	7	21	21	35	35

Реконструкции, или приведение к симметрии

Под реконструкцией будем понимать отображение оригинала в его симметричный образ. Отображение должно задаваться минимальным числом элементарных преобразований исходного текста, к числу которых отнесем следующие: 1) перестановка стихов; 2) замена стиха новым, отсутствующим в оригинале; 3) добавление нового стиха, т. е. увеличение длины ожерелья на единицу.

Конечно, при осуществлении таких преобразований неизбежны некоторые синтаксические согласования (изменение пунктуации, появление дополнительных или, наоборот, исключение некоторых служебных слов, согласование окончаний и т. п.). Целью является не написать за автора новое стихотворение, «исправить» оригинал, а показать его близость к определенному симметричному образу. Учитывая, что подавляющее большинство стихотворных текстов по своей природе обнаруживает те или иные признаки симметрии, все эти реконструкции должны подчеркнуть скрытое присутствие этой симметрии в тексте. Выводы из этого можно делать самые разные. Например, можно предположить, что автор на интуитивном или сознательном уровне следовал некоторой заданной схеме, но до конца не выдер-

¹ Добавим, что не только ритмических, но и прочих.

жал ее, или же, наоборот, следовал определенной схеме, но просто допустил ошибку и по какой-то причине не заметил ее.

«Ошибки» поэтов

То, что ошибки или сознательные отклонения от оригинала (обычно при переводах) в поэтическом творчестве иногда встречаются, продемонстрируем двумя примерами.

Б. Пастернак. «За книгой» [Золотое перо, 1974. С. 506]

Анализ системы рифмовки стихотворения Рильке «Der Lesende» из «Книги образов» [Rilke, 1976] показывает, что в оригинале оно содержит пять скрытых строф с последовательностью длин 4 – 12 – 5 – 5 – 5, что в совокупности дает 31 стих. Первое 4-стишие aabb симметрично, как симметричны и 5-стишия (они всегда симметричны даже с холостыми стихами). Общую картину искажает 12-стишие, в котором цепочка мужских рифм 6 – 7 – 9 – 15 не дает возможности разорвать строфу на две более короткие строфы.

По всей видимости, Пастернак [Золотое перо, 1974. С. 506; Золотое сечение, 1988. С. 227] попытался разрешить эту ситуацию и пошел на реконструкцию оригинала, тем более, что у Рильке в этой строфе 11-й стих является холостым и не задействован в системе рифмовок. Почему 12-стишие Пастернак не разбил на два 6-стишия, остается неясным. Не считая первые четыре стиха, в его распоряжении после расщепления строфы был вариант 27 = 6 + 6 + 5 + 5 + 5, но он выбрал 26 = 5 + 5 + 5 + 6 + 5. В результате был потерян один стих, что следует рассматривать как досадную ошибку, на которую мало кто обращает внимание.

Отметим также, что в результате реконструкции Пастернак перевернул ситуацию с мужскими и женскими рифмами на противоположную: у Рильке мужских рифм 12, женских – 19, у Пастернака соответственно 19 и 11, что также следует рассматривать как волюнтаризм, осознанное действие по собственной воле.

Таблица 2

Р. Рильке и Б. Пастернак. «Der Lesende»: распределение стихов по строфам

Table 2

R. Rilke and B. Pasternak. “Der Lesende”: distribution of verses within stanzas

Строфа	Рильке	Строфа	Пастернак
4-стиш.	1 – 2 (муж), 3 – 4 (муж)	4-стиш.	1 – 2 (муж), 3 – 4 (муж)
12-стиш.	5 – 8 – 10 (жен) 6 – 7 – 9 – 15 (муж) 12 – 13 – 14 – 16 (жен)	5-стиш.	5 – 8 (жен), 6 – 7 – 9 (муж)
5-стиш.	17 – 21 (муж), 18 – 19 – 20 (жен)	5-стиш.	10 – 13 (жен), 11 – 12 – 14 (муж)
5-стиш.	22 – 24 – 26 (жен), 23 – 25 (муж)	5-стиш.	15 – 19 (жен), 16 – 17 – 18 (муж)
5-стиш.	27 – 28 – 30 (жен), 29 – 31 (жен)	6-стиш.	20 – 23 – 24 (муж)
			21 – 22 – 25 (жен)
		5-стиш.	26 – 27 – 29 (муж), 28 – 30 (жен)

Д. Мережковский. «Март» [Поэзия, 2019. С. 83]

На рис. 1 показаны два ожерелья стихотворения Мережковского «Март»: до и после реконструкции. Признак симметрии – рифма. В оригинале 1 – 3 – 5 – 7 – 9 – 10 – 12 – 13 – 15 – 17 (лед – течет – вод и т. д.) – бусины одного цвета, 2 – 4 – 6 – 8 – 11 – 14 – 16 (снег – бег – нег и т. д.) – бусины другого цвета. Ожерелье несимметрично. Возникает вопрос – а к этому ли результату стремился Мережковский? Ответ мы никогда не узнаем. Но поразительно то, что добавив всего один стих, сконструированный нами исходя из общего контекста (сам автор сделал бы это лучше), мы приходим к симметричному 18-ожерелью с бусинами $a = (1 – 3 – 5 – 7 – 9 – 10 – 12 – 14 – 16 – 18)$ и $b = (2 – 4 – 6 – 8 – 11 – 13 – 15 – 17)$ двух разных цветов. Может, это и есть тот результат, который хотел получить Мережковский?

Д. Мережковский. «Март»:
оригинал

- 1 Больной, усталый лед,
- 2 Больной и талый снег...
- 3 И все течет, течет...
- 4 Как весел вешний бег
- 5 Могучих мутных вод!
- 6 И плачет дряхлый снег,
- 7 И умирает лед.
- 8 А воздух полон нег,
- 9 И колокол поет.
- 10 От стрел весны падет
- 11 Тюрьма свободных рек,
- 12 Угрюмых зим оплот, –
- 13 Больной и темный лед,
- 14 Усталый, талый снег...
- 15 И колокол поет,
- 16 Что жив мой Бог век,
- 17 Что Смерть сама умрет!

Д. Мережковский. «Март»:
реконструкция

- 1 Больной, усталый лед,
- 2 Больной и талый снег...
- 3 И все течет, течет...
- 4 Как весел вешний бег
- 5 Могучих мутных вод!
- 6 И плачет дряхлый снег,
- 7 И умирает лед.
- 8 А воздух полон нег,
- 9 И колокол поет.
- 10 От стрел весны падет
- 11 Тюрьма свободных рек,
- 12 Угрюмых зим оплот, –
- 13 *Больной просевший снег,*
- 14 Больной и темный лед,
- 15 Усталый, талый снег...
- 16 И колокол поет,
- 17 Что жив мой Бог век,
- 18 Что Смерть сама умрет!

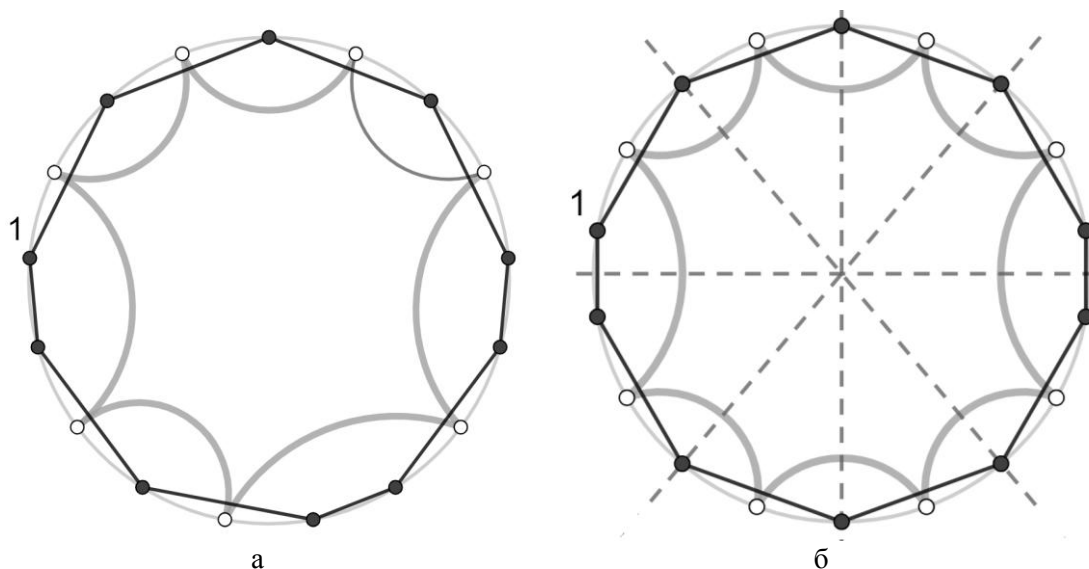

Рис. 1. Д. Мережковский. «Март»: а – оригинал; б – реконструкция

Fig. 1. D. Merezhkovsky. "March": a – original; b – reconstruction

Как отмечается в [Фейен, 1980. С. 153–158], «Повороты, отражения или трансляции в литературных произведениях не следует понимать буквально <...> В математике и некоторых видах искусств симметрия представляет собой нечто, по существу, завершенное, в то время как об узорах симметрии в словах сказать нечто подобное однозначно нельзя <...> В литературе мы можем локализовать лишь тягу к симметрии и кое-какие симметрические эффекты <...> Стихотворный метр и форма поэтической строфы призваны смягчить симметрию и избегать ее, что достигается непрерывными и разнообразными нарушениями ожидаемого пра-

вильного рисунка» (обманутое ожидание). Поэтому и то, что мы называем «ошибками», на самом деле точнее было бы рассматривать как сознательный уход от симметрии, хотя, конечно, есть и исключения. Сила, заложенная в структуре строфы, часто бывает настолько велика (в [Фейсен, 1980. С. 154] в этом смысле отмечается сестина [Северянин, 1988. С. 306]), что расстояние между симметрией и асимметрией в итоге оказывается весьма незначительным. Это мы и хотим показать на примере «Персидских мотивов» С. Есенина.

Симметрия и асимметрия пятистиший

Кратко остановимся на 5-стишиях, которыми написаны шесть представленных ниже стихотворений Есенина из цикла «Персидские мотивы». Об их симметрии и асимметрии уже много сказано [Федотов, 2002. С. 167]. В чисто философском плане добавим, что симметрия и асимметрия выступают как равноправные элементы любой системы. Поэтому нельзя говорить о первичности симметрии или асимметрии, только равновесие этих сущностей составляет гармоническое отношение. Это означает, что в отношениях между ними следует придерживаться «золотой середины», избегать крайностей. В более широком контексте об этом говорится в монографии [Гринбаум, 2002], посвященной гармонии строфического ритма на примере онегинской строфы. Поддерживая эту мысль, Федотов в разделе о 5-стишиях [Федотов, 2002. С. 170] отмечает, что «правильный альтернанс разнородных созвучий создает почти идеальную симметрию, преодолевая асимметрию нечетного количества стихов».

В пятистишиях *правильным* альтернансом является система рифмовки с двумя рифмами, согласно которой рифмуются два и три стиха $5 = 2 + 3$. Полная симметрия $\left(5 = \frac{5}{2} + \frac{5}{2}\right)$ здесь

недостижима, поэтому баланс между двумя сущностями должен достигаться стремлением к равенству между двумя отношениями – большего к целому и меньшего к большему. В данном случае это $\frac{3}{5} = 0.600$ и $\frac{2}{3} = 0.667$. При неправильном альтернансе $5 = 4 + 1$ (или других

вариантах с холостыми стихами) этот баланс ухудшается: $\frac{4}{5} = 0.8$ и $\frac{1}{4} = 0.25$. Два тривиаль-

ных случая – когда все стихи холостые и монорим – присущи любой системе, и мы их здесь не рассматриваем. С ростом длины ожерелья (при увеличении числа стихов в строфе) и стремлении к соблюдению баланса между симметрией и асимметрией приходим к знаменитой гармонической константе – золотому сечению $\varphi = \frac{(\sqrt{5}-1)}{2} = 0.618$ [Григорьев, Мар-

тыненко, 2017] как пределу $\frac{F_n}{F_{n+1}} \rightarrow \varphi, n \rightarrow \infty$.

Пятистишия пронизаны золотым сечением. Согласно теории ожерелий [Яковенко, 1998] существуют два класса симметричных (5, 2)-ожерелий с системами рифмовки abaab и aabba (a и b – бусины разных цветов). Эти классы замкнуты относительно циклических сдвигов их представителей и переименования цветов. Поэтому любым из этих преобразований любое 5-стишие с правильным альтернансом приводится к одному из двух представителей данных классов.

Обозначим принадлежность строфы к I классу через «+», ко II классу – через «-». Распределение 27 строф, использованных Есениным в шести стихотворениях рассматриваемого цикла, представлено в табл. 3.

Таблица 3

Симметрия и асимметрия пятистиший

Table 3

Symmetry and asymmetry of five-line stanzas

Строфа	I	II	III	IV	V	VI
1	–	+	–	+		+
2	–	+	+	+	*	+
3	–	–	+	+	*	+
4	–	+	+	+	*	+
5	–	+	+	+	+	+
6					*	–

Примечание: I – «Шаганэ ты моя, Шаганэ», II – «Голубая родина Фирдуси»; III – «Воздух прозрачный и синий», IV – «В Хоросане есть такие двери»; V – «Глупое сердце, не бейся»; VI – «Свет вечерний шафранного края», «*» – строфа с холостым стихом.

Note: I – “Shaganet, o my love, Shaganet”; II – “Firdousy blue homeland”; III – “Air glassy and dark blue”, IV – “In Horossan there are such doors”, V – “Silly heart, don’t beat!..”; VI – “Evening light of saffron land”, “*” is stanza with blank verse.

Всего в рассматриваемых стихотворениях Есенин использовал 27 строф-пятистиший, из них 8 – отрицательных и 19 – положительных. Интересно отметить, что полностью отрицательными строфами написано «Шаганэ ты моя, Шаганэ...», а положительными – «В Хоросане есть такие двери...». Это, как мы увидим далее, наиболее «симметричные» стихотворения. Отметим также, что подобные пятистишия, в которых непривычное удвоение строк совершается в середине строфы (на 2 – 3-м или 3 – 4-м стихах), Есенин использовал 8 раз для строф I класса (это родовое свойство данного класса) и 4 раза для строф II класса. В [Федотов, 2002. С. 174] отмечается зыбкость и неуравновешенность ритмического характера строф данного типа.

«Персидские мотивы» С. Есенина

Восемь стихотворений из «Персидских мотивов» Есенин написал, используя композиционный прием повторяемости строк. Особенно охотно (в шести случаях из восьми) он обращался к рефренным 5-стишиям [Федотов, 2002. С. 172]. Не все из этих шести стихотворений оказались симметричными (два из шести), но практически для всех из них удастся найти элементарные преобразования, которые приводят их к симметричным ожерельям. Далее приводятся реконструкции четырех из шести стихотворений, написанных 5-стишиями.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ»

Это самое знаменитое стихотворение данного цикла. Его стиховедческая характеристика [Холшевников, 1984. С. 415] такова: «...венок строф, кольцо стихотворения». Магистрал составлен из пяти строк первой строфы, но, в отличие от венков сонетов, он одновременно является и лепестком. Лепестки со 2-го по 5-й подвязываются к магистралу его стихами со 2-й по 5-ю, а 1-й лепесток подвязывается к магистралу (к самому себе!) 1-м стихом [Портер, 2003. С. 173]. В нашей терминологии «Шаганэ...» – это симметричное относительно признака симметрии «повторение стихов» (25, m)-ожерелье с $m = (12, 13)$ (рис. 2, а). Повторяющиеся стихи – последовательность $a = (1 - 2 - 3 - 4 - 5 - 6 - 10 - 11 - 15 - 16 - 20 - 21 - 25)$. Реконструкция для приведения «Шаганэ...» к симметрии не требуется. Более подробно с привлечением теории групп стихотворение проанализировано в [Владимирова, Григорьев, 2020].

«Шаганэ ты моя, Шаганэ»

- 1 Шаганэ ты моя, Шаганэ!
- 2 Потому что я с севера, что ли,
- 3 Я готов рассказать тебе поле,
- 4 Про волнистую рожь при луне.
- 5 Шаганэ ты моя, Шаганэ.

- 6 Потому что я с севера, что ли,
- 7 Что луна там огромней в сто раз,
- 8 Как бы ни был красив Шираз,
- 9 Он не лучше рязанских раздолгий.
- 10 Потому что я с севера, что ли?

- 11 Я готов рассказать тебе поле,
- 12 Эти волосы взял я у ржи,
- 13 Если хочешь, на палец вяжи –
- 14 Я нисколько не чувствую боли.
- 15 Я готов рассказать тебе поле.
- 16 Про волнистую рожь при луне
- 17 По кудрям ты моим догадайся.
- 18 Дорогая, шути, улыбайся,
- 19 Не буди только память во мне
- 20 Про волнистую рожь при луне.

- 21 Шаганэ ты моя, Шаганэ!
- 22 Там, на севере, девушка тоже,
- 23 На тебя она страшно похожа,
- 24 Может, думает обо мне...
- 25 Шаганэ ты моя, Шаганэ!

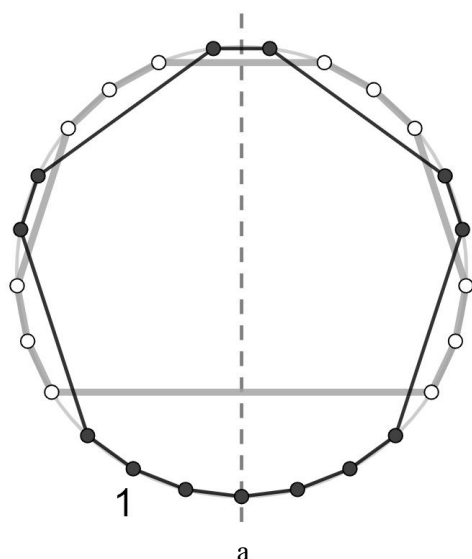
«Голубая родина Фирдуси»

- 1 Голубая родина Фирдуси,
- 2 Ты не можешь, памятью простыв,
- 3 Позабыть о ласковом уресе
- 4 И глазах задумчиво простых.
- 5 Голубая родина Фирдуси.

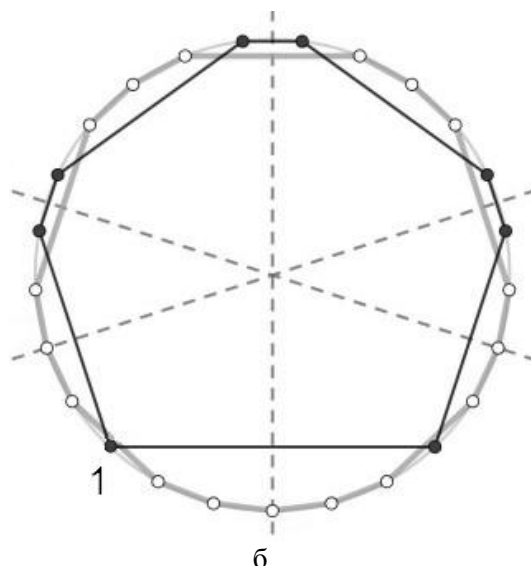
- 6 Хороша ты, Персия, я знаю,
- 7 Розы, как светильники, горят
- 8 И опять мне о далеком крае
- 9 Свежестью упругой говорят.
- 10 Хороша ты, Персия, я знаю.

- 11 Я сегодня пью в последний раз
- 12 Ароматы, что хмельны, как брага.
- 13 И твой голос, дорогая Шага,
- 14 В этот трудный расставанья час
- 15 Слушаю в последний раз.
- 16 Но тебя я разве позабуду?
- 17 И в моей скитальческой судьбе
- 18 Близкому и дальнему мне люду
- 19 Буду говорить я о тебе,
- 20 И тебя навеки не забуду.

- 21 Я твоих несчастий не боюсь,
- 22 Но на всякий случай твой угрюмый
- 23 Оставляю песенку про Русь:
- 24 Запевая, обо мне подумай,
- 25 И тебе я в песне отзовусь...

а

б

Рис. 2. С. Есенин: а – «Шаганэ ты моя, Шаганэ»; б – «Голубая родина Фирдуси»
 Fig. 2. S. Esenin: а – “Shaganet, o my love, Shaganet”; б – “Firdousy’s blue homeland”

«Голубая родина Фирдуси»

«Голубая родина Фирдуси...» представляет собой (25, m)-симметричное ожерелье (рис. 2, б), $m = (8, 17)$, где восемь бусин – это последовательность повторяющихся стихов $a = (1 - 5 - 6 - 10 - 11 - 15 - 16 - 20)$. Стихотворение состоит из 5 строф, из которых четыре – кольцевые. В силу этого ожерелье имеет симметрию 1-го порядка. Оно представлено выше. Очевидно, что если бы Есенин «закольцевал» и последнюю строфу, то степень симметрии всего стихотворения возросла за счет включения в последовательность a вершин 21 и 25. Поскольку достижение всеобъемлющей симметрии в общем случае не является самостоятельной целью того или иного поэта (хотя есть и исключения из этого правила), а служит лишь одним из средств достижения выразительности, то и никаких претензий к поэту по поводу нереализованных симметричных возможностей быть не может.

«Воздух прозрачный и синий»

В исходном виде стихотворение несимметрично. Однако элементарными преобразованиями оно легко приводится к симметрии: 1) переставляем стихи 11 и 12; 2) переставляем стихи 16 и 17; 3) переставляем все стихи последней строфы, образуя последовательность 23 – 24 – 21 – 22 – 25. В результате этих преобразований все строфы становятся кольцевыми, а всё стихотворение становится симметричным (25, a)-ожерельем с бусинами $a = (1 - 5 - 6 - 10 - 11 - 15 - 16 - 20 - 21 - 25)$, соответствующими кольцевым стихам. Ожерелье обладает симметрией 5-го порядка (рис. 3, а).

«Воздух прозрачный и синий»		«В Хороссане есть такие двери»	
1	<i>Воздух прозрачный и синий,</i>	1	<i>В Хороссане есть такие двери,</i>
2	<i>Выйду в цветочные чащи.</i>	2	<i>Где обсыпан розами порог.</i>
3	<i>Путник, в лазурь уходящий,</i>	3	<i>Там живет задумчивая пери.</i>
4	<i>Ты не дойдешь до пустыни.</i>	4	<i>Но открыть те двери я не мог.</i>
5	<i>Воздух прозрачный и синий.</i>	5	<i>В Хороссане есть такие двери.</i>
6	<i>Лугом пройдешь, как садом,</i>	6	<i>У меня в руках довольно силы,</i>
7	<i>Садом в цветенье диком,</i>	7	<i>В волосах есть золото и медь.</i>
8	<i>Ты не удержишься взглядом,</i>	8	<i>Голос пери нежный и красивый.</i>
9	<i>Чтоб не припасть к гвоздикам.</i>	10	<i>Но дверей не смог я отпереть.</i>
10	<i>Лугом пройдешь, как садом.</i>	9	<i>Хоть в руках моих довольно силы.</i>
12	<i>Нежность, как песни Саади.</i>	11	<i>Ни к чему в любви моей отвага.</i>
11	<i>Шепот ли, шорох иль шелесть –</i>	12	<i>И зачем? Кому мне песни петь? –</i>
13	<i>Вмиг отразится во взгляде</i>	13	<i>Если стала неревнивой Шага,</i>
14	<i>Месяца желтая прелесть,</i>	14	<i>Коль дверей не смог я отпереть,</i>
15	<i>Нежность, как песни Саади.</i>	15	<i>Ни к чему в любви моей отвага.</i>
17	<i>Тихий, как флейта Гассана.</i>	16	<i>Мне пора обратно ехать в Русь.</i>
16	<i>Голос раздастся пери,</i>	17	<i>Персия! Тебя ли покидаю?</i>
18	<i>В крепких объятиях стана</i>	18	<i>Навсегда ль с тобою расстанусь</i>
19	<i>Нет ни тревог, ни потери,</i>	19	<i>Двери те уже не отпираю.</i>
20	<i>Только лишь флейта Гассана.</i>	20	<i>Мне пора обратно ехать в Русь.</i>
23	<i>Ветер благоуханный</i>	21	<i>До свиданья, пери, до свиданья,</i>
24	<i>Пью я сухими устами</i>	23	<i>Пусть не смог я двери отпереть,</i>
21	<i>Вот он удел желанный</i>	24	<i>Ты дала красивое страданье,</i>
22	<i>Всех, кто в пути устали.</i>	22	<i>Про тебя на родине мне петь.</i>
25	<i>Ветер благоуханный</i>	25	<i>До свиданья, пери, до свиданья.</i>

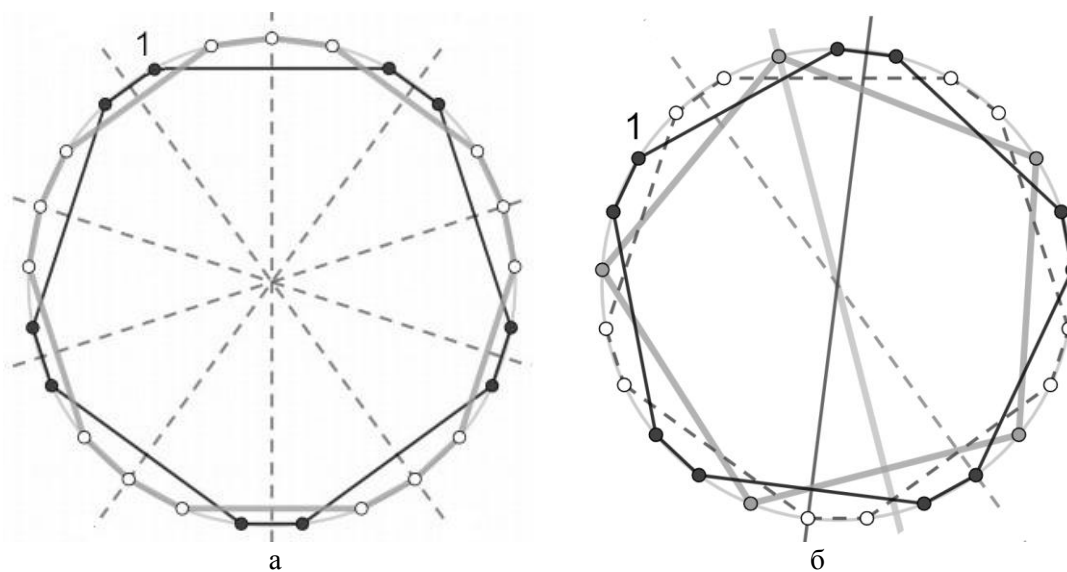

Рис. 3. С. Есенин: а – «Воздух прозрачный и синий»; б – «В Хороссане есть такие двери»
 Fig. 3. S. Esenin: a – “Air glassy and dark blue”; b – “In Horossan there are such doors”

«В Хороссане есть такие двери»

Стихотворение – 25-ожерелье, составленное из пяти 5-стиший. Все строфы, кроме первых двух, кольцевые, однако в запасе у Есенина пять пар повторяющихся стихов. Это «В Хороссане есть такие двери...», «У меня в руках довольно силы...», «Ни к чему в любви моей отвага...», «Мне пора обратно ехать в Русь...» и «До свиданья, пери, до свиданья...». Поэтому первые две строфы было бы легко превратить в кольцевые. В дополнение к этому, Есенин использует сложный композиционный прием – накладывает на строфы синтаксический рефрен «Но открыть те двери я не мог...». Однако делает это не до конца последовательно – в 4-й строфе этот рефрен отсутствует. Поэтому ожерелье по признаку повторяемости стихов несимметрично.

Стратегия приведения к симметрии состоит из четырех шагов: 1) меняем местами строки 4 и 5; 2) меняем местами строки 9 и 10; 3) аннулируем стих 19 и на его месте размещаем рефрен «Двери те уже не отпираю» (ведь его в этой строфе вообще не было!); 4) в последней строфе осуществляем перестановку стихов, переходя к последовательности 21 – 23 – 24 – 22 – 25 (циклическая перестановка стихов 22, 23, 24). Теперь стих «Но открыть те двери я не мог...» как бы играет роль магистрала, подвывая все пять лепестков четвертыми строками каждой строфы.

В результате предложенной трансформации приходим к ожерелью с высокой степенью симметрии. С одной стороны, это (25, а)-ожерелье с последовательностью бусин $a = (1 - 5 - 6 - 10 - 11 - 15 - 16 - 20 - 21 - 25)$, с другой – (25, б)-ожерелье, где $b = (4 - 9 - 14 - 19 - 24)$. Наконец, рассматривая стихотворение как (25, т)-ожерелье с тремя цветами бусин, $t = (a, b, c)$, $c = (2 - 3 - 7 - 8 - 12 - 13 - 17 - 18 - 22 - 23)$, приходим к третьему признаку симметрии. «В Хороссане есть такие двери» является самым симметричным ожерельем всего цикла «Персидские мотивы». Соответствующее ему симметричное ожерелье представлено на рис. 3, б.

«Глупое сердце, не бойся!..»

Структура этого ожерелья – одно 4-стишие и пять 5-стиший. Оно несимметрично. Симметрию нарушает предпоследняя строфа, кажущаяся, на первый взгляд, вполне обычной. Именно она требует трансформации для приведения ожерелья к симметрии.

В данной строфе повторяется стих «Жизнь не совсем обманула...», в то время как в остальных строфах – стих «Глупое сердце, не бейся!..». Однако важно не столько это, сколько то, что эта кольцевая строфа не должна быть кольцевой! Формально приведение к симметрии осуществляется следующим образом – в этой строфе необходимо перестановкой строк перейти к последовательности стихов 22 – 23 – 20 – 24 – 21. Конечно, теперь две повторяющиеся строки стоят рядом, но такое в поэзии встречается (удвоение), хотя строфа и перестает быть кольцом. Таковы последствия включения в стихотворение 4-стишия, поскольку выясняется, что тотальной кольцеобразностью строф сохранить симметрию всего ожерелья не удастся. Все это, однако, чисто умозрительные построения. Главное для нас то, что оригинальный текст очень близок к симметричному. Симметричное ожерелье показано на рис. 4, а. Бусины $a = (1 - 4 - 9 - 14 - 19 - 22 - 23 - 29)$ выделены курсивом.

«Свет вечерний шафранного края»

Структура этого 30-ожерелья – шесть 5-стиший, пять из которых содержат повторяющиеся стихи, хотя в каждой строфе они и разные. Ожерелье несимметрично. Выделим в нем два подмножества по 6 бусин двух разных цветов – $a = (2 - 5 - 12 - 15 - 22 - 25)$ и $b = (6 - 10 - 16 - 20 - 26 - 30)$. Каждое из них охватывает по три строфы. Рассмотрим подмножество a . Мысленно представим, что стихи 22 и 25 в нем совпадают. Тогда $(30, a)$ -ожерелье симметрично. Теперь рассмотрим подмножество бусин b . Переставим местами стихи 16 и 17, т. е. от b перейдем к $\hat{b} = (6 - 10 - 16(17) - 20 - 26 - 30)$ (в скобках показан номер 17, ставший 16-м). Тогда $(30, \hat{b})$ -ожерелье симметрично. Для наглядности элементы a выделены темным курсивом, а элементы $\hat{b}$ – обычным курсивом. Подводим итог. Симметричное $(30, a)$ -ожерелье построить без участия Есенина не удастся, так как 5-я строфа – единственная в стихотворении, где поэт отклонился от задуманных кольцевых строф, зарифмовав стихи 22 и 25, но не сделав их повторяющимися. $(30, \hat{b})$ -ожерелье получаем из $(30, b)$ без каких-либо синтаксических усилий и смысловых утрат простым элементарным преобразованием – перестановкой строк. Думается, что против этого не возражал бы и сам Есенин. Окончательный результат показан на рис. 4, б.

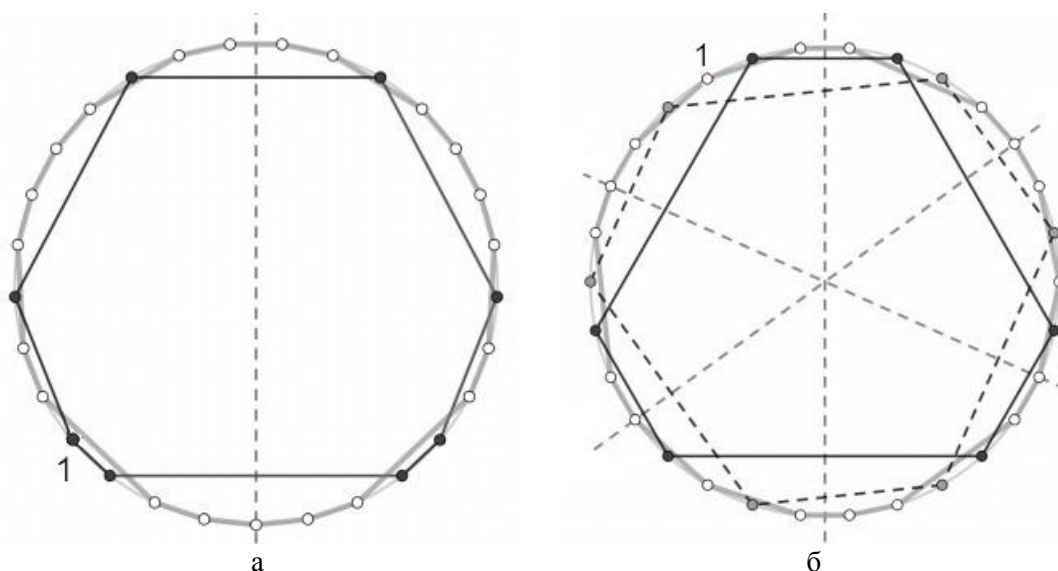

Рис. 4. С. Есенин: а – «Глупое сердце, не бейся!..»; б – «Свет вечерний шафранного края»
Fig. 4. S. Esenin: а – “Silly heart, don’t beat!..”; б – “Evening light of saffron land”

«Глупое сердце, не бойся!..»		«Свет вечерний шафранного края»	
1	Глупое сердце, не бойся!	1	Свет вечерний шафранного края,
2	Все мы обмануты счастьем,	2	<i>Тихо розы бегут по полям.</i>
3	Нищий лишь просит участия...	3	Спой мне песню, моя дорогая,
4	Глупое сердце, не бойся.	4	Ту, которую пел Хаям.
		5	<i>Тихо розы бегут по полям.</i>
5	Месяца желтые чары		
6	Льют по каштанам в пролесь.	6	Лунным светом Шираз осиянен,
7	Лале склоняясь на шальвары,	7	Кружит звезд мотыльковый рой.
8	Я под чадрую укроюсь.	8	Мне не нравится, что персияне
9	<i>Глупое сердце, не бойся.</i>	9	Держат женщин и дев под чадрой.
		10	Лунным светом Шираз осиянен.
10	Все мы порою, как дети.		
11	Часто смеемся и плачем:	11	Иль они от тепла застыли,
12	Выпали нам на свете	12	<i>Закрывая телесную медь?</i>
13	Радости и неудачи.	13	Или, чтобы их больше любили,
14	<i>Глупое сердце, не бойся.</i>	14	Не желают лицом загореть,
		15	<i>Закрывая телесную медь?</i>
15	Многие видел я страны.		
16	Счастья искал повсюду,	17	<i>Заучи эту заповедь вкратце,</i>
17	Только удел желанный	16	Дорогая, с чадрой не дружись,
18	Больше искать не буду.	18	Ведь и так коротка наша жизнь,
19	<i>Глупое сердце, не бойся.</i>	19	Мало счастьем дано любоваться.
		20	<i>Заучи эту заповедь вкратце.</i>
22	Сердце, ты хоть бы заснуло		
23	Здесь, на коленях у милой.	21	Даже все некрасивое в роке
20	<i>Жизнь не совсем обманула.</i>	22	<i>Осеняет своя благодать.</i>
24	<i>Жизнь не совсем обманула.</i>	23	Потому и прекрасные щеки
21	Новой напьемся силой.	24	Перед миром грешно закрывать,
		25	<i>Коль дала их природа-мать.</i>
25	Может, и нас отметит		
26	Рок, что течет лавиной,	26	<i>Тихо розы бегут по полям.</i>
27	И на любовь ответит	27	Сердцу снится страна другая.
28	Песнею соловьиной.	28	Я спою тебе сам, дорогая,
29	<i>Глупое сердце, не бойся.</i>	29	То, что сроду не пел Хаям...
		30	<i>Тихо розы бегут по полям.</i>

Заключение

Рассмотренный в статье принцип симметрии, реализуемый явно или неявно в «Персидских мотивах» Есенина, на самом деле присутствует в творчестве любого поэта. Это обусловлено самой природой поэзии как таковой. Поэтому неслучайно, что практически все классические твердые формы стихов симметричны и что изобретаемые вновь формы опять же оказываются вполне симметричными. В определенном смысле симметрия – необходимый атрибут психоделических искусств (музыки, живописи, архитектуры и литературы), поскольку она расширяет границы восприятия создаваемого художником произведения. Повторы – один из признаков симметрии, в том числе зеркальной, а образ зеркал давно вызывает интерес у философов (начиная с Платона), поскольку порождает множественные смысловые ассоциации. Так, тема зеркал поднимается Рильке во II и III сонетах части 2 «Сонетов к Ор-

фею», хотя, как отмечает Ахтырская [Рильке, 2002. С. 177], «еще задолго до возникновения “Сонетов...” в стихотворении “Дама перед зеркалом” из 2-й части сборника “Новые стихотворения” и в романе “Записки Мальте Лауридса Бриге” зеркала выступают у Рильке как носители тайны, сохраняющие мимолетные выражения человеческого бытия».

На этом можно и закончить, еще раз напомнив, что представленные реконструкции носят экспериментальный характер и дают чисто «декоративное» представление о симметрии в стихах, не претендуя на роль эталона в деле «исправления» неправильно написанных стихов. Будем помнить, что только поэт всегда прав.

Список литературы

- Вейль Г. Симметрия. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 192 с.
- Владимирова О. В., Григорьев Ю. Д. Симметрия стихотворения С. Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ» // Научный вестник НГТУ. 2020. № 1 (79). С. 41–54.
- Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.
- Григорьев Ю. Д., Мартыненко Г. Я. Последовательности типа Фибоначчи. Теория и прикладные аспекты. СПб.: Лань, 2017. 516 с.
- Гринбаум О. Н. Гармония строфического ритма в эстетико-формальном измерении (на материале «Онегинской строфы» и русского сонета). СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2002. 160 с.
- Корона В. В. Поэзия Анны Ахматовой. Поэтика автовариаций. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 263 с.
- Мартыненко Г. Я. Категория симметрии в словесности. // Verba magistro: Сб. науч. ст. памяти проф. А. С. Герда. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 396–413.
- Портер Л. Г. Симметрия – владычица стихов: Очерк начал общей теории поэтических структур. М.: Языки славянской культуры, 2003. 256 с.
- Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2 кн. М.: Флинта: Наука, 2002. Кн. 2: Строфика. 488 с.
- Фейен Дж. Неоднозначности в поисках симметрии: Борхес и другие // Узоры симметрии: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Белова, Н. Н. Шефталы. М.: Мир, 1980. С. 151–176.
- Харари Ф. Теория графов. М.: Мир, 1973. 302 с.
- Холшевников В. Е. Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха. Л.: ЛГУ, 1984. 448 с.
- Яковенко Д. И. Задача об ожерельях // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 2. С. 21–24.

Список источников

- Есенин С. Синь, упавшая в реку. Поэзия. Проза. М.: Правда, 1985. 736 с.
- Золотое перо. Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах. 1812–1970 гг. (на русском и немецком языках). М.: Прогресс, 1974. 736 с.
- Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX в.: сборник / Сост. В. В. Вебер, Д. С. Давлианидзе. На нем. яз. с параллельным русским текстом. М.: Радуга, 1988. 814 с.
- Поэзия Серебряного века: сборник. СПб.; М.: Речь, 2019. 448 с. (Малая классика речи)
- Рильке Р. М. Сонеты к Орфею / Пер. с нем. А. Пурина. СПб.: Азбука-классика, 2002. 192 с.
- Северянин И. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.
- Rilke, R. M. Das Buch der Bilder. Insel Taschenbuch 26 / Text nach der Ausgabe: “Samtliche Werke”. Band I. Insel Verlag, Wiesbaden, 1955, Ulm, 1976.

References

- Weyl, H.** Symmetry. Princeton University Press, 1952.
- Vladimirova, O. V., Grigoriev, Yu. D.** Symmetry of 8. Esenin's Poem "Shaganet, o my love, Shaganet!". *Science Bulletin of the NSTU*. Novosibirsk, 2020, no. 1 (79), p. 41–54. (in Russ.)
- Gasparov, M. L.** Russian Verse from the Beginning of the XXth Century in Comments. Moscow, Fortuna Limited, 2001, 288 p. (in Russ.)
- Grigoriev, Yu. D., Martynenko, G. Ya.** Sequences of the Fibonacci Type. Theory and Applied Aspects. St. Petersburg, Lan, 2017, 516 p. (in Russ.)
- Grinbaum, O. N.** Harmony of a Strophe Rhythm in Aesthetic-Formal Measurement (on a Material of a "Oneginian Stanza" and Russian Sonnet). St. Petersburg State University, 2002, 160 p. (in Russ.)
- Korona, V. V.** Anna Ahmatova's poetry. Poetics of autovariations. Ekaterinburg, Ural State University, 1999, 263 p. (in Russ.)
- Martynenko, G. Ya.** Symmetry category in literature. Verba magistro, Collection of Scientific Articles of the prof. A. C. St. Petersburg, Nestor-History, 2016, p. 396–413. (in Russ.)
- Porter, L. G.** Symmetry is a Sovereign of Verses: Essay of Principles of the Poetic Structures General Theory. Reviewer by M. L. Gasparov. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2003, 256 p. (in Russ.)
- Fedotov, O. I.** Russian Bases of Prosody. Theory and History of Russian Verse. In 2 vols. Moscow, Flinta, Science, 2002, vol. 2: Stanzaic Prosody, 488 p. (in Russ.)
- Feyen, J.** Ambiguities in Search of Symmetry: Borges and others. In: Pattern of Symmetry. Eds. M. Senechal, G. Fleck, University of Massachusetts Press, Amherst, 1977.
- Harary, F.** Graph Theory. London, Don Mills, Ontario, Addison-Wesley Publishing Company, 1969.
- Holshevnikov, V. E.** Thought Equipped with Rhymes. Poetic Anthology on Stories of Russian Verse. Leningrad State University, 1984, 448 p. (in Russ.)
- Yakovenko, D. I.** The Necklaces Problem. *Bulletin of Omsk University*, 1998, no. 2, p. 21–24.

Texts and Sources

- Esenin, S.** The Blue Falled in the River. Poetry. Prose. Moscow, Pravda, 1985. 736 p. (in Russ.)
- Die goldene Feder. Deutsche, österreichische und schweizerische Lyrik in russischen Nachdichtungen. 1812–1970. (auf den russischen und deutschen Sprachen). Hrsg. G. I. Rathaus. Moskau, Verlag Progress, 1974, 736 S. (in Russ. and Germ.)
- Der Goldene Schnitt. Lyrik aus Österreich in russischen Nachdichtungen XIX–XX Jahrhundert. Gedichtband. Hrsg. V. V. Veber, D. S. Davkianidse. Moskau, Raduga-Verlag, 1988. Deutsch mit dem parallelen russischen Text. 814 p.
- Silver Age Poetry: Collection. Eds. O. Pirogova, I. Sukhikh. St. Petersburg, Moscow Speech, 2019, 448 p. (The Small Classics of Speech). (in Russ.)
- Rilke, R. M.** Die Sonette an Orpheus. Übersetzung von A. Purin. St Petersburg, Alphabet-classic, 2002, 192 p. (in Russ.)
- Severyanin, I.** Poems. Ed. by V. A. Koshelev. Moscow, Soviet Russia, 1988, 464 p. (in Russ.)
- Rilke, R. M.** Das Buch der Bilder. Insel Taschenbuch 26, Text nach der Ausgabe: "Samtliche Werke". Band I. Insel Verlag, Wiesbaden, 1955. Ulm, 1976.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
30.06.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Владимирова Ольга Владимировна, магистрант факультета прикладной математики и информатики Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета («ЛЭТИ») (Санкт-Петербург, Россия)

Olga V. Vladimirova, student of a master's degree, Department of Computer Science, St. Petersburg State Electrotechnical University ("LETI") (St. Petersburg, Russian Federation)

vladimirova97@mail.ru

Григорьев Юрий Дмитриевич, доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета («ЛЭТИ») (Санкт-Петербург, Россия)

Yuri D. Grigoriev, Doctor of Science, Professor of Applied Mathematics, Department of Computer Science, St. Petersburg State Electrotechnical University ("LETI") (St. Petersburg, Russian Federation)

yuri_grigoriev@mail.ru

УДК 811.161.1
DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-32-44

Многоязычные практики в интернет-дискурсе социальной сети Facebook (на материале письменной речи русскоговорящих женщин в Финляндии)

Й. Виймаранта, А. А. Маслова

*Хельсинкский университет
Хельсинки, Финляндия*

Аннотация

Мы анализируем около 500 финских словоупотреблений (лексем и словосочетаний) в русской письменной речи, взятой из интернет-дискурса русскоязычной группы в социальной сети Facebook, участницами которой являются русские женщины, живущие в Финляндии. Словоупотребления, которые представляют собой 260 разных лемм, рассматриваются в контексте поста и ответов на него. В ходе исследования рассматриваются особенности взаимодействия финского и русского языка в рамках многоязычных практик, представленных в письменной речи русскоязычных женщин.

Материал анализируется на основании семантических и грамматических признаков. В процессе семантического анализа финские слова условно поделены на имена собственные, термины и реалии, связанные с жизнью в Финляндии. Грамматический анализ начинается с изучения выбора шрифта при написании финских слов, так как они либо сохраняют свое оригинальное написание на латинице, либо транслитерируются на кириллицу. Далее группа финских слов-существительных, написанных на кириллице, рассматривается с точки зрения наличия или отсутствия у них склонения, а также потенциальной возможности подвергнуть финское слово склонению по правилам русского языка. В завершение анализируются финские слова, написанные на латинице, часть которых с высокой долей вероятности представлена в именительном падеже русского языка. Основываясь на результатах проведенного анализа письменного текста русскоговорящих носителей, мы приходим к выводу, что правилам заимствований в русском языке (транслитерации и склонению) подчиняется меньшая часть единиц исследовательского корпуса. Большая же их часть представляет собой продукт переключения кодов, эти слова отражают в себе реалии финской жизни. Данный пример русскоязычной речи предположительно можно назвать местным вариантом языка.

Ключевые слова

русский язык за границей, финский язык, переключение кодов, заимствование, язык интернета

Для цитирования

Виймаранта Й., Маслова А. А. Многоязычные практики в интернет-дискурсе социальной сети Facebook (на материале письменной речи русскоговорящих женщин в Финляндии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 32–44. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-32-44

Multilingual Practices in Internet Discourse on the Social Network “Facebook” (An Analysis of Written Language of Russophone Women Living in Finland)

Johanna Viimaranta, Anastasia Maslova

*University of Helsinki
Helsinki, Finland*

Abstract

Russian speakers make up the biggest group of foreign-language speakers in Finland. Their use of Finnish words in Russian discourse can be interpreted as an example of multilingual practices, such as code-switching. It can also be viewed as an example of how loanwords are assimilated. While speakers of Russian in Finland are part of a worldwide

© Й. Виймаранта, А. А. Маслова, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 4

internet community, they also represent a local community that can have a language form of its own. This article presents an analysis of about 500 cases of Finnish lexical items and word combinations usage in written Russian (260 different lemmas). The material for the research was selected from written internet discourse of a Russophone community on Facebook, a social media platform. Members of this community are Russian women who have been living in Finland for some time. The Finnish words were studied in the context of posts and replies to them. The 475 Finnish words found amounted to 4 % of the total 12,022 words used in the source. The analysis of the material took into account semantic and grammatical features of the items. Semantic features included the categories of proper nouns, terms and other words related to life in Finland. The grammatical analysis began by studying the choice of writing system, i.e. whether the units retained their original spelling which is either in Latin or in Cyrillic. After that, the Finnish words that had been transliterated were studied for the presence or lack of declension as compared to the Russian norm in similar uses. It was suggested that the tendency not to decline Finnish words written both in Cyrillic and Latin in the discourse also affected the syntactic positions in which they were used, making positions that did not require declension overrepresented. The number of examples subjected to the assimilation rules for loanwords in Russian (transliteration and using declension) was small. Therefore, most of the examples represent code-switching, a natural consequence of those living in Finland, and provide evidence for the existence of a local version of Russian.

Keywords

Russian language abroad, Finnish language, code-switching, loanword, internet language

For citation

Viimaranta Johanna, Maslova Anastasia. Multilingual Practices in Internet Discourse on the Social Network "Facebook" (An Analysis of Written Language of Russophone Women Living in Finland). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 32–44. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-32-44

1. Введение

Согласно последним официальным данным Статистического центра Финляндии, на конец 2019 года в стране проживало около 82 000 носителей русского языка¹. Русскоязычные – самая большая по численности группа иноязычных в стране с 5,5 млн населения и с двумя официальными языками (финский и шведский). На сегодняшний день число русскоязычных в стране в 20 раз больше, чем в начале 90-х годов. Быстрый рост русскоязычного населения отчасти объясняется государственной программой поддержки репатриантов, которая действовала в 1990–2011 гг. и облегчала этническим финнам переезд в страну из России. Поток эмигрантов, покинувших Россию в этот период, относят к четвертой волне эмиграции (называемой экономической); нередко это были люди, которые не знали языка страны будущего места жительства [Земская, 2001. С. 117]. В последние годы большая часть русскоговорящих иммигрантов приезжает в Финляндию работать или учиться.

Наш языковой материал, содержащий 475 употреблений финских слов или словосочетаний (токенов), позволяет дать предварительные ответы на следующие вопросы: «Как финские слова употребляются в сетевой русской дискуссии, касающейся жизни в Финляндии?», «По каким семантическим (содержательно-тематическим) группам они распределяются?», «Какова степень адаптации этих слов в языковую систему русскоговорящих?», «Если она глубокая, то можно ли их интерпретировать как заимствования, или же они сохраняют свои финские характеристики и тогда их употребление можно бы считать переключением кодов?»

Согласно нашей гипотезе, данный состав речевого материала может свидетельствовать о начале формирования определенной разновидности русского языка, сопоставимой со Spanglish в США или Franglais в Канаде, поскольку она значительно отличается от языка метрополии вкраплениями слов из финского языка.

¹ Statistics Finland 2019. Official statistics for 2019. URL: www.stat.fi.

2. Теоретическая часть

2.1. Русский язык в социальных медиа

Социальная сеть Facebook, ставшая источником материала для настоящего исследования, показывает, что граница между публичной и частной дискуссией в ней достаточно размыта, поскольку, несмотря на то, что вся деятельность внутри нее происходит под собственным именем пользователя, сама языковая политика (policy) сайта и ее интерпретация конкретными пользователями допускают разные виды публичности. В результате коммуникация в сети Facebook отличается от других видов сетевой коммуникации (например, СМС, WhatsApp), в которых не предполагается, чтобы кто-то иной, кроме участников коммуникации, имел доступ к текстам и записям, и от таких видов интернет-коммуникации, в которых можно участвовать анонимно.

В современном мире интернет-коммуникация протекает на разных языках как одновременно, так и по отдельности (т. е. коммуникация может протекать на любом одном языке или смешивать разные языки), а интернет-общение позволяет поддерживать языки меньшинств и диаспор [Lee, 2017], разделенных национальными границами. Одновременное использование нескольких разных языков в интернет-дискурсе имеет функцию самоидентификации и, с другой стороны, несет в себе творческое игровое начало. Таким образом, в зависимости от конкретных коммуникативных потребностей в сетевой коммуникации одинаково допустимы как разные языки, разные уровни владения языком, так и разные варианты одного и того же языка.

Что касается общения на русском и финском языках, то их алфавиты делают разницу между письменными высказываниями на разных языках даже графически заметной. Так, наш материал показывает, что участницы коммуникации при использовании русского языка в финской языковой среде часто применяют кириллицу. Исследователи отмечают, что причин тому несколько. Известно, например, что для ранней интернет-коммуникации проблему представляли нелатинские клавиатуры, в частности, кириллица. Кроме того, разные, часто авторские варианты транслитерации иногда предпочитают в силу привычки [Paulsen, 2014]. А иногда намеренное смешение латинских и кириллических букв имеет значение для самоидентификации пользователя (ср. [Angermeyer, 2005]).

2.2. Многоязычные практики

Для определения статуса многоязычного носителя используются разные подходы, что отражается далее в терминологии. Согласно европейским правилам, владение языками их носителем следует рассматривать в следующей очередности: первый язык (его еще часто называют родным), затем одновременное овладение двумя родными языками, далее владение вторым языком, который часто приходит из окружающей социально-языковой среды (например, у национальных меньшинств и иммигрантов) и, наконец, изучение языка как иностранного в рамках специально организованного учебного процесса. В результате человек может стать плюрилингвом, а явление в целом можно назвать плюрилингвизмом. В ситуации же, когда представитель меньшинства владеет основным языком окружения и еще каким-либо, говорится о мультилингве, а явление называется мультилингвизмом. При этом в такой ситуации язык окружения не обязательно является иностранным, просто семейный язык является иным. На основании количества языков, имеющих в *активном* употреблении, человека можно назвать билингвом или трилингвом [Протасова 2012. С. 66]. Существует, конечно, еще термин *полиглот*, обозначающий людей, которые владеют очень многими языками, но таких в обычной коммуникации крайне мало.

Употребление нескольких разных языков в общении в современных исследованиях рассматривается в рамках понятия «многоязычные практики» (*multilingual practices*) (см., например, сборник статей [Tánchez, Kovács, Puura, 2018]). Это понятие включает в себя такие

термины, как «переключение кодов», «смешение кодов» и «заимствование», которые разные ученые определяют по-разному и которые имеют между собой точки соприкосновения. В случае переключения кодов (ПК) говорящий употребляет больше чем один язык или одну языковую форму в рамках более длинного фрагмента. Если употребляется отдельно понятие смешения кода, то подчеркивается, что это употребление происходит внутри одного предложения или синтагмы. Зато существование заимствования требует фонетической и грамматической адаптации [Kovacs, Janurik, 2018]. Ниже рассмотрим эти явления более подробно.

2.2.1. Причины переключения или смешения кодов

В рамках социолингвистических исследований контактных явлений обращалось внимание на возможные причины многоязычных практик. К ним относятся смена адресата, когда говорящий использует тот код, которым владеет собеседник, или ситуация общения, в которой, например, «производственные» темы обсуждаются на языке, имеющем специальную терминологию, а бытовые на другом языке [Крысин, 2000. С. 61–64]. Экстралингвистические характеристики, например, тема дискуссии в каком-нибудь конкретном контексте, и социолингвистические характеристики, например, потребность в самоидентификации участников дискуссии и желание поддержать престиж языка, также должны приниматься во внимание как факторы переключения кода. С точки зрения построения дискурса переключение кодов также может нести и некоторые другие функции [Stell, Yakro, 2015].

Сам по себе навык переключения кодов является показателем высокого уровня знания языка на разных уровнях и свидетельствует об особенном уровне общей и коммуникативной культуры человека. Стоит отметить, что ПК помогает эффективно достичь взаимопонимания и обеспечивает комфортность в процессе диалога: «Кодовое переключение – это одна из форм языкового варьирования, без которого невозможен процесс нормального речевого общения» [Крысин, 2000. С. 61–64]. Еще одной из функций ПК является экономия языковых средств, например, когда говорящий использует в речи слово, приходящее первым на ум, особенно если оно компактнее [Чиршева, 2012. С. 214–223]. Нельзя не упомянуть и о намеренном употреблении иностранных слов; можно предположить, что это делается с целью показать знание нового языка и самоутвердиться за счет этого [Земская, 2005; Мустайоки, Протасова, 2012. С. 89–90].

2.2.2. Процесс заимствования

Под заимствованием понимается процесс, в котором употребляемое иноязычное слово становится словом принимающего языка и в связи с этим происходит его фонетическая и грамматическая адаптация. Грамматическое освоение – это подчинение слова одного языка грамматическим правилам заимствующего языка. В ситуации освоения иноязычное существительное начинает склоняться по правилам русского языка на основании конечного звука [Рахманова, Суздальцева, 1997. С. 105]. Существует два этапа освоения заимствованных лексем: на первом появляется графический вид слова, на втором происходит выбор правила написания (орфографический). В ранних заимствованиях изначально заимствовался звук, но среди современных заимствований есть случаи транслитерации, когда изначально заимствуется графическое слово. На начальных этапах употребления заимствованное слово испытывает колебания, касающиеся написания слова. Слово не может считаться освоенным до тех пор, пока не стабилизировалось его написание [Нечаева, 2011. С. 10–11, 19]. Таким образом, уже то, как пишется слово в конкретных употреблениях (кириллицей или латиницей), и склоняется оно или не склоняется, свидетельствует о его статусе.

Однако не все заимствования показывают стопроцентную морфологическую интеграцию. Почти полную морфологическую интеграцию показывают чаще всего ПК в ситуации взаимодействия матричного и гостевого языков. Если в гостевом языке произошла частич-

ная морфологическая интеграция, то единицу можно отнести как к заимствованиям, так и к вкраплениям в ситуации ПК. Обе эти формы (заимствование и ПК) представляют собой синтаксическую интеграцию [Чиршева, 2012. С. 303].

Итак, употребление финских слов в русскоязычной дискуссии носительниц русского и финского языков можно интерпретировать и как переключение, и как смешение кодов. В некоторых случаях можно полагать, что конкретные слова уже заимствованы в ту разновидность русского языка, которой пользуются местные русскоговорящие.

2.2.3. Языковая пара «русский – финский»

Грамматические сходства и различия между русским и финским языками оказывают существенное влияние на специфику многоязычных практик именно этой языковой пары. На развитие теорий о грамматических характеристиках переключения кодов оказал влияние тот факт, что большая часть предыдущей литературы касается ситуаций, в которых одним из контактных языков был английский, являющийся морфологически бедным [Kovacs, Janurik, 2018. С. 30–31]. По данным Ковач и Янурик [Kovacs, Janurik, 2018. С. 35–57], грамматически существенными для многоязычных практик такой языковой пары, где один из языков индоевропейский (напр., русский), а другой финно-угорский (напр., финский), являются следующие явления: фонетическая интеграция, нестандартное употребление падежных окончаний, двойное маркирование грамматических категорий, употребление числительных и квантификаторов с существительными, посессивные конструкции, указание рода и порядок слов.

Несмотря на то что эти языки не являются родственными, в них есть немало типологически общих черт; например, в обоих языках порядок слов зависит скорее от актуального членения предложения, а не определяется строго грамматически (здесь применима формула нейтрального порядка слов SVO). Оба языка морфологически богаты, в них есть склонение существительных по падежам, но при этом в русском языке все-таки существует ряд несклоняемых слов (часто заимствованных), тогда как в финском языке по падежам склоняются все существительные без исключения. Таким образом, в случаях переключения кода употребление иностранного слова в базовой форме в русском языке не имеет ограничений, т. е. в русском языке несклоняемые слова встречаются не только в случае переключения кода, тогда как в финском языке подобное явление является редким и маркированным.

2.2.4. Исследования местного варианта русского языка в Финляндии

Социолингвистическая ситуация русского языка в Финляндии разносторонне описана в многочисленных работах Е. Ю. Протасовой (например, [Мустайоки, Протасова, 2012, Протасова, 2019]). Что касается узколингвистической стороны вопроса, то известно, что финские слова в русскоязычной речи в Финляндии употребляются [Зеленин, 2008; Картушина, 2018; Мустайоки, Протасова, 2012]. О языке русской диаспоры известно, что в случае обсуждения темы, которая обычно обсуждается на языке окружения, русские иммигранты используют заимствования, объясняя это тем, что в родном языке нет нужных слов для точного выражения мысли. Заимствованными часто оказываются названия блюд местной кухни, производственные термины; однако, по словам респондентов, часто финское слово появляется в речи по причине спешки или усталости. Причиной появлений заимствований в русском речи за рубежом может также являться фактор получения образования в Финляндии, поскольку терминология новой профессии была введена в память только на иностранном языке и закрепились в ней [Протасова, Мустайоки, 2012. С. 89–90].

Так, в речи русской диаспоры в Финляндии упоминается как новое заимствование финское слово *Kela* (социальное ведомство). Также русскоязычные Финляндии часто используют финские слова для обозначения некоторых должностей (*lähihoitaja* – младшая медсестра), употребляют финские термины, отсутствующие в словаре, а также воспроизводят целиком

труднопереводимые фразы или предложения [Мустайоки, Протасова, 2012. С. 89–90]. Русская речь в Финляндии давно наблюдается также в аспекте грамматической интерференции финского языка [Leisiö, 2001], однако анализа объемного эмпирического материала именно с точки зрения переключения кода и процесса заимствования до сих пор не проводилось.

3. Материал и методы

Для настоящего исследования в качестве материала были использованы тексты постов и комментариев, собранные в одной женской русскоязычной группе социальной сети Facebook. Количество участниц в ней на момент сбора материала насчитывало более 13 тысяч. Было собрано 475 употреблений единиц финских лексем-существительных и 3 словосочетания из письменной русской речи (предложений и отдельных фраз) участников дискуссий за период январь-февраль 2019 года. Собранные примеры были взяты из контекстов 31 поста и комментариев к ним. Данные материалы представляют особый интерес потому, что подавляющее большинство участниц проживает в Финляндии, что заметно по употреблению ими финских слов в своих высказываниях.

Собранные 475 токенов представляют собой 260 разных лемм финского языка (учитывая варианты правописания и орфографические ошибки как одну лемму). Они были проанализированы в контексте с помощью программы Atlas.ti. Материал в общей сложности состоит из 12 022 слов, примерная доля финских словоупотреблений составляет 4 %. Для анализа были специально выбраны посты с такой тематикой, для которой, по нашему опыту, частота использования финских слов особенно велика: финская система образования, финская система здравоохранения, финская система страхования. В дискуссиях той же группы есть и такие посты, где финские слова используются мало или отсутствуют совсем; у них своя тематика, в них обсуждаются, например, личные отношения или косметические средства.

В настоящем анализе многоязычная деятельность рассматривается как коллективное творчество, а это значит, что индивидуальные стили разных авторов во внимание не принимаются. Все примеры представлены в оригинальном написании. Авторы примеров, представленных в данном анализе, дали свое письменное согласие на публикацию.

4. Анализ материала по семантическим и грамматическим признакам

4.1. Семантические признаки

С точки зрения семантики представленные финские слова можно поделить на следующие группы: имена собственные, термины и местные реалии. Под терминами мы понимаем слова, связанные с определенной узконаправленной деятельностью. Под местными реалиями мы подразумеваем слова, применяющиеся для тех сфер жизни, которые характерны для определенной страны.

Материал включает 215 имен собственных, которые представляют собой 76 разных лемм. Имена собственные отличаются от многих других финских слов материала тем, что их написание на русском языке затруднительно, поскольку редкие из них имеют установленные русские варианты. Из имен собственных в нашем материале словом русского языка, часто употребляемым в языке метрополии, является только *Хельсинки*, которое известно в России как название столицы Финляндии. Это и отражается в материале – топоним *Хельсинки* встречается 12 раз и всегда в несклоняемой форме, соответствующей норме русского языка. Таким образом, избегание употребления финских слов невозможно, при этом у пишущего есть выбор писать слово на латинице или кириллице, подвергать его склонению или нет. Также употребление названий местностей и названий фирм, использующихся только в Финляндии, без дополнительного пояснения (как это без исключений происходит в нашем материале) предполагает знание условий местной жизни. Примерами этой группы в нашем материале являются города Vantaa / Вантаа, Эспоо, Ярвенпяя и Керава, а также жилые районы Контула,

Мюллюпуро, Эйра и Westend. Среди имен собственных есть и ряд названий финских частных фирм, например, страховых компаний и сетевых магазинов, а также государственных учреждений, самым значимым из которых является *KELA* (*Kela*, *Кела*), учреждение, занимающееся вопросами социального обеспечения жителей Финляндии.

В представленном материале 197 раз употребляются термины (105 разных лемм), которые представляют собой разные сферы финской жизни: юридическую, административную, медицинскую, социальную и другие. Многие из них связаны с учебой или трудовой жизнью. Эти слова узнаваемы, но порой вызывают сложности в интерпретации даже у носителей языка. Они не имеют устойчивых переводов на русский язык, и даже если аналогичный русский термин существует в России, он часто не имеет полного соответствия. Существенную роль играет и тот факт, что для ежедневной жизни в Финляндии важно знать эти термины именно по-фински. Например, *kuntalisä* – добавка к пособию в зависимости от места жительства, *omavastuu* – доля собственной ответственности, *perhepäivähoitaja* – няня, которая ухаживает за детьми у себя дома, *palveluala* – сфера обслуживания, *alivuokralainen* – субарендатор.

В материале также представлено 56 употреблений (39 разных лемм), описывающих другие финские реалии. Разница между ними и терминами состоит в том, что эти слова имеют аналоги в русском языке, которые предположительно известны всем, но привычка их употребления у участниц возникла только в Финляндии, или же они связаны с некоторыми такими практиками, которые распространены именно в Финляндии. Таковыми являются, например, *sopimus* – *sopimus* – договор; *tarjous* – предложение, оферта; *henkivakuutus* – страхование жизни; *flunssa* – ОРЗ; *ryssä* – оскорбительное слово, означающее «русский».

Обратим внимание: несмотря на то что в подборке представлены и такие финские реалии, которые не имеют аналогов в русском языке, их употребление, очевидно, являются понятным для участниц. Ни разу не встретилось случая, где участницы обсуждали бы значение того или иного слова.

4.2. Грамматические признаки и выбор алфавита

Самой наглядной характеристикой употребления финских слов и словосочетаний в русской письменной речи является выбор алфавита, т. е. принятие решения о сохранении оригинального написания единицы на латинице или ее транслитерации кириллицей. В нашем материале русские сообщения пишутся преимущественно с использованием кириллицы, поэтому употребление латиницы предполагает смену клавиатуры. Из 475 токенов 243 были написаны кириллицей (101 разная лемма), 232 – латиницей (159 разных лемм). При написании 3 токенов были употреблены оба алфавита.

Предположительно, выбор алфавита прямо соотносится со степенью ассимиляции финских слов языком русскоговорящих, проживающих в Финляндии; от этого же зависит, будут ли они подвергнуты склонению. По данным теории выбор между латиницей и кириллицей, с одной стороны, и склонение заимствований по нормам русского языка, с другой, являются разными степенями ассимиляции слова [Тимофеева, 1992. С. 13]. Однако такая теоретическая позиция не учитывает специфику современных многоязычных эмигрантских практик, в которых русский язык, будучи родным для участников и матричным в ходе коммуникативного акта, остается уязвимым из-за доминантного языка окружения, несмотря на то, что коммуниканты стремятся сохранить его при помощи современных технологий и возможностей общения, обеспечиваемых в сети.

Местный вариант русского языка в Финляндии одновременно существует и не существует. С одной стороны, он существует как местный, потому что включает в свой лексический состав финские слова и словосочетания. С другой стороны, такая его «гибридная», несколько креолизованная разновидность свидетельствует о существовании более общих многоязычных практик и мультязыковых ситуаций, где русский функционирует как составная часть более широкой языковой реальности. Специфической чертой такой языковой комбинации

является характерная реакция коммуникантов на грамматические свойства их двух языков общения, проявляющаяся в примерах из собранного корпуса. Далее мы обсудим грамматические характеристики «креолизованной» речи мигрантов на материале алфавитных переключений и склонения существительных.

Для изучения закономерностей многоязычных практик пары «русский – финский» потенциально интересными являются двойное маркирование употребленных грамматических категорий. При этом будет учитываться и возможное влияние на выбор конкретной формы слова и русской категории рода. Материалы, полученные нами, являются письменными, поэтому не они дают возможности для изучения фонетической ассимиляции.

4.2.1. Финские слова, подвергшиеся транслитерации, склонение которых определить невозможно

Самое частотное употребление финского слова, написанного кириллицей, в нашем материале наблюдается в позициях, не требующих склонения, т. е. в именительном и винительном падежах для такого существительного, которое по форме можно интерпретировать как относящееся к мужскому роду (напр. *пайвистюс* в примере 2 ниже). Вторым вариантом таких употреблений являются слова, имеющие окончание, которое по русской норме не изменяется (напр. *омавастуу* в примере 1 ниже).

В нашем материале случаи употребления финских слов на кириллице без склонения по правилам русского языка можно разделить на 1) именительный падеж, часто в позиции подлежащего (56 токенов, 32 разных леммы), 2) винительный падеж в форме именительного (34 токена, 20 разных лемм), 3) несклоняемое слово (37 токенов, 26 разных лемм). В общей сложности количество таких употреблений в нашем материале составляет 127 токенов (92 разных леммы).

1. После оплаты готовой *омавастуу* (сумма своей ответственности. – прим. авт.), остальные походы будут бесплатны. *Otavastuu* – сумма личной страховой ответственности в случае страховой компенсации.

В примере 1 употребляется несклоняемое в русском языке из-за своей формы слово *otavastuu*, которое интерпретируется как существительное женского рода, что заметно из формы прилагательного (*готовой*), в родительном падеже.

2. Попросила у нашего частника направление в гос *пайвистюс* к лору-хирургу.

Päivystys – дежурство; здесь предполагается прием дежурного врача в государственной поликлинике или больнице.

При этом в примере 2 финский термин *päivystys* употребляется вместе с сокращенной формой слова *гос*, что затрудняет интерпретацию его родовой принадлежности.

3. Мы обычно к врачам на *таркистус* и за *аб*. *Tarkistus* – проверка, здесь предполагается консультация врача. В данной ситуации, носитель финского языка использовал бы близкое слово по значению – *tarkastus*. Русское сокращение «аб» означает слово «антибиотики».

В примере 3 используется финское слово *tarkistus*, которое соответствует по форме русскому существительному мужского рода. Пользователь смешивает два финских слова, которые близки по значению и написание которых отличается только в одной буквой – *tarkastus* и *tarkistus*.

4.2.2. Финские слова, подвергшиеся транслитерации и изменяющиеся в косвенных падежах по правилам русской грамматики

Общее количество употреблений финских лексем, подвергшихся транслитерации и изменяющихся в косвенных падежах по правилам русской грамматики, составляет 24 токена, причем существительное *кела* встречается в 8 случаях. Всего разных лемм в этой группе 14.

Эти примеры характеризуются наибольшим количеством признаков, соответствующих критерию ассимиляции заимствованных слов русским языком.

4. *Возили после 4 дня в Ластенклинику, сидели очереди по 5 часов, но там брали анализы. Lastenklukka* – детская больница в Хельсинки.

В примере 4 заимствованное русским и финским языками слово *клиника* / *klukka* способствует тому, что вторая часть сложного финского слова трактуется как русская по аналогии с поликлиникой.

5. *(Мы просто здесь совсем недавно, не с кем и посоветоваться) она отвечает: да, подавайте в келу доки, но ск они покроют это неизвестно, зависит от дохода.*

Kela – учреждение социального страхования в Финляндии. *Доки* означает здесь документы, сленговое русское слово.

6. *У него симптомы флунсы, температура может держаться до недели, уши чистые, нос чистый, все норм. Flunssa* – это комплекс симптомов, под которыми подразумевается, как правило, ОРЗ.

В примерах 4–6 можно увидеть, что благодаря графике слова похожи на русские существительные женского рода с окончанием на *-а*, поэтому склоняются по правилам 1-го склонения. Сокращение «ск» в примере 4 происходит от слова *сколько*.

7. *Получила 2 года назад идентификатор по российскому паспорту и хенкилотуннусу. Henkilötunnus* – личный идентификационный номер.

В примере 7 финское слово, благодаря внешнему сходству по строению, похоже на русские существительные мужского рода с нулевым окончанием, также изменяется по типу 2-го склонения.

4.2.3. Транслитерированные финские слова, формы которых допускают склонение, но в нашем материале не склоняются

В примерах 8–10 представлены финские слова, подвергшиеся транслитерации, но несклоняемые в нашем материале, хотя по правилам русской грамматики склонение требуется. В общей сложности таких примеров в нашем материале 65 токенов (28 разных лемм).

8. *динамили сильно и с маткавакуутус и с моей страховкой. Matkavakuutus* – страховка для путешественника.

9. *Вы зайдите на сайт Кела, там есть калькуляторы, посчитайте на них сколько вам и что положено.*

10. *Одна знакомая не прошла и работает ляхихойтая, другая прошла и работает с зубным врачом хаммасхойтая. Lähihoitaja* – младшая медицинская сестра, *hammashoitaja* – стоматологическая медицинская сестра.

Примеры 8–10 являются вариантами такого словоупотребления, когда знакомые русским коммуникантам финские слова-реалии пишутся на кириллице, при этом в многоязычном контексте они употребляются без соблюдения русских норм склонения.

4.2.4. Финские слова, написанные на латинице

В примерах 11–13 финские слова, написанные латиницей, часто используются в таких позициях, где они предположительно представлены в именительном падеже (87 словоупотреблений).

Общее количество примеров составляет 232 токена (118 разных лемм).

11. *До этого ходили в гос.perhepäivähoito и платили столько же. Perhepäivähoito* – детский сад.

12. *Кела нам дала palveluseteli от города в частный и счет остался прежним 289 е. Palveluseteli* – государственный ваучер на оплату услуг частной фирмы.

13. Она не сказала ведь, что у мамы *yksinhuoltajuus*. *Yksinhuoltajuus* – термин, означающий, что воспитанием ребенка занимается один родитель.

В материале есть, однако, и многочисленные примеры, в которых написанное на латинице слово могло бы быть подвергнуто склонению по правилам русского языка (см. ниже пр. 14).

14. Вот только сегодня ходила с младшей в *terveysasema*. *Terveysasema* – поликлиника.

Таким образом, можно сделать вывод, что употребление в русско-финской речи финских слов без русских падежных окончаний соответствует распространенной практике употребления заимствованных слов в современном русском языке [Камынина, Решетова, 2016. С. 222]. В таких случаях (так же, как и в п. 4.2.2) двойное маркирование отсутствует, а синтаксическая позиция финских слов определяется по сопровождающим русским словам.

4.3. Переключение кодов между финским и русским языками с использованием устойчивых лексических форм финского языка

Примеры 15–16 иллюстрируют единичный вид переключения кодов в нашем материале – использование устойчивых лексических форм финского языка в русском.

15. Народ! Какой почтой отправлять товар по Финляндии) чтобы было максимально дешево??? Как отправить *Postiennakolla matkaan*? *Postiennakolla matkaan* – «наложенным платежом в путь» нередко употребляется как способ отправления посылок.

В примере 15 наблюдается двойное маркирование. Словосочетание *postiennakolla matkaan* дополняет информацию глагола *отправить* обстоятельством образа действия. Следует заметить, что в предложении нет слова *посылка* или его синонимов. По-фински фразу можно было бы конструировать точно так же.

16. ну если доход с 2000 падает до 1000, то разница ощутима. А если такой больничный длится полгода и дольше, то *voi voi*. *Voi-voi* – междометие, используемое для выражения сожаления. В данном случае подразумевается сожаление по поводу угрозы низкого дохода; оно также включает в себя экспрессивную коннотацию «ничего не поделаешь».

В примерах 15 и 16 для того, чтобы понятнее выразить свою мысль, отправители сообщений используют коды двух языков, демонстрируя при этом высокий уровень владения обоими. Это является подтверждением того, что навык переключения кодов может являться показателем высокого владения языками [Крысин, 2000. С. 61–64].

4.3.1. Слова *Kela* / *kela* / *Kela* / *kela*

Самой частотной отдельной лексемой в нашем материале было уже упомянутое выше слово *Kela*. Слово изначально является аббревиатурой социального учреждения *KELA* (*Kansaneläkelaitos*). Со временем учреждение расширило свои функции, а слово стало в речи коренных жителей Финляндии именем собственным. Тот факт, что слово *Kela* является самым часто встречающимся среди представленных примеров, мы объясняем тем, что эта государственная служба очень плотно входит во все сферы жизни людей, проживающих в Финляндии. Одновременно все услуги, предоставляемые службой *Kela*, регулируются законами, которые, как и всякие законы, написаны сложным юридическим языком, представляющим трудность как для самих финнов, так и (тем более) для эмигрантов.

Слово *Kela*, которое оканчивается на гласную *-a* и легко вписывается в систему склонений русского языка, имеет преимущество краткости и простоты. В случае употребления с транслитерированными словами, имеющими русские показатели склонения (таких употреблений в материале в общей сложности 24), лемма *kela* используется 8 раз. В случае с транслитерированными словами, не имеющими согласования по правилам русского языка (65), слово *Kela* представлено в 23 контекстах. Самым распространенным стал случай, когда использовались различные финские слова в латинской графике и когда определить наличие

или отсутствие у них склонения по правилам русского языка было невозможно (232). При этом лемма *кела* фигурировало лишь в 2 контекстах.

Эти цифры показывают нам, что слово *кела* находится на пути ассимиляции его русским языком эмигрантов, проживающих в Финляндии, и приобретает у них постепенно статус заимствования. Эта тенденция отмечалась еще в 2012 году в [Мустайоки, Протасова, 2012]. Слово достаточно стабильно в письменном узусе, но мы не имеем сведений о его фонетической ассимиляции. Кроме того, оно не закреплено в кодифицирующих источниках, поэтому назвать его полноценным заимствованием из финского языка в русский язык мы еще не можем.

5. Выводы

Изученный материал, отражающий речевое поведение русскоязычных мигрантов и эмигрантов Финляндии, показывает, что их письменную коммуникацию в интернет-пространстве можно рассматривать с позиций переключения кодов или же с точки зрения контакта двух языков, приводящего к заимствованию финских слов языком русской диаспоры, проживающей в Финляндии. Обе представленные трактовки являются естественным следствием многоязычных практик.

Функционирование отдельных финских слов в русской письменной речи женщин-эмигрантов частично подчиняется правилам русского языка, что можно рассматривать как их проникновение в его систему на территории Финляндии. Финские слова, наиболее часто используемые в речи русских эмигрантов, являются также семантически значимыми для финской языковой общности.

Наличие в образцах речи разных вариантов склонения или его отсутствие у финских словоформ свидетельствует о том, что на лексическом уровне коммуниканты при переключении на финский код не могут полностью освободиться от интерферирующего влияния первичного русского грамматического кода. Они поступают так, как в русском языке, где некоторые существительные можно как согласовывать, так и не согласовывать по роду, числу и падежу, в отличие от финского кода, где все слова подлежат склонению. Несмотря на такую возможность, финское слово часто употребляется русскоязычными коммуникантами в позиции, где склонение не имеет значения.

Язык местной русской диаспоры, включающий в себя финские слова, ассимилированные им в той или степени, можно назвать местным креолизированным вариантом русского языка в том смысле, что он понятен только тем русскоговорящим, которые проживают в Финляндии и в некоторой степени интегрированы в финское общество.

Список литературы

- Зеленин А.** «Папа, где моя *lipka*?» (доминантный язык и смешение кодов в русском-финском этнобилингвизме) // С любовью к слову. Festschrift for Arto Mustajoki. Slavica Hel-singiensia 35. Хельсинки: University of Helsinki Press, 2008. С. 470–473.
- Земская Е. А.** Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. Вып. 1. С. 114–131.
- Земская Е. А.** Особенности русской речи эмигрантов четвертой волны // Журнал Грамота.ру. 2005. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_520.
- Картушина Е. А.** Прагматический анализ использования русского языка в диаспоре Финляндии на примере интернет-текстов // Litera. 2018. Вып. 3. С. 223–231.
- Камынина Н. Г., Решетова Д. В.** Грамматическое освоение заимствованных несклоняемых существительных в современном русском языке // Диалог культур: поэтика локального текста: Материалы V Междунар. науч. конф. Горно-Алтайск. 2016. С. 222.

- Крысин Л. П.** Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Речевое общение – специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 61–64.
- Мустайоки А., Протасова Е. Ю.** Русский язык в диаспоре глазами учителей // Мир русского слова. 2012. Вып. 2. С. 82–92.
- Нечаева И. В.** Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М: Азбуковник, 2011. 168 с.
- Протасова Е. Ю.** Многоязычие и интеркультурность: факты и исследования // Образование и межнациональные отношения / Под ред. Э. Р. Хакимова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. Ч. 2. С. 66–75.
- Протасова Е. Ю.** Отношение русскоязычных родителей в Финляндии к ситуации многоязычия и языковому образованию детей // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Т. 1, № 2. С. 84–96.
- Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н.** Современный русский язык: лексика, фразеология, морфология: Учеб. пособие. М.: МГУ ЧЕРО, 1997. 480 с.
- Тимофеева Г. Г.** Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 30 с.
- Чиршева Г. Н.** Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012. 486 с.
- Angermeyer, P. S.** Spelling Bilingualism: Script Choice in Russian American Classified Ads and Signage. *Language in Society*, 2005, vol. 34, no. 4, p. 493–531.
- Kovács, M., Janurik, B.** Grammatical and sociolinguistic aspect of code-switching in Finno-Ugric languages. In: *Multilingual Practices in Finno-Ugric Communities* eds. O. Tónczos, M. Kovács, & U. Puura (Uralica Helsingiensia; 13). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2018, p. 13–76.
- Lee, C.** Multilingualism Online. Milton Park, Abingdon, Oxon, New York, NY: Routledge, 2017.
- Leisiö, L.** Morphosyntactic Convergence and Integration in Finland Russian. Tampere: University of Tampere, 2001.
- Paulsen, M.** Translit. Computer-mediated digraphia on the Runet. In: *Digital Russia: The Language, Culture and Politics of New Media Communication*. Eds. Gorham, M., Ingunn L., Martin P. London: Routledge, 2014, p. 156–173.
- Stell, G., Yakpo, K., Stell Gerald and Kofi Yakpo (eds.).** Code-switching between Structural and Sociolinguistic Perspectives. Berlin, Boston: De Gruyter, 2015.

References

- Angermeyer, P. S.** Spelling Bilingualism: Script Choice in Russian American Classified Ads and Signage. *Language in Society*, 2005, vol. 34, no. 4, p. 493–531.
- Chirsheva, G. N.** Child bilingualism: simultaneous acquisition of two languages. St Petersburg, Zlatoust, 2012, 486 p. (in Russ.)
- Kamynina, N. G., Reshetova, D. V.** Grammatical adjustment of indeclinable loan words in modern Russian. In: *Dialogue between cultures: poetics of local text. Materials of Fifth International Conference*. Gorno-Altaysk, 2016, p. 222. (in Russ.)
- Kartushina, E. A.** Pragmalinguistic peculiarities in using Russian in Finland. An example from the Internet. *Litera*, 2018, vol. 3, p. 223–231. (in Russ.)
- Kovács, M., Janurik, B.** Grammatical and sociolinguistic aspect of code-switching in Finno-Ugric languages. In: *Multilingual Practices in Finno-Ugric Communities*. Eds. O. Tónczos, M. Kovács, & U. Puura (Uralica Helsingiensia; 13). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2018, p. 13–76.
- Krysin, L. P.** Code-switching as a component of man's speech. *Dialogical speech culture*, 2000, vol. 3, p. 612018, 64. (in Russ.)
- Lee, C.** Multilingualism Online. Milton Park, Abingdon, Oxon, New York, NY: Routledge, 2017.

- Leisiö, L.** Morphosyntactic Convergence and Integration in Finland Russian. Tampere: University of Tampere, 2001.
- Mustajoki, A., Protassova, E.** Russian language teaching in diaspora teachers' reflections. *The World of Russian Word*, 2012, vol. 2, p. 822018, 92.
- Nechaeva, I. V.** Current orthographical issues of foreign loan words. Moscow, Azbukovnik, 2011, 168 p. (in Russ.)
- Paulsen, M.** Translit. Computer-mediated digraphia on the Runet. In: *Digital Russia: The Language, Culture and Politics of New Media Communication*. Eds. Gorham, M., Ingunn L., Martin P. London: Routledge, 2014, p. 156–173.
- Protasova, E. Yu.** The Russian-speaking parents in Finland about their children and their education. *Language Studies and Modern Humanities*, 2019, vol. 1, no. 2, p. 84–96. (in Russ.)
- Protasova, E. Yu.** Multilingualism and intercultural communication: facts and studies. In: *Education and Interethnic Relations – IEIR 2012*. Ed. by E. R. Khakimova. 2 part. Izhevsk, Udmurt University Press, 2012, p. 66–75. (in Russ.)
- Rakhmanova, L. I., Suzdaltseva V. N.** Modern Russian: Lexicology, phraseology, morphology: a textbook. Moscow: MGU CheRo, 1997, 480 p. (in Russ.)
- Stell, G., Yakpo, K.** (eds.). Code-switching between Structural and Sociolinguistic Perspectives. Berlin, Boston: De Gruyter, 2015.
- Timofeeva, G. G.** English loans in Russian (viewpoint of phonetics and orthography). Synopsis of a PhD thesis. St. Petersburg, 1992, 30 p. (in Russ.)
- Zelenin, A.** “Dad, where is my lipka?” In: *With Love to the Word. Festschrift for Arto Mustajoki*. Slavica Helsingiensia 35. Helsinki, University of Helsinki Press, 2008, p. 470–473. (in Russ.)
- Zemskaya, E. A.** Peculiarities in the Russian speech of emigrants of the fourth wave. *Journal Gramota.ru*, 2005. (in Russ.)
- Zemskaya, E. A.** The Russian language abroad: results and perspectives of research. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2001, no. 1, p. 114–131. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию после доработки
Date of submission, revised version
 12.08.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Виймаранта Йоханна, доктор философии, профессор Отделения языков Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия)

Johanna Viimaranta, PhD, Professor, Department of Languages, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

johanna.viimaranta@helsinki.fi
 ORCID 0000-0002-9640-3394

Маслова Анастасия Александровна, студентка Отделения языков Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия)

Anastasia A. Maslova, student of the Department of Languages, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

ORCID 0000-0002-2273-6188

Развитие и семантика колоронимов *көк* и *кӱк* в казахском и алтайском языках *

М. Д. Абжапарова ¹, Н. Н. Широбокова ²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

Цель статьи – определить происхождение названия цвета *көк* / *кӱк* в казахском и алтайском языках, проследить развитие данных лексем на общетюркском фоне, выявить особенности употребления цветообозначений. Исследование проведено на материале словарей казахского и алтайского языков, а также данных казахской и алтайской прозы. Для анализа работ были использованы историко-сопоставительный и описательный методы. В процессе исследования были выделены основные значения цветолексем *көк* ~ *кӱк* в казахском и алтайском языках, из которых самыми частотными и в равной степени распространенными являются *синий*, *голубой*, *зеленый*, *серый*. На базе значения ‘зеленый’ сформировалось значение ‘неспелый, несозревший’ в обоих рассматриваемых языках. Значение ‘седой’ в алтайском языке используется при обозначении цвета волос, а в казахском – только бороды и усов. В большинстве случаев употребления данное значение встречается в возрастном контексте: в алтайском языке олицетворяет старость, в казахском – зрелый возраст. В этническом плане развития цветолексем *көк*/*кӱк* рассмотрена специфичная функция – интенсификаторная. Она присутствует в обоих языках, с ее помощью усиливаются отрицательные характеристики данных цветолексем. Пример: каз. *көк жалқау* (букв.: синий ленивец), алт. *кӱк тенек* (букв.: совершенный глупец). Более существенные различия проявляются во фразеологических единицах. В казахском языке лексема *көк* выступает как компонент во фразеологизмах, обозначающих худобу и изможденность человека, например: *көк жамбас* (букв.: синяя бедренная кость) 1) очень худой; 2) обессиленный от старости, немощный старик. В алтайском языке подобное употребление лексемы *кӱк* не отмечается. Существуют различия и в переносном употреблении данных лексем в составе фразеологических единиц. В казахском языке это, как правило, либо выражение негативных значений, отрицательных эмоций, либо ассоциации, связанные с высотой, заветной мечтой; в алтайском языке, наоборот, сформировалось устойчивое значение интенсивности ‘совсем, совершенно’: *кӱк үлүш* (совершенно мокрый; букв.: синий мокрый). Сравнивая развитие и семантику цветолексем *көк* ~ *кӱк* в двух языках, можно сделать вывод, что именно во фразеологических оборотах в наибольшей степени проявляется их специфичность. Это подтверждает способность фразеологических единиц и устойчивых сочетаний отражать связь лингвокультур народов мира и выступать в качестве истинных хранителей этносемантики.

Ключевые слова

цветообозначение, цветолексема, лингвистика цвета, лингвоцветовая картина мира; лингвокультурология, семантика цветообозначения

Для цитирования

Абжапарова М. Д., Широбокова Н. Н. Развитие и семантика колоронимов *көк* и *кӱк* в казахском и алтайском языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 43–57. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-45-57

* Вклад М. Д. Абжапаровой составляет 70 %.

Development and Semantics of the Coloronyms *Kök* and *Kök* in Kazakh and Altaic Languages

Maiya D. Abzhaparova¹, Nataliya N. Shirobokova²

¹ Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to determine the origin of the color term *kök* / *kök* in the Kazakh and Altaic languages, to trace the development of these tokens in Turkic languages and cultures, and to identify their specific usage.

The research was conducted on the basis of the dictionaries of the Kazakh and Altaic languages as well as the samples from Kazakh and Altaic prose. A historical comparative and descriptive methods have been used.

The study highlighted the main meanings of the color designations *kök* ~ *kök* in the Kazakh and Altaic languages: blue, green and grey. They are equally common in the Kazakh and Altaic languages. Based on the meaning 'green' developed the meaning 'unripe'. As for the meaning 'gray-haired', in the Altaic language it is used to indicate the color of the hair, while in the Kazakh language – only a beard and mustaches. In general, this meaning is manifested in contexts related to age: in the Altaic language it is old age, in Kazakh – mature age. Further the article describes synonyms of color designation *kök* ~ *kök*. It has been shown that the color synonyms *kögildir*, *zengir* ('blue') are used only in the Kazakh language, in Altaic *kök* means both blue colors. In the Kazakh language comparison of the color with such natural objects as the sky, ice, and salt was found to be more developed, for example: *aspan (dai) kök* (lit.: like blue sky).

The paper presents an interesting function of color designation *kök* / *kök* which is intensification. It is observed in both languages; with the help of these tokens negative characteristics of the object are enhanced, for example: *kaz. kök zhalkau* (lit.: blue lazy – bones), *alt. kök tenek* (lit.: complete fool).

More significant differences are manifested in phraseological units, i. e. by further development of semantics in the languages. In the Kazakh language, the lexeme *kök* functions as a component in phraseological units, denoting thinness and emaciation of a person, for example: *kök jambas* (lit.: blue thigh) 1) very thin; 2) weak from old age, a feeble old man. In the Altaic language, such use of the lexeme *kök* has not been noted. In general, we can speak of rich idiomaticity of the color scheme *kök* in the Kazakh language in contrast to the Altaic language. There are also differences in the figurative use of these tokens in the structure of phraseological units: in Kazakh, these, as a rule, denote negative values, negative emotions, or associations with height, a cherished dream; in Altaic – they are used as the intensifiers 'quite, completely': *kök jylsh* (completely wet; lit.: blue wet).

Comparing the two languages, we came to the conclusion that their greatest specificity is observed in phraseological units, which confirms the ability of phraseological units and fixed word combinations to reflect an ethnic world view and to be true keepers of the culture of the people.

Keywords

color designation, color lexeme, color linguistics, linguo-color world view, linguoculturology, semantics of color designation

For citation

Abzhaparova, Maiya D., Shirobokova, Nataliya N. Development and Semantics of the Coloronyms *Kök* and *Kök* in Kazakh and Altaic Languages. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 45–57. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-45-57

Введение

Активное развитие в современной лингвистике таких направлений, как лингвокультурология и когнитивная лингвистика, позволило ученым исследовать факты языка в тесной связи с духовными ценностями этноса, его культурой и религией. Важную роль при этом играет изучение того, как именно носитель определенного языка воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы влияют на формирование картины мира определенного этноса.

Под цветом понимают одно из объективных свойств окружающей человека материальной среды, существующее независимо от сознания человека и его органов чувств и отражаемое в его сознании посредством зрительных ощущений [Бородина, Гак, 1979. С. 8].

Представляется естественным, что каждый человек должен видеть и воспринимать цвета одинаково, так как цвет формирует единое цветовое восприятие для всех людей, заключенное в зафиксированное научное понятие «цветовой спектр». Однако в разных культурах наблюдается различная языковая концентрация цветообозначений.

Над понятием цвета и системой цветообозначения работали многие ученые, от физиков до лингвистов, однако эта тема остается актуальной и в наши дни.

Согласно теории Б. Берлина и П. Кей, названия цветовых категорий появляются во всех языках в определенном порядке. Язык может включать 11 основных цветовых терминов, но есть и дополнительные [Berlin & Key, 1969]. Так, «единый» синий цвет обозначается в некоторых языках несколькими терминами. Например, в русском языке для «синего» имеется два основных термина – собственно синий (темного, насыщенного оттенка) и голубой (= синий светлого оттенка). В турецком же языке выделяется 12 основных цветов, поскольку синий и голубой цвета считаются разными лексемами – *lacivert* (темно-синий) и *mavi* (голубой) [Ozgen & Davies, 1998]. В словарях греческого языка синий и голубой цвета также имеют свои лексемы [Androulaki, 2006].

Отличительной особенностью тюркских языков является так называемый «тюркский дальтонизм», то есть обозначение одним словом *kök* таких цветов, как синий, голубой, зеленый, серый [Баскаков, 1952. С. 122]. К примеру, в славянских языках это самостоятельные цветолексемы. Но несмотря на то что «тюркский дальтонизм» является общетюркской чертой, это не означает, что состав цветообозначений и их речевое поведение во всех тюркских языках одинаковы. Данная статья показывает, что языки, входящие в одну языковую группу, могут иметь особенности в системах цветообозначений.

Экспериментально подтверждено, что цветовые категории не являются врожденными, а формируются под влиянием этнокультурного опыта и различных языков народов, населяющих нашу планету [Roberson, Davies, Davidoff, 2000].

Это влияние имеет комплексный характер. Анна Вежицкая, четверть века изучавшая проблему цвета и его обозначения, констатирует: «Концепт цвета действительно чрезвычайно сложный, и я не буду пытаться дать его толкование» [Вежицкая, 1997. С. 286]. Современные исследователи цветообозначений подчеркивают в этой связи, что цвет воспринимается в форме ощущений и что цветовые ощущения оформляются в разных языках по-разному. При этом, как утверждает А. Е. Бочкарев, «установить значимость того или иного цветообозначения можно с высокой степенью вероятности лишь при условии знания условий употребления» [Бочкарев, 2017. С. 45]. Такое поведение колоронимов усложняет их классификацию и подталкивает некоторых исследователей вводить понятие квазицвета (см. [Масевич, Захаров, 2019]). К понятию «квазицвет» относятся слова «темный», «светлый», «бледный», «пестрый» и др., которые означают не цвет, а его интенсивность или комбинацию цветов. Например, каз. *ашық аспан* (букв.: ясное небо), *көкжал* (букв.: сизый залив), алт. *көк үлүш* (букв.: синий от холода).

Обозначение одним словом *kök* ~ *gök* нескольких цветов от синей части спектра с переходом к его желтой части ('зеленый'), которые в современных тюркских языках имеют свои названия, стало общетюркской чертой [Сапига, 2016. С. 190].

В современной лингвистике цветообозначения изучаются в разных направлениях и аспектах: историческом, лексико-семантическом, грамматическом, сопоставительном, когнитивном, функциональном, психолингвистическом и др. [Берлин, Кей, 1969; Бахилина, 1975; Норманская, 2005; Кезина, 2008; Дхушхинова, 2013; Бачаева, 2015 и др.]. Одним из новых направлений в лингвистике цветообозначений стала корпусная лингвистика. В 2019 году была опубликована обширная статья В. П. Захарова и А. Ц. Масевича, в которой авторы исследуют корпусные массивы данных на предмет выявления особенностей частотного поведения прилагательных цвета в русских поэтических текстах XIX и XX веков [Масевич, Захаров, 2019. С. 21–48].

В тюркологии цветообозначения также исследовались и продолжают исследоваться в лексическом, сравнительно-историческом и др. аспектах [Кононов, 1978; Габышева, 1984; Кормушин, 2001; Майзина, 2006; Жаркынбекова, 2011; Саматов, 2016 и др.]. В настоящее время в связи с повышенным вниманием к межкультурной проблематике важное значение приобрел этнолингвистический и этнокультурный аспект. Интересна в этом плане опубликованная в текущем году работа Е. Н. Афанасьевой, в которой автор исследует семантику цветообозначений якутского языка в сопоставлении с южносибирскими и тунгусо-маньчжурскими языками, а также определяет их культурно-исторические взаимосвязи [Афанасьева, 2020. С. 45–56].

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью цветолексем как в сравнительно-сопоставительном аспекте, так и в плане коннотативных компонентов их семантики в казахском и алтайском языках. Новизна работы заключается в том, что впервые формирование, развитие и семантика цветообозначений рассматриваются на общетюркском фоне: показываются лексико-семантические соответствия в родственных тюркских языках на основе материала словарей и художественной литературы.

В работе показано, как в разных языках кыпчакской группы в обозначении цвета сформировались свои характерные особенности. Данное исследование направлено на раскрытие таких вопросов, как: 1) определение происхождения колоронимов *kөк* / *kök* в казахском и алтайском языках; 2) анализ развития данных лексем на общетюркском фоне; 3) выявление этнокультурных особенностей употребления указанных цветообозначений.

Источниками примеров для выявления специфики семантики употребления колоронимов послужили словари казахского и алтайского языков, а их речевое поведение изучалось по данным корпуса казахской и алтайской прозы.

Развитие семантики синего цвета в языках тюркских народов

С исторической точки зрения основные цветообозначения в тюркских языках (*aq* ‘белый’, *qara* ‘черный’, *kök* ‘синий’, ‘зеленый’, *qizil* ‘красный’, *sarı* ‘желтый’, *jaşıl* ‘зеленый’) являются общетюркскими, что подтверждается данными древнетюркских памятников.

Синий цвет у многих народов мира наделяется высоким переносным значением: он символизирует вечность и бесконечность, истину и веру, преданность, чистоту и целомудрие, духовную и интеллектуальную жизнь.

У тюркских народов синий цвет также издревле считался символом верности, вечности и постоянства. Тюркский колороним *kök* – в физическом аспекте цвет неба и травы – ассоциировался кроме того с божественной субстанцией, с прародителем рода. Значения ‘голубой, синий, сизый’ выявляются у слова *kök* абсолютно во всех древнетюркских памятниках. Его семантическая структура изучена в лингвистике уже достаточно подробно.

Рассмотрим дефиниции ключевого слова *kök* нескольких авторов, которые по-разному представляют себе последовательность появления производных (прямых и переносных) значений у исследуемого слова.

А. Н. Кононов отмечал, что *kök* «в современных тюркских языках известно преимущественно в следующих значениях: 1) ‘синий’, ‘голубой’, ‘лазурный’, ‘светло-зеленый’, ‘сизый’, ‘небесного цвета’, ‘цвет молодой зелени’, ‘серый’, ‘сивый’; 2) ‘небо’, ‘молодая трава’, ‘зелень’, ‘луг’; 3) Бог (алт.)» [Кононов, 1978. С. 172].

Э. В. Севортян в «Этимологическом словаре тюркских языков» выделил следующие значения *kök* (*gök*): «1) ‘небо’; 2) ‘голубой’, ‘лазурный’, ‘лазорево-синий’, ‘небесный’, ‘темно-синий’, ‘темно-голубой’; 3) ‘зеленый’, 4) ‘незрелый’; 5) ‘цвет молодой зелени’, ‘молодая трава’, ‘зелень’, ‘луг’; 6) ‘серый’, ‘сизый’, ‘сивый’, ‘чалый’, ‘седой’; 7) ‘багровый’, ‘черный’, ‘ночь’; 8) Бог» [Севортян, 1974. С. 67].

У Ж. Таниевой выделены следующие значения, их иерархия отличается от предыдущих: 1) небо; 2) зеленый, синий или голубой цвет; 3) трава, зелень; 4) серый (о масти лошади); 5) Бог; 6) свободный, вольный [Таниева, 2010. С. 164].

Авторы исследования «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» представляют развитие семантики *kök* как результат метонимического переноса. Механизм его действия таков: «Данное слово первоначально имело адъективную семантику и обозначало нерасчлененный участок спектра “зеленый – голубой – синий” с целым рядом неярких оттенков преимущественно голубого цвета: ‘синий’, ‘сизый’, ‘серый’. От каждого из основных “цветов” путем метонимического переноса образовались субстантиваты: ‘зеленый’ → ‘зелень’, ‘голубой’ → ‘небо’, ‘синий’ → ‘траурная одежда’» [СИГТЯ, 2001. С. 604].

Действительно, данные значения слова с адъективной семантикой *kök* и его субстантиваты, кроме ‘траурная одежда’, присутствуют в казахском и алтайском языках и определяются в контексте.

По мнению же К. М. Мусаева, процесс дифференциации шел в обратном направлении: в общетюркский период первичным значением слова *kök* было ‘небо’, но затем данная лексема стала обозначать различные краски неба – синие, голубые, серые, зеленые оттенки, т. е. произошла трансформация из существительного в прилагательное [Мусаев, 1996. С. 173].

В представлении древних тюрков небо отождествлялось с Богом, поэтому слово *kök* употреблялось ими в значении ‘небесная сила’, ‘Создатель’. Примером в казахском языке выступают некоторые образно-экспрессивные выражения: *Көкпен тілдесті* (букв.: разговаривал с Создателем), *Көктен сурағаны жерден табылды* (букв.: то, что просил у небесных сил, нашлось на земле). В современном алтайском языке слово *kök* сохранило значение ‘Бог’ и в наши дни: *Ұстимде турған Көк, үрүс берген. Жайаачы!* (ЖК, КТ, с. 45) ‘Бог, находящийся надо мной, Творец, давший благословение!’

Языковая реализация цветообозначения ‘*kök*’ в алтайском и казахском языках

Сравнительное изучение способов обозначения цвета в разных языках – одна из традиционных тем в лингвистике. На примере цветообозначения ‘*kök*’ в алтайском и казахском языках можно убедиться, что цвет в обоих языках имеет свои особенности. Наименования окрасок составляют в каждом языке сложную систему и обнаруживают показательные расхождения. На примере казахского и алтайского языков можно увидеть, что эти расхождения касаются как выделения цветов, так и способов их обозначения.

1. СИННИЙ, ГОЛУБОЙ. В данном значении лексема каз. *kök* ~ алт. *kök* обладает широкой сочетаемостью в обоих языках. Она употребляется в отношении природных объектов и явлений, различных предметов: каз. *kök аспан* ‘синее небо’, *kök қашықтық* ‘голубая даль’, *kök күмбездер* ‘голубые купола’ в казахском языке; алт. *kök чечек* ‘синий (голубой) цветок’, *kök талайы* ‘синее море’ и др.

Однако для определения светлых оттенков глаз слово *kök* используется только в казахском языке; в алтайском языке таких примеров не найдено: *kök көз* ‘голубые глаза’, *көкпеңбек көз* ‘небесно-голубые глаза’, *тұздай көк көз* ‘глаза цвета морской соли’. В данных адъективных словосочетаниях слово *kök* указывает на светлый оттенок предмета описания, причем понятие *светлый* маркировано этнокультурно иначе, чем в русском языке: например, серые, зеленоватые глаза в алтайском тоже могут называться *kök көз*, а сочетание *жасыл көз* (букв.: ‘зеленые глаза’) вовсе не употребляется. Например: *Ашаң жүзді, таңқы танау, көк көзді, өзін Сергей Сергеевич деп таныстырды* (ВШ, Б.154) ‘Сергей Сергеевич, так он представился, с художавым лицом, курносый, **небесно-голубыми глазами**’. *Ал мына бойжеткен тұздай көк көзімен көрмегендей сыңай танытады*. (ӨР, Қ. 3) – ‘А вот эта девушка с глазами цвета морской соли делает вид, что не замечает’.

В отличие от русского языка, в казахском сочетание *kök көз* ‘голубые глаза’ несет несколько отрицательную эмоционально-оценочную характеристику, тогда как признаком красоты у казахов, как и у многих тюркских народов, являются *қара көз* ‘черные глаза’.

2. ЗЕЛЕННЫЙ. В значении ‘зеленый’ *kök* ~ *kök* передает цвет молодой травы и растений: каз. *kök жайлау* ‘зеленый джайлау’ и *kök өлән* ‘зеленая трава’: каз. *Алдына ең таза бидай*

жемі, **көк балауса шөп** салғанмен, өкірген дауыс бір тыйылмады (ҚТ, СБ, 3) ‘Но несмотря на то что перед ней был поставлен самый чистый пшеничный корм, **сочная трава**, ревущий голос [коровы] ни разу не утихал’; **Көк жаланның** өлөңи / **Көк билдирлү мандыкты** (ААК, 53) ‘На **зеленом поле** трава, / Как **зеленый шёлк**’. В казахском языке зелень, овощи обозначаются также словом *көк*, например, производное *көкөніс* означает ‘овощи’.

3. СЕРЫЙ. В сравниваемых языках у лексики *көк* ~ *көк* выделяется значение ‘серый’. В этом значении *көк* употребляется, в первую очередь, для обозначения масти животных: каз. *көк ат* ‘сивый конь’; алт. *көк ийнек* ‘серая корова’. При этом *көк* ~ *көк* не имеет ведущей роли в наименовании масти животных, так как в этой функции чаще употребляются прилагательные каз. *сұр* и алт. *боро*.

4. НЕСПЕЛЫЙ, НЕСОЗРЕВШИЙ. В сопоставляемых языках на базе значения ‘зеленый’ возникло значение ‘неспелый, незрелый’: каз. *көк түйнек* (букв.: зеленый зародыш растения) ‘неспелый’; *көк арпа* ‘зеленый (неспелый) ячмень’. Например: *Әлі піспеген, көк түйнек қарбыздың дәмі де кірмеген* (РЕ, АА, 3) ‘У еще **неспелого арбуза** и вкуса нет’. *Жетіре бышпаған көк арбаның чарағы сүрекей жылымзу болар ине* (АА, УБТ, 26) ‘Зерно еще **незрелого, неспелого ячменя** бывает довольно сладковатым’.

В алтайском языке *көк* имеет также значение ‘седой’: *көк башту кижі* ‘человек с седыми, пепельного цвета волосами’ (букв.: с седой головой человек). В казахском же *көк* ‘сивый, седеющий’ используется только в отношении растительности на лице (усы, борода): *Ишарат етсеңіз мен сөйлейін, – деді көріпкел көк сақал шал*. (ББ, ФК, 15) ‘Позвольте, я скажу, – сказал старик **с бородой с проседью**. При этом фразеологизованное сочетание **көк сақал** является этномаркированным и включает сему ‘возраст’, обозначая мужчину с седеющей бородой, среднего возраста. Об устойчивости этого сочетания говорит отсутствие аффикса обладания =лы (*көк сақал шал* ‘с бородой старик’), что нехарактерно для свободных сочетаний в казахском языке. Признак *көк* ‘сивый, седеющий’ ассоциируется также и со зрелостью, опытностью. Ср. также: *көкжал* (букв.: сивая холка) 1) матерый (*волк*); 2) перен. опытный, бывалый (*о человеке*) [КРС, 2008. С. 419].

Отличительные черты цветообозначения *көк* ~ *көк* в казахском и алтайском языках

К отличительным чертам цветообозначения *көк* ~ *көк* в казахском и алтайском языках можно отнести такие признаки, как синонимия, сравнение и интенсификаторы.

СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД. Наряду с прямым значением ‘синий’ в казахском образуется синонимический ряд, когда семантика каждой лексики-прилагательного немного дифференцируется в зависимости от контекста, соответственно адаптируя свои признаки [12. С. 38]. В казахском языке *жасыл* употребляется для описания зелени; *көгілдір* – в описании неба, воды; *зеңгір* в описании гор, неба, высоты. Например, *Жасыл көк судың түбінде алтын түстес айқыш-ұйқыш сәулелер ойнады*. (ШМ, Т, 176) ‘На дне зеленой и голубой воды играли золотистые затейливые лучи’. *Көгілдір аспан, Көгілдір теңіз*. (АӨ, КК, 342) ‘**Голубое небо, Голубое море**’. *Бар еді бір зеңгір тау асқан биік, Әр түрлі мекен еткен аңдар сүйін*. (АБ, М, 80). ‘Была **самая голубая, высокая гора** возвышающаяся выше всех, Обитали разные звери, её облюбовав’. Такие словосочетания являются равнозначными, так как помимо взаимозаменяемости в данном контексте они обладают значениями, толкование которых согласно словарным дефинициям совпадает.

В алтайском языке, в отличие от казахского, синонимическая дифференциация типа «*көгілдір*», «*зеңгір*» отсутствует, а прилагательное *көк* передает как синий, так и голубой цвет.

СРАВНЕНИЕ. Достаточно часто для передачи цвета чего-либо в казахском языке используются сравнения с природными объектами: *аспан(дай) көк* (букв.: как небо синий), *мұздай қара көк* (букв.: как лед темно-синий), *тұздай көк* (букв.: синий как соль), *көктемнің*

көгиндей (букв.: зеленый как цвет весны). Для алтайского языка эта фигура речи не является характерной.

Использование көк / көк для характеристики волка имеет место и в казахском, и в алтайском языках. В алтайском языке это переносное значение, реализует значения ‘сила, бесстрашие, молодость’: көк бөрө (букв.: седой волк) ‘сильный’; в казахском языке словосочетание көк бөрі (букв.: седой волк) имеет значение ‘злой’, ‘властный’, ‘дерзкий’.

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ. В казахском и алтайском языках слово көк / көк, как и некоторые другие цветообозначения (ақ, қара), выступает в качестве интенсификатора. Интенсивность значения определяется нами в данном случае по Б. И. Татаринцеву, который рассматривает интенсивность как «отраженное в сознании и закрепленное в значении представление о высокой степени проявления действия, явления, признака предмета, лица» [Лукьянова, 2015. С. 108–109].

В казахском и алтайском языках лексема көк ~ көк часто усиливает отрицательную эмоциональную окраску или качество предмета: каз. көк жалқау (букв.: синий ленивец) ‘очень ленивый’, көк мылжың (букв.: синий болтун) ‘слишком болтливый’, көк долы (букв.: синяя стерва) ‘стервозная’; алт. көк төгүнчи (букв.: синий лгун) ‘наглый лжец’, көк ұлуш (букв.: синий мокрый) ‘совершенно мокрый’, көк жүлгек (букв.: синий сумасшедший) ‘совсем чокнутый’. Например: Бәрің көк жалқау боп біткенсіңдер... (ДИ, М, 9) ‘Все вы стали **очень ленивыми**...’; Кемпір кете салысымен көк долы келіннің аузынан ақ ит кіріп, көк ит шықты (Баков, 57) ‘После того, как бабка ушла, **стервозная** невестка заскандалила’; алт. Көк тенек – көлөткөзіле кожо согушкан ‘Совершенный глупец – дрался со своей тенью’ (БУ, АСҮ, 109); Айдарда, мен слердин алдаарга көк төгүнчи болуп калдым ба? ‘Итак, я перед вами оказался **бессовестным лгуном**?’ (БУ, Т, 72); Сабу турала, көк ұлуш кижі калтырып, ыйлап туру, айлы жаар базып ийди ‘Сабу встал, совершенно мокрый человек, дрожа от холода, всхлипывая, направился домой’ (ЖК, АҮӨ, 67).

Перечисленные значения являются общими для казахского и алтайского языков с некоторыми различиями в сочетаемости. В казахском языке көк выполняет роль интенсификатора при существительных, обозначающих природные явления: көк аяз ‘сильный мороз’, көксіреу мұз ‘толстый, затвердевший лед’, көк тайгақ ‘скользкий лед’, көк мұздақ ‘гололедица’, көк дауыл ‘сильный ураган, шторм’, көк нөсер ‘сильный дождь, ливень, көк көкішіл ‘густой туман’. Например: Қасат қар емес, қиялаган көксіреу мұз (АА, А, 153) ‘Не затвердевший снежный сугроб, а **толстый, затвердевший лед**’. Еліміздің бірнеше аймағында бұрқасын, көк тайғақ, тұман болады www/kaz.nur.kz ‘В нескольких регионах страны будет метель, **гололед**, туман’.

Более существенные различия проявляются во фразеологических единицах (ФЕ), т. е. на продвинутых этапах развития семантики слова в данных языках.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ И УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ. Большую часть особенностей в двух сравниваемых языках нам показывают ФЕ, и эта констатация важна в сравнительном этнокультурном плане, потому что именно фразеологические обороты наиболее явным способом отражают культурные ценности народа.

В казахском и алтайском языках также наблюдаются различия в устойчивых эталонных сравнениях.

В казахском языке лексема көк выступает как компонент во фразеологизмах, обозначающих худобу и изможденность человека: көк жамбас (букв.: синяя бедренная кость) 1) очень худой; 2) обессилевший от старости, немощный старик; көк қарын (букв.: синий живот) ‘тощий’; көк жұлын бол (букв.: синий спинной мозг стать) ‘совершенно обессилеть’ и фразеологизмы с этим же значением: көк желке бол (букв.: синий затылок стать), көк иық бол (букв.: синее плечо стать). Например: Өңкей көк жасық, көк қарындарды не істемекеің? ‘Что же делать с таким **очень худым и немощным**?’ (АТ, 268). В то же время сочетание көк мойын (букв.: синяя / голубая шея) обозначает красивую шею девушки, видимо, описывая прозрачность кожи, ее тонкость и просвечивающие вены [Тюнтешева, 2006. С. 93].

В алтайском языке подобное употребление лексемы *көк* не отмечается.

Синий оттенок кожи, который описывают ФЕ казахского и алтайского языка, может быть, конечно, вызван побоями или сильным обморожением. Но следует отметить, что только в казахском языке от первичного значения ‘синеть’ произошли и другие глагольные семантически производные выражения: *қол – аяғы көгеру* (букв.: рука – ноги посинеть) ‘посинели конечности’, *өліктей көгеру* (букв.: как покойник посинеть) ‘посинеть как покойник’ [Коньров, 1985. С. 136]. Например: *Ұйқы безіне шалдыққан адамның өңі қашып, қол-аяғы көгерге бастайды*. (ДБ, 9) ‘У человека, страдающего поджелудочной железой, бледнеет кожа, руки-ноги начинают синеть’. *Төртіншісінің түрі құқылдау көрінген соң оны: Өліктей көгерген, сырықтай сидиган! – деп шенейді* (АГ, Е, 41). ‘После того, как четвертый, оказался очень бледным: – Посинел как покойник, длинный, как жердь! – задевает колкостями’.

Более того, глаголы *көгеру* ‘синеть’, *көгерге сұрлану* ‘позеленеть от злости’ ассоциируются с описаниями таких эмоций, как злость, волнение, раздражение. Например: *Тазша төбесінен жай түскендей көгеріп кетті*. (РБ, <https://abai.kz/post/99517>) ‘Тазша **посинел**, будто молния ударила по нему’. ... *қуанып тұрған Қыранбайдың жүзі кенет қуарып, қаны ққашып, көгерге сұрлану кетті*. (ЖШ, А, 6) ‘... до этого радостное и улыбающееся лицо Кыранбая **позеленело** от злости’.

Переносное значение *көзін көгерту* (букв.: делать глаза синими) в сочетании с глаголом выражает ‘намеренно заставлять кого-то долго ждать’, ‘причинять боль, долго мучить’. Например: *Тағыда көзі көгерді ау деймін*. (АБ, <https://woman.bugin.kz/2433-kara-kurayki>) ‘Помоему, опять пришлось **долго ждать**’.

Помимо побоев, отрицательных эмоций, таких как гнев, злость, мучения, в казахском языке имеются ФЕ, интерпретирующие угрозы и проклятья, в составе которых употребляется лексема *көк*: *көк түйнек келгір!* (букв.: синий зародыш прибыл) ‘чтоб тебя заворот кишок скрутил’, *көк шешек шыққыр!* (букв.: вышла синяя оспа) ‘чтоб на тебя оспа напала!’ Примеры: «*Қырғын келгір, көк түйнек келгір!*» деп бір әйелдің шаптыққан даусы шықты. (БМ, ББ, 241) ‘Да нападёт на тебя мор, чтоб тебя **заворот кишок** скрутил!’. *Балдір сонда жүргенде, қой лағып жөніне кетеді, көк шешек келгір, бір серкенің қырсығы*. (ЗШ, СБ, 109). ‘Пока Балдир был там, овцы ушли неизвестно куда, чтоб на тебя **оспа** напала, это все из-за вредности одного упряма’.

Однако на фоне всех негативных значений, которые были упомянуты выше, в казахском языке встречаются сравнения, содержащие глаголы, производные от лексемы *көк* и ассоциирующиеся с высотой, заветной мечтой, например: *көкте тұрған жұлдыз* (букв.: звезда на небе) ‘несбыточная мечта’, *көкке көтеру* ‘расхваливать, превозносить до небес кого-л’, *көкке жетті* ‘поднялся до небес’, ‘сильно порадовался’ [Жаркынбекова, 2011. С. 155]. В алтайском корпусе таких сравнений не наблюдается.

В алтайском языке лексема *көк* в составе фразеологических единиц в одних случаях выражает реальный синий цвет, а в других, выполняя роль интенсификатора, означает степень проявления признака, интенсивность, соответствующие семантике русских единиц ‘совсем, совершенно’ [Майзина, 2006. С. 190]. Например: *Көк ұлұш* (совершенно мокрый; букв.: синий мокрый): *Сабу турала, көк ұлұш кижі калтырып, ыйлап туру, айлы жаар базып ийди*. ‘Сабу встал, **совершенно мокрый** человек, дрожая от холода, всхлипывая, направился домой’ (ЖК, АЛӨ, 67). *Көк тенек* (очень глупый; букв.: синий глупец): *Көк тенек – көлөткөзіле кожо соғушкан ‘Очень глупый’ дрался со своей тенью* (БУ, АСҰ, 109).

Из приведенной ниже таблицы видно, что цветообозначение *көк / көк* в значении ‘седой’, ‘мокрый’ встречается в алтайском языке, но не употребляется в казахском языке. Зато интенсификация природных явлений и большинство ФЕ, характеризующих человека, выявлены только в казахском языке.

Семантика цветолексемы көк / көк в казахском и алтайском языках
Semantics of the көк / көк color designation in Kazakh and Altaic languages

№ п/п	Лексическое значение Lexical meaning	Казахский язык Kazakh language көк	Алтайский язык Altaic language көк
1	‘синий’	+	+
2	‘зеленый’	+	+
3	‘серый, сивый, сизый’	+	+
4	‘неспелый’	+	+
5	‘небо, небосвод, высь’	+	+
6	‘седой’	–	+
7	‘сильный мороз’, ‘гололедица’, ‘густой туман’ (природные явления)	+	–
8	‘ленивый’	+	+
9	‘болтливый’	+	–
10	‘скандальный’	+	–
11	‘мокрый’	–	+
12	‘совсем, ‘совершенно’	–	+

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что цветолексема көк ~ көк с базовым значением ‘синий’ является общетюркской. Это подтверждается тем, что в казахском и алтайском языках лексема имеет одну и ту же основу, этимологические значения совпадают, несмотря на то что среди исследователей ключевой цветолексемы көк нет единого мнения и они по-разному представляют себе последовательность появления производных (прямых и переносных) значений у данного слова. Порядок расположения аналогичных значений в толковых словарях алтайского и казахского тоже различается, хоть и не принципиально. Иными словами, значения цветолексемы көк ранжируются в истории лексической эволюции тюркских языков по-разному, и единого мнения на этот счет еще нет.

Если говорить о цветолексеме көк ~ көк с базовым значением ‘синий’, на примере которой мы показали национально-культурную специфику казахов и алтайцев, то на первый план выступает субъективный фактор, неотделимый от культуры в широком смысле, так как фразеологические единицы четко зафиксированы в сознании носителей языка и являются относительно устойчивыми.

В качестве выявленных различий можно отметить, что в казахском языке лексема көк в составе устойчивых сочетаний выполняет функцию усиления выражаемого признака (интенсивность) и довольно часто – с отрицательной оценкой, в то время как в алтайском языке лексема в составе устойчивых сочетаний представлена другими значениями – «совсем, совершенно, абсолютно».

Дополнительно следует отметить, что в алтайском языке цветолексема көк также передает значение ‘седой’, в казахском же языке – нет.

Общей чертой в казахском и алтайском языках является то, что лексема көк ~ көк может передавать синий, голубой, зеленый цвета.

Сравнивая два языка, мы пришли к выводу, что именно во фразеологических оборотах наблюдается наибольшая специфичность, что подтверждает способность фразеологических единиц и устойчивых сочетаний отражать связь с картиной мира и являться истинными хранителями культуры народа.

Список литературы

- Афанасьева Е. Н.** Развитие семантики цветообозначений үрүн и манган в якутском языке как свидетельство языковых контактов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 20, № 1. С. 45–56.
- Баскаков Н. А.** К вопросу о классификации тюркских языков // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка. 1952. Т. 11, вып. 2. С. 121–134.
- Бородин М. А., Гак В. Г.** К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Л., 1979. 232 с.
- Бочкарев А. Е.** О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 4. С. 43–50.
- Вежбицкая А.** Язык, культура, познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
- Жаркынбекова Ш. К.** Цвет – сознание – менталитет: реконструкция цветовой картины мира в казахской и русской лингвокультурах. Астана, 2011. 187 с.
- Кононов А. Н.** Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, 1978.
- Коньров Т. К.** Структурно-семантическая природа сравнения в казахском языке: Учеб. пособие. Алма-Ата: Мектеп, 1985. 234 с.
- Лукьянова Н. А.** Толково-исторический «Словарь русского языка XI–XVII вв.» как источник изучения экспрессивной лексики // Круги времен. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 107–120.
- Масевич А. Ц., Захаров В. П.** Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 21–48.
- Майзина А. Н.** Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком: Дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2006. 208 с.
- Мусаев К.** Пратюркские названия неба // 90 лет Н. А. Баскакову. *Studia philologica* РАН ИЯ. М., 1996. С. 169–179.
- Сапига Е. В.** Цветообозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты // Образование и педагогические науки. 2016. № 2. С. 190–198.
- Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 349 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркского языка. Лексика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Таниева Ж.** Символика цвета как носитель культурных кодов // Простор. 2010. № 5. С. 162–164.
- Тюнтешева Е. В., Широбокова Н. Н., Колосова Т. А., Селютин И. Я.** Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск: Любава, 2006. 183 с.
- Androulaki, A., Gomez-Pestaca, N., Mitsakis, C., Lillo Jover, J., Coventry, K., Davies, I.** Basic colour terms in Modern Greek: Twelve terms including two blues. *Journal of Greek Linguistics*, 2006, vol. 7/1, p. 3–47.
- Berlin, B., Kay, P.** Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, University of California Press, 1969.
- Ozgen, E., Davies, I. R.** Turkish color terms: tests of Berlin and Kay's theory of color universals and linguistic relativity. *Linguistics*, 1998, vol. 36/5, p. 919–956.
- Roberson, D., Davies, I., Davidoff, J.** Color categories are not universal: replications and new evidence from a stone-age culture. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2000, vol. 129 (3), p. 369–398.

Список источников

ЖК, КТ – Т. Каинчин. Карган тыт. Горно-Алтайск, 1994.

- ВШ, Б – В. Шукшин, «Бажалар» әңгімесі. Әлемдік классика. В. Шукшин. «Село тұрғындары», Әңгімелер жинағы. Орыс тілінен аударған Ж. Алтайбаев, Астана, 2011. Астана, «Аударма» баспасы.
- ӨР, Қ – «Жас Алаш» газеті, 06.11.2019. Ә. Рахат, «Қара мысықтың қожайыны» әңгімесі.
- ҚТ, СБ – «Жас Алаш» газеті, 17.09.2018. Қ.Түменбай, «Сиырдың бөлмесі» әңгімесі.
- ААК АКК – Алтайский кеп кууучындар. Алтайская литература. Учебник для 5-го класса. Горно-Алтайск, 1995.
- Р. Ескендір «Бар болсаң, халқына пайдаң тисін!» мақаласы, «Алматы ақшамы» газеті, № 64 (4938) 24 мамыр 2014 жыл.
- АА, УБТ – А. Адаров. Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980.
- ББ, ҒК, 15 – «Minber» порталы, 25.05.2013. Б. Бәмішұлы, «Ғашықтық құпиясы» әңгімесі; URL: <https://www.minber.kz/2013/05/baqytbek-bamishuly-gashyqtyq-quriyasy/>.
- ШМ, Т – Ш. Мұртаза.Таңдамалы. Әңгімелері, хикаяттары, мақалалары, роман, пьесалары. Алматы, «Айғаным» баспа үйі, 2017. «Шағалалар қайда ұйықтайды» әңгімесі, 176 бет
- АӨ, КК – А. Өтегенов, «Көгілдір көктем...» өлеңі
- АБ, М – А. Байтұрсынұлы, «Маса». Өлеңдер мен көсемсөздер. Алматы, «Раритет» баспасы, 2005. «Арыстан, киік, һәм түлкі» өлеңі.
- ДИ, М 9 – Д. Исабеков, «Туралықтың туы еді ол» мақаласы, 9 бет
- Баков «Жылан улы әйел» әңгімесі.
- БС, АСҰ – Б. Суркашев. Алтайский совет, улгерлик. Горно-Алтайск, 1987.
- БУ, Т – Б. Укачин Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
- ЖК, АҰӨ – Ж. Каинчин. Айлыбыс жаныс өзөктө. Алтайск, 1984.
- АА, А – А. Алтай. Казино. Алматы, «Атамұра» баспасы, 2008. Альпинист әңгімесі www.kaz.nur.kz 2017-12-24 басты жаңалықтар.
- АТ – А. Тоқмағамбетов «Құлақ пен тымақ».
- ДБ – Д.Байырханова «Ұйқы безінің қабынуы неден болады?» мақаласы. «Денсаулық» журналы, 2013. № 1.
- АГ, Е – Ағайынды Гриммдер. Ертегілер. Алматы, «Аруна» баспасы, 2012. «Шымшасақал король» ертегісі.
- РЫ – Риза Ысқақ, «Үзілмеген үміт» әңгімесі. «АБАІ.kz» ақпараттық порталы, 22.10.2019. URL: <https://abai.kz/post/99517>.
- ЖШ, А – Ж. Шыныбеков, «Аттан, менің көршім жалған ақша жасап жатыр!» әңгіме орнына, «Алматы Ақшамы» газеті, 27.05.2016.
- АБ, Қ – А. Бақытжанқызы, «Қиялдан туған шындығым...» әңгімесі, 27.02.2019 URL: woman.bugin.kz/2433-kara-kurayki.
- БМ, ББ – Б. Майлин, Көп томдық шығармалар жинағы. 1 том. Әңгімелер. Алматы. «Қазығұрт» баспасы, 2003. «Баянсыз бақ» әңгімесі.
- ЗШ, СБ – З. Шүкіров, «Сыр бойы». Тарихи роман. 1 том. Алматы, «Қайнар» баспасы, 2006. «Соңғы тұяқ» әңгімесі.
- ЖК, АҰӨ – ЖК, АҰӨ Ж. Каинчин. Айлыбыс жаныс өзөктө. Алтайск, 1984.

References

- Afanaseva, E. N.** Development of Semantics of Colour Terms *ырғын* and *маған* in the Yakut Language as Evidence of Language Contacts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 20, no. 1, p. 45–56. (in Russ.)
- Androulaki, A., Gomez-Pestaca, N., Mitsakis, C., Lillo Jover, J., Coventry, K., Davies, I.** Basic colour terms in Modern Greek: Twelve terms including two blues. *Journal of Greek Linguistics*, 2006, vol. 7/1, p. 3–47.
- Baskakov, N. A.** On the classification of Turkic languages. *Dep. of literature and language*, 1952, vol. 11, iss. 2. p. 121–134. (in Russ.)

- Berlin, B., Kay, P.** Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, University of California Press, 1969.
- Bochkarev, A. E.** Color terms of feelings and emotions in the Russian language consciousness. *Vestnik NSU. Series Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 4, p. 43–50. (in Russ.)
- Borodina, M. A., Gak, V. G.** To the typology and methodology of historical and semantic research (based on French vocabulary). L., 1979, 232 p. (in Russ.)
- Comparative historical grammar of the Turkic language. Vocabulary. Ed. by E. R. Tenishev. 2nd ed., ext. Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (in Russ.)
- Kononov, A. N.** Color semantics in Turkic languages. Turkological collection 1975. Moscow, 1978. (in Russ.)
- Konyrov, T. K.** Structural and semantic nature of comparison in the Kazakh language: textbook. Alma-Ata, Mektep, 1985, 234 p. (in Russ.)
- Lukyanova, N. A.** Explanatory-historical “Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries” as a source for the study of expressive vocabulary. In: *Circles of time*. Moscow, Indrik, 2015, vol. 2: Research. Initiations and memories, p. 107–120. (in Russ.)
- Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P.** Frequency Behavior of Color Adjectives in Russian Poetic Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 21–48. (in Russ.)
- Mayzina, A. N.** The semantic field of color designations of the Altai language in comparison with the Mongolian language: Diss. for a PhD. Gorno-Altaysk, 2006, 208 p. (in Russ.)
- Musaev, K.** Pratyurk names of the sky. In: 90 years to N. A. Baskakov. In: *Studia philologica RAS FL*. Moscow, 1996, p. 169–179. (in Russ.)
- Ozgen, E., Davies, I. R.** Turkish color terms: tests of Berlin and Kay’s theory of color universals and linguistic relativity. *Linguistics*, 1998, vol. 36/5, p. 919–956.
- Roberson, D., Davies, I., Davidoff, J.** Color categories are not universal: replications and new evidence from a stone-age culture. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2000, vol. 129 (3), p. 369–398.
- Sapiga, E. V.** Color designations in modern linguistics: semantic and semiotic aspects. *Education and Pedagogical Sciences*, 2016, no. 2, p. 190–198. (in Russ.)
- Sevortyan, E. V.** Etymological dictionary of Turkic languages. Moscow, Nauka, 1974, 349 p. (in Russ.)
- Tanieva, J.** Symbolism of color as a carrier of cultural codes. *Prostor*, 2010, no. 5, p. 162–164. (in Russ.)
- Tyuntsheva, E. V., Shirobokova, N. N., Kolosova, T. A., Selyutina, I. Ya.** Man and his world in the mirror of phraseology (Based on the material of the Turkic languages of Siberia, Kazakh and Kyrgyz). Novosibirsk, Lyubava, 2006, 183 p. (in Russ.)
- Vezhbitskaya, A.** Language, Culture, Cognition. Moscow, Russian dictionaries, 1997, 416 p. (in Russ.)
- Zharkynbekova, Sh. K.** Color – consciousness – mentality: reconstruction of the color picture of the world in the Kazakh and Russian linguistic cultures. Astana, 2011, 187 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
20.07.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Абжапарова Майя Даулетовна, исследователь, преподаватель-исследователь Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Maiya D. Abzhaparova, Teaching Researcher, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

maiya7_7_787@mail.ru

ORCID 0000-0003-4828-3110

Широбокова Наталья Николаевна, доктор филологический наук, профессор, заведующая сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Nataliya N. Shirobokova, Doctor of Philology, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-9016-912X

Прагматическая специфика цветообозначений человеческого тела в тексте судебно-медицинского исследования

С. Б. Владимирова

*Томский политехнический университет,
Томск, Россия*

*Томский государственный архитектурно-строительный университет
Томск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию прагматической специфики цветообозначений человеческого тела в тексте судебно-медицинского исследования. Текст судебно-медицинского исследования трупа включает в себя данные наружного и внутреннего исследования, особое внимание в нем уделяется обозначению цвета человеческого тела, его частей, органов, повреждений и других обнаруженных при исследовании явлений, поскольку эти данные могут быть важны для установления причины смерти, ее времени и разрешения других поставленных перед экспертом вопросов. Достоверное определение цвета указанных объектов и достаточное их описание в тексте заключения является одним из критериев полноты проведенной экспертизы. Тексты такого типа, несмотря на большую социальную значимость, недостаточно изучены в прагматическом аспекте и в целом до недавнего времени редко становились объектами лингвистических исследований. Цель данной работы – выявление прагматической специфики отбора лексем-цветообозначений человеческого тела в тексте судебно-медицинского исследования при помощи структурного и семантического анализа. Основные методы исследования — метод сплошной выборки для выделения цветообозначений; количественный анализ для определения наиболее частотных лексем, структурный и семантический анализ. Из 20 текстов судебно-медицинских исследований методом сплошной выборки было выделено 1173 цветообозначения, представленных 204 различными лексемами. Наиболее частотными оказались следующие цветообозначения: темно-красный (152), серый (79), желтоватый (45), сероватый (39), белесоватый (36), красно-коричневый и желтый (по 35), серо-розовый (31), бледно-серый (27), темный (23). Наиболее широко распределенными оказались следующие цветообозначения: темно-красный (в 20), желтоватый (в 17), белесоватый, серый и желтый (в 16), красно-коричневый (в 15), сероватый (в 14), серо-розовый (в 12), синюшный и бледный (в 11). Структурный анализ показал преобладание оттеночных цветообозначений над абсолютными, дву- и трехсоставных над односоставными, широкое использование формантов, уточняющих интенсивность окраски. Семантический анализ показал незначительное количество обращений к цветообозначениям, имеющим метафорическую номинацию, а также полное отсутствие индивидуально-авторских и стилистически окрашенных цветообозначений. Установлены две основные прагматические интенции, характеризующие отбор цветообозначений в исследуемом типе текста: с одной стороны, он обусловлен референтом и необходимостью как можно точнее передать его цвет лексическими средствами русского языка, с другой – необходимостью ограничиваться общеупотребительными лексемами.

Ключевые слова

цветообозначение, прагматика цвета, цветовая номинация, медицинский дискурс, судебная медицина

Для цитирования

Владимирова С. Б. Прагматическая специфика цветообозначений человеческого тела в тексте судебно-медицинского исследования // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 58–68. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-58-68

Pragmatic Specifics of Color Designations of the Human Body in Forensic Medical Investigation

Sofya B. Vladimirova

National Research Tomsk Polytechnic University
Tomsk, Russian Federation

Tomsk State University of Architecture and Building
Tomsk, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the pragmatic specifics of the color designations of the human body in the text of a forensic medical investigation. The forensic post-mortem investigation text includes data on external and internal research, special attention is paid to the designation of the color of the human body, its parts, organs, injuries and other phenomena discovered during the research, because these data can be important for determining the cause of death, time of death and resolution of other questions posed to the expert. A reliable color identification of these objects and their sufficient description in the text of the conclusion is one of the criteria for the completeness of the forensic medical examination. Texts of this type, despite their great social significance, are insufficiently studied with regard to pragmatics and rarely become objects of linguistic research. The purpose of this article is to identify pragmatic specifics of the selection of human bodies' color designations in the text of a forensic medical investigation through their structural and semantic analysis. The main research methods are the continuous sampling method for highlighting color designations; quantitative analysis to single out the most frequent lexemes, structural and semantic analysis. Out of 20 texts of forensic medical expertise, with the help of continuous sampling we found 1173 color designations represented by 204 different lexemes. The following colors turned out to be the most frequent: темно-красный (dark red, 152), серый (gray, 79), желтоватый (yellowish, 45), сероватый (grayish, 39), белесоватый (whitish, 36), красно-коричневый and жёлтый (red-brown and yellow, 35 for each), серо-розовый (gray-pink, 31), бледно-серый (pale gray, 27), тёмный (dark, 23). These colors were most widely distributed: темно-красный (dark red, in 20 texts), желтоватый (yellowish, in 17 ones), белесоватый, серый and жёлтый (whitish, gray and yellow, in 16 ones), красно-коричневый (red-brown, in 15 ones), сероватый (grayish, in 14 ones), серо-розовый (gray-pink, in 12 ones), синюшный and бледный (cyanotic and pale, in 11 ones). Structural analysis showed the predominance of hue color designations over absolute ones; two- and three-component terms over single-component ones, and the widespread use of formants that specify the color intensity. The semantic analysis showed an insignificant number of color terms that have a metaphorical meaning, as well as complete absence of "authorisms" and stylistically colored color terms. Two main pragmatic intentions were established that characterize the selection of color terms in this type of text: on the one hand, it is due to the referent and the need to convey its color as accurately as possible with the lexical means of the Russian language, and on the other, the need to use only common lexemes.

Keywords

color designation, pragmatics of color, color nomination, medical discourse, forensic medicine

For citation

Vladimirova, Sofya B. Pragmatic Specifics of Color Designations of the Human Body in Forensic Medical Investigation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 58–68. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-58-68

Введение

Лексемы-цветообозначения в русском языке исследованы российскими и зарубежными учеными достаточно широко в различных аспектах: сравнительно-историческом [Бахилина, 1975] и диахроническом [Дубинина, 2018; Кезина, 2010], семантическом [Макеев, 1999; Хамидова, 2012], лексикографическом [Крамкова, 2010; Барина, 2016], статистическом [Масевич, Захаров, 2019] и других. В последние десятилетия одним из наиболее значимых направлений в лингвистике являются дискурсивные исследования, в которых система цветообозначений русского языка также нашла свое отражение. Цвета и цветообозначения представляются, несомненно, важным и актуальным материалом для дискурсивных исследований. Как отмечают различные авторы, цвет, с одной стороны, «относится к сложной многоуровневой семиотике и обладает практически неограниченными возможностями в способах передачи информации» [Мукабенова, 2016. С. 46], а с другой стороны, «служит разви-

тию, субъективируется, наделяется национально-культурными ценностями» [Сапига, 2016. С. 192].

Изучение цветообозначений, функционирующих в различных дискурсах, таким образом, является важной и актуальной задачей современной лингвистики. Наиболее изученным в этом аспекте является рекламный дискурс [Сун, Сарыкова, 2016; Величко, 2017; Абдуллина, Артамонова, 2019], в текстах которого основная функция цветообозначений определена как «воздействующая» [Сун, Сарыкова, 2016. С. 32], или «функция аттрактора-экспрессивизатора», т. е. та, которая «привлекает внимание читателя и воздействует, прежде всего, на его психоэмоциональную сферу» [Величко, 2017. С. 68]. О важности цветообозначений говорят и исследователи политического дискурса, которые выделяют две их основные функции в массмедийных политических текстах: интегрирующую и дифференцирующую [Суздальцева, 2014. С. 84–85].

Однако не меньший интерес для исследований представляют и другие институциональные дискурсы, в прецедентных текстах которых широко функционируют лексемы-цветообозначения. В фокусе данного исследования находятся тексты заключений судебно-медицинской экспертизы, ранее редко становившиеся объектом лингвистических исследований, и специфика цветообозначений человеческого тела в них.

Заключение судебно-медицинской экспертизы – процессуальный документ, составляемый экспертом в соответствии с предписаниями закона, в котором указываются основания и условия производства экспертизы, вопросы, поставленные на ее разрешение, объекты и процесс их экспертного исследования с указанием использованных методов и методик, установленные при этом фактические данные и выводы эксперта [Буромский, 2006. С. 79]. Текст судебно-медицинского исследования трупа включает в себя данные наружного и внутреннего исследования объекта экспертизы. Большое внимание при написании исследовательской части заключения судебно-медицинской экспертизы уделяется обозначению цвета человеческого тела, его частей, органов, цвета трупных пятен, повреждений и других обнаруженных при исследовании явлений и объектов, поскольку эти данные могут быть важны для установления причины смерти, ее времени и разрешения других вопросов, ставящихся перед экспертом.

Так, например, «Руководство по судебной медицине» под редакцией В. В. Томилина и Г. А. Пашиняна предписывает при исследовании трупа отмечать цвет около 40 различных объектов (кожные покровы, повреждения и ткани вокруг них, внутренние органы и т. д.) [Томилин, Пашинян, 2001]. Достоверное определение цвета указанных объектов и достаточное их описание в тексте заключения является, таким образом, одним из критериев полноты проведенной экспертизы, а функция цветообозначений в данном типе текста может быть определена как **номинативная**.

Вопросы восприятия и оценки цвета в судебной медицине, цифровой стандартизации этой оценки, а также формализации наименования цветов находят свое отражение в судебно-медицинских научных исследованиях. Так, по утверждению А. В. Литвинова и соавторов, «эксперты <...> практически ежедневно занимаются оценкой цвета повреждений (в т. ч. кровоподтеков) без какого-либо внешнего контроля над правильностью их оценки цвета этих повреждений и, соответственно, суждений о давности воздействия травмирующего фактора» [Литвинов, Витер, Вавилов, 2013. С. 34]. Дискуссионность и недостаточная изученность данной проблемы не только с лингвистической, но и с прагматической точек зрения обуславливают **актуальность** данного исследования. **Целью** исследования является выявление прагматической специфики отбора лексем-цветообозначений человеческого тела в тексте судебно-медицинского исследования при помощи структурного и семантического анализа. **Основные методы исследования:** метод сплошной выборки для выделения цветообозначений; количественный анализ для определения наиболее частотных лексем, структурный и семантический анализ для определения прагматической специфики отбора лексем-цветообозначений.

Материалом данного исследования послужили 20 текстов судебно-медицинских исследований трупов общим объемом более 60 печатных страниц. Из данных текстов методом сплошной выборки было выделено 1173 цветообозначения, представленных 204 различными лексемами. В материал исследования не вошли, однако, некоторые группы цветообозначений, не находящиеся в фокусе текущего исследования:

- цветообозначения, входящие в состав медицинских терминов, таких как: белое вещество мозга, серое вещество мозга, красная кайма губ;
- цветообозначения, описывающие одежду, бирки и другие предметы, не имеющие непосредственного отношения к человеческому телу, однако описанные вместе с ним в заключении;
- цветообозначения, описывающие цвет волос, в силу их крайне ограниченной лексической сочетаемости.

1. Количественный анализ цветообозначений

Количество цветообозначений в исследованных текстах варьировалось от 32 до 133. В количественном аспекте цветообозначения были оценены по двум критериям: частотности (общее количество упоминаний в двадцати текстах) и распределенности (общее количество текстов, в которых упоминается данное цветообозначение). Наиболее частотными, в порядке убывания, оказались следующие цветообозначения: *тёмно-красный* (152), *серый* (79), *желтоватый* (45), *сероватый* (39), *белесоватый* (36), *красно-коричневый* и *желтый* (по 35), *серов-розовый* (31), *бледно-серый* (27), *темный* (23).

Интересен и тот факт, что цветообозначения *серый* и *желтый*, которые также достаточно частотны как в «чистом» виде, так и в составе оттеночных цветообозначений, имеют определенную специфику в русской языковой картине мира. Представляется возможным предположить, что цветообозначения, наиболее прагматично описывающие мертвое человеческое тело и потому широко используемые врачами-судмедэкспертами, в языковой картине мира сформировали вокруг себя целый ряд негативных ассоциаций, связанных со смертью и болезнью. В частности, в лингвоцветовой идиоматической картине мира «желтый в целом несет в себе негативную коннотацию: желтый дом, желтая пресса, серый – плохое качество: серая бумага, серые щи» [Никитина, Флигинских, 2015. С. 112]. В работе Я. А. Барышевой разрабатывается метафорическая модель «серый цвет – наружный покров тела человека», интерферирующая концептуальные признаки «болезненно бледный, больной» [Барышева, 2012. С. 10], литературоведы отмечают в различных художественных произведениях *желтый* и *серый*, а также их сочетания и оттенки, как цвета с негативной семантикой: «желтый цвет настраивает читателя на повествование о движении к смерти» [Масолова, 2017. С. 55], «будучи по своей природе нейтральным цветом, серый не вызывает каких-либо психологических реакций. Это цвет равнодушия и отсутствия стремления к жизни» [Мансков, 2019. С. 119].

Наиболее широко распределенными оказались следующие цветообозначения: *темно-красный* (в 20), *желтоватый* (в 17), *белесоватый*, *серый* и *желтый* (в 16), *красно-коричневый* (в 15), *сероватый* (в 14), *серов-розовый* (в 12), *синюшный* и *бледный* (в 11).

Обращает на себя внимание несомненное и вполне объяснимое лидерство темно-красного цвета: это нормальный цвет жидкой крови и ее сгустков, а также кровоизлияний.

Для более точного определения прагматической специфики цветообозначений в текстах судебно-медицинского исследования рассмотрим их с точки зрения структуры и семантики.

2. Структурный анализ цветообозначений

Выделенные цветообозначения были классифицированы, прежде всего, по структурным параметрам. Первую группу составили монологемные цветообозначения, представленные 31 лексемой. Данные цветообозначения, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы: абсолютные и оттеночные.

2.1. Абсолютные

В вопросе о том, какие цветообозначения считать абсолютными, или базовыми, мнения лингвистов расходятся. Так, например, Берлин и Кей определяют «базовые» названия цветов как состоящие из одной морфемы, не обозначающие оттенок другого цвета, не относящиеся к малой группе объектов и общеупотребляемые [Berlin, Kay, 1969. С. 37], выделяя, таким образом, одиннадцать базовых названий цветов. Для русской языковой картины мира называют 12 базовых цветов, добавляя в их список также голубой цвет [Фрумкина, 2001. С. 64; Davies, Corbett, 1994. С. 87]. Однако в рамках данного исследования мы, вслед за А. А. Брагиной, признаем абсолютными, или же базовыми, только десять цветообозначений: семь хроматических соответственно семи цветам радужного спектра (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый) и три ахроматических (черный, серый, белый) [Брагина, 1972. С. 121]. В представленном материале абсолютные цветообозначения представлены семью лексемами, из которых наиболее частотны и распространены лексемы *серый* (79 упоминаний в 16 текстах) и *желтый* (35 упоминаний в 16 текстах). Далее в порядке убывания частотности: *красный* (11 в семи текстах), *фиолетовый* (восемь в семи текстах), *черный* и *синий* (три упоминания в трех текстах и три в одном тексте соответственно), *белый* (одно упоминание), всего 140 упоминаний.

Отметим, что полученные данные не полностью совпадают с данными о частотности употребления базовых прилагательных цвета в корпусах НКРЯ, где тройку самых частотных составляют черный, белый и красный [Масевич, Захаров, 2019. С. 25], что связано, очевидно, с со спецификой исследуемых ими текстов – они поэтические.

2.2. Оттеночные

Гораздо более объемна и разнообразна в исследованных текстах группа оттеночных однолексемных цветообозначений. Она представлена 23 лексемами, имеющими в общей сложности 265 упоминаний. Из них наиболее частотны лексемы *желтоватый* (45 упоминаний в 17 текстах), *сероватый* (39 упоминаний в 14 текстах), *белесоватый* (36 упоминаний в 16 текстах).

Рассмотрим данную группу более подробно. Из 23 лексем шесть представлены оттеночными цветообозначениями с суффиксами -ов- / -ев-: *багровый*, *вишневый*, *коричневый*, *малиновый*, *оливковый*, *розовый*; девять имеют в своем составе суффикс -оват- / -еват-, обозначающий небольшой по интенсивности признак, в данном случае оттенок цвета: *белесоватый*, *буроватый*, *голубоватый*, *желтоватый*, *зеленоватый*, *коричневатый*, *красноватый*, *розоватый*, *сероватый*; два имеют суффикс -ист-, указывающий на схожесть с другой субстанцией: *глинистый*, *кровянистый*; еще два имеют суффиксы -уш- / -юш- + -н-: *синюшный*, *желтушный*. Одно цветообозначение бессуффиксальное: *бурый*. В отдельную группу можно выделить так называемые квазицвета (термин введен [Масевич, Захаров, 2019. С. 32]) – три лексемы, обозначающие не сам цвет, а сопутствующую ему характеристику: *бледный*, *светлый*, *темный*.

Сложные цветообозначения в исследованных текстах представлены 148 двусоставными лексемами, 25 трехсоставными лексемами и одним случаем четырехсоставной лексемы. Наиболее развернутую классификацию сложных двусоставных цветообозначений предлагает И. В. Макеенко, выделяя следующие группы: а) сложные, с формантами ярко-, светло-, темно-, нежно- и т. д., уточняющими интенсивность окраски; б) двусоставные цветоименования, представляющие названия смешанных цветов или разноцветных объектов, которые, в свою очередь, разделяются на четыре вида:

- обе части слова являются основными цветообозначениями;
- первая часть – основное цветообозначение, вторая – неосновное;
- первая часть – неосновное цветообозначение, вторая – основное;
- обе части представлены неосновными цветообозначениями [Макеенко, 1999. С. 28].

Рассмотрим выделенные нами цветообозначения с точки зрения данной классификации.

2.2.1. Уточняющие интенсивность окраски

Данная группа представлена 35 цветообозначениями с формантами *бледно-* (бледно-розовый, бледно-желтый, бледно-серый и т. д., всего 10 лексем), *грязно-* (пять лексем: грязно-бурый, грязно-красный, грязно-розовый, грязно-серый, грязно-синюшный), *светло-* (светло-желтый, светло-вишневый, светло-бурый и т. д., всего восемь лексем), *темно-* (темно-зеленый, темно-красноватый, темно-серый и т. д., всего 10 лексем); форманты *тускло-* и *ярко-* представляют по одной лексеме: *тускло-красный* и *ярко-желтый*. Наиболее частотными лексемами в этой группе являются *темно-красный* (152), *бледно-серый* (27), *бледно-розовый* (18).

2.2.2. Представляющие названия смешанных цветов или разноцветных объектов

- **обе части слова являются основными цветообозначениями**

Данная группа представлена 13 лексемами, из которых наиболее частотны *сери-желтый* (18 упоминаний), *сери-красный* (10 упоминаний) и *желто-зеленый* (4 упоминания), остальные же представлены 1–3 упоминаниями – *бело-желтый*, *желто-серый*, *красно-желтый*, *красно-серый*, *красно-синий*, *сери-белый*, *сери-синий*, *сери-фиолетовый*, *сери-черный*, *сини-фиолетовый*. Отметим, что наиболее продуктивным в этой группе является формант *сери-*, включенный в 5 цветообозначений.

- **первая часть – основное цветообозначение, вторая – неосновное**

Данную группу составляет 31 лексема. Наиболее частотны лексемы *красно-коричневый* (35 упоминаний), *сери-розовый*, *сери-синюшный* (14 упоминаний). В этой группе наиболее продуктивны форманты *сери-* и *красно-* (8 и 7 цветообозначений соответственно).

- **первая часть – неосновное цветообозначение, вторая – основное**

Данная группа представлена 35 различными лексемами. Наиболее частотны лексемы *белесовато-серый* (16 упоминаний), *серовато-красный* (12), *розовато-серый* и *синюшно-фиолетовый* (по 9 упоминаний). Наиболее продуктивны форманты: *серовато-* и *коричнево-*, каждый из которых составляет по 4 цветообозначения.

- **обе части представлены неосновными цветообозначениями**

Наиболее обширная группа, включающая в себя 40 цветообозначений. Наиболее частотны *серовато-синюшный* (14 упоминаний), *серовато-белесоватый* (13 упоминаний), *багрово-синюшный* (9 упоминаний). В данной группе также наиболее продуктивен формант *серовато-*, образующий 10 цветообозначений.

Уточнив данную классификацию для трехсоставных цветообозначений, выделим в них следующие подгруппы:

- **цветообозначение, построенное по модели «уточнение интенсивности окраски + основное цветообозначение + основное цветообозначение»:** *бледно-сери-красный*;

- **цветообозначения, построенные по модели «уточнение интенсивности окраски + неосновное цветообозначение + основное цветообозначение»:** *бледновато-серовато-красный*, *бледновато-синюшно-серый*, *бледно-коричневато-красный*, *бледно-синюшно-фиолетовый*, *темно-синюшно-красный*;

- **цветообозначения, построенные по модели «уточнение интенсивности окраски + основное цветообозначение + неосновное цветообозначение»:** *бледно-красно-коричневый*, *бледно-сери-синюшный*, *светло-желто-коричневый*, *тускло-красно-коричневый*;

- **цветообозначения, построенные по модели «уточнение интенсивности окраски + неосновное цветообозначение + неосновное цветообозначение»:** *бледно-коричневато-синюшный*, *бледно-серовато-красноватый*, *бледно-серовато-розоватый*, *бледно-серовато-синюшный*, *бледно-синюшно-сероватый*, *тускловато-красновато-коричневый*, *тускло-синюшно-багровый*;

- **цветообозначения, построенные по модели «уточнение интенсивности окраски + уточнение интенсивности окраски + неосновное цветообозначение»:** *светло-тускло-коричневый, тускло-светло-красный*;
- **цветообозначения, построенные по модели «основное цветообозначение + неосновное цветообозначение + неосновное цветообозначение»:** *серо-красновато-коричневый, серо-багрово-коричневый*;
- **цветообозначение, построенное по модели «неосновное цветообозначение + основное цветообозначение + неосновное цветообозначение»:** *синюшно-серо-розовый*;
- **цветообозначения, построенные по модели «неосновное цветообозначение + уточнение интенсивности окраски + неосновное цветообозначение»:** *розовато-бледно-синюшный*;
- **цветообозначения, построенные по модели «неосновное цветообозначение + уточнение интенсивности окраски + основное цветообозначение»:** *серовато-темно-красный*.

Отметим также модель, по которой образовано единственное встретившееся нам четырехсоставное цветообозначение: **«уточнение интенсивности окраски + основное цветообозначение + неосновное цветообозначение + неосновное цветообозначение»** (*бледно-желто-буро-коричневый*).

Преобладание оттеночных цветообозначений над абсолютными (23 лексемы и 265 упоминаний против 7 лексем и 140 упоминаний), а также дву-, трех- и даже четырехсоставных над односоставными (174 лексемы и 768 упоминаний против 30 лексем и 405 упоминаний) говорит о необходимости предельно точного и конкретного описания цвета в тексте экспертизы. Об этом же свидетельствует и использование формантов, уточняющих интенсивность окраски, и наличие цветообозначений, отличающихся только порядком формантов и/или наличием оттеночных суффиксов в них (так, например, в одном и том же заключении могут упоминаться *красно-коричневый* и *красновато-коричневый*, *розово-красный* и *красно-розовый*). Основные и оттеночные цветочные прилагательные вкупе с формантами для обозначения интенсивности окраски создают практически безграничное поле для их комбинирования в рамках одного цветообозначения, однако следует отметить и тот факт, что для максимально точной передачи цвета используется лишь определенная часть всего запаса функционирующих в русском языке цветообозначений. В исследованных текстах отсутствуют заимствованные цветообозначения, неологические и архаические, терминологические и индивидуально-авторские, то есть те, которые помогли бы уточнить наименование цвета. Рассмотрим более подробно семантические группы исследуемых цветообозначений.

3. Семантический анализ цветообозначений

С точки зрения семантики цветообозначения можно разделить на две основные группы: прямые наименования, к которым относятся номинации основных цветов спектра, а также их оттенков, и метафорические наименования, образованные в результате переноса с объекта, являющегося носителем данного оттенка цвета. К группе прямых наименований относится подавляющее большинство исследуемых нами цветообозначений: 188 лексем из 204.

Рассмотрим более подробно метафорические наименования, как самостоятельные, так и входящие в качестве формантов в состав двусоставных цветообозначений (они даны в скобках). В исследованном материале мы можем выделить лексические единицы следующих тематических групп:

- названия, производные от наименований ягод и плодов: *вишневый* (*бледно-вишневый, буровато-вишневый, вишнево-синюшный, светло-вишневый, темно-вишневый*), *малиновый* (*темно-малиновый*), *оливковый* (*темно-оливковый*);
- названия, производные от имен веществ природного происхождения: *перламутровый, глинистый* (*глинисто-коричневый*), *ржаво-красный*.

Еще два цветообозначения имеют на первый взгляд метафорическую семантику: *мертвенно-бледный* и *кровянистый*, однако в исследуемых текстах они используются, напротив,

как прямые наименования: цвет кожных покровов мертвого тела и цвет чего-либо, содержащего в составе кровь, поэтому более целесообразно относить их к соответствующей группе цветообозначений.

Отметим, что все представленные метафорические цветообозначения являются давно устоявшимися в языке и апеллируют к объектам, знакомым подавляющему большинству его носителей. Подобный выбор языковых средств, наряду с, как уже упоминалось чуть выше, полным отсутствием каких-либо индивидуально-авторских и стилистически окрашенных цветообозначений, говорит о второй важной прагматической интенции. Помимо **точности** как несомненно важной характеристики текста судебно-медицинского исследования, он должен также обладать **понятностью и однозначностью**, то есть допускать минимум различных толкований. Примечательно, что об этом же, не вдаваясь в сугубо лингвистические и жанровые тонкости, говорят и врачи-судмедэксперты: «закключение эксперта должно быть изложено простым понятным языком» [Авдеев, 1976. С. 64]; «исследовательская часть должна быть изложена языком, понятным для лица, не имеющего специальных познаний в судебной медицине» [Шигеев, 2005. С. 42–43]. Очевидно, что и цветообозначения, составляющие значимую часть текста, при своей точности должны быть однозначными и интуитивно понятными любому носителю языка.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, отметим, что использованные в тексте судебно-медицинского исследования цветообозначения характеризуются двумя основными разнонаправленными прагматическими интенциями: с одной стороны, обусловленностью предметной областью, специфическим референтом и необходимостью как можно точнее передать цвет трупа лексическими средствами русского языка, с другой – необходимостью ограничиваться общеупотребительными лексемами, понятными каждому его носителю. Подобное сочетание коммуникативно-прагматических интенций обуславливает использование преимущественно оттеночных цветообозначений, преобладание дву- и трехсоставных цветообозначений над односоставными, а также доминирование прямых (предметно-логических) номинаций цвета. Что касается метафорических номинаций, то случаи их использования, напротив, достаточно редки и представлены устоявшимися вторичными наименованиями, апеллирующими к тем прототипическим объектам, которые знакомы и понятны большинству носителей языка.

Список литературы

- Абдуллина Л. Р., Артамонова Е. В. Манипулятивный потенциал цветообозначений в креолизованных текстах рекламы декоративной косметики (на материале французского и русского языков) // Научный диалог. 2019. № 2. С. 9–21.
- Барина О. В. К проблеме классификации колоративов в лексикографическом аспекте // Sciences of Europe. 2016. № 3. С. 49–51.
- Авдеев М. И. Судебно-медицинская экспертиза трупа. М.: Медицина, 1976. 440 с.
- Барышева Я. А. Концептуальные особенности метафорической модели «Серый цвет наружный покров тела человека» (на материале русского, английского и немецкого языков) // Вестник Томск. гос. ун-та. 2012. № 359. С. 7–10.
- Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 286 с.
- Брагина А. А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. 1972. № 1. С. 73–104.
- Буромский И. В., Клевню В. А., Пашиян Г. А. Судебно-медицинская экспертиза: Термины и понятия: Словарь для юристов и судебно-медицинских экспертов. М.: Норма, 2006. 256 с.
- Величко А. А. Прагматическая и функциональная специфика цветообозначений в рекламном дискурсе (на материале промотекстов компании Mercedes-Benz) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76). Ч. 2. С. 67–70.

- Дубинина Н. В.** Функционирование лексем-колоративов в русском языке: диахронический аспект // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 100–106.
- Литвинов А. В., Витер В. И., Вавилов А. Ю.** О необходимости цифровой стандартизации оценки цвета в практике судебно-медицинских экспертиз // Проблемы экспертизы в медицине. 2013. № 3 (51). С. 33–36.
- Крамкова О. В.** Принципы лексикографического описания колоризмов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 568–571.
- Макеев И. В.** Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 258 с.
- Мансков А. А.** Некто в сером Л. Андреева и «Некто» С. Кржижановского: особенности поэтики писателей // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 115–125.
- Масевич А. Ц., Захаров В. П.** Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 21–48. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-1-21-48
- Масолова Е. А.** Семантика колоративов в повествовании Л. Толстого («Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Дьявол») // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15, № 1. С. 55–67.
- Мукабенова Ж. А.** Цветообозначения рекламных текстов в аспекте лингвосемиотики / Изв. Юго-Западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика. 2016. № 2 (19). С. 45–50.
- Никитина И. А., Флигинских Е. Е.** Лингвоцветовая идиоматическая картина мира русского языка // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 2 (17). С. 111–113.
- Сапига Е. В., Репина М. В., Жукова С. В.** Цветообозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 2. Ч. 2. С. 192–195.
- Суздальцева В. Н.** Символика цвета и функционирование цветообозначений в массмедийном политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 1. С. 80–95.
- Сун Чуньчунь** Прагматика цветообозначений в рекламе автомобилей. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 2. С. 71–73.
- Сун Чуньчунь, Чарыкова О. Н.** Система колоративов в рекламных каталогах декоративной косметики // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 30–32.
- Томилин В. В., Пашинян А. Г.** Руководство по судебной медицине. М.: Медицина, 2001. 576 с.
- Фрумкина Р. М.** Психоллингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.
- Хамидова А. Р.** Семантический аспект изучения цветообозначений в русском языке // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. № 11. С. 320–327.
- Шигеев С. В.** Наставления к судебно-медицинскому исследованию трупов: для студентов, интернов и ординаторов: Учеб.-метод. пособие. М., 2005. 56 с.
- Berlin B., Kay P.** Basic color terms. Los Angeles: Univ. of California Press, 1969, 178 p. (Russian Edition).
- Davies I., Corbett, G.** The basic color terms of Russian. *Linguistics*, 1994, no. 32, p. 65–90.

References

- Abdullina, L. R., Artamonova, E. V.** Manipulative Potential of Colour Names in Creolized Texts of Decorative Cosmetics Advertising (by Material of French and Russian Languages). *Scientific Dialogue*, 2019, no. 2, p. 9–21. (in Russ.)

- Barinova, O. V.** On the problem of the colour terms classification in lexicographic aspect. *Sciences of Europe*, 2016, no. 3, p. 49–51. (in Russ.)
- Avdeev, M. I.** Forensic medical examination of a deadbody. Moscow, Medicine, 1976, 440 p. (in Russ.)
- Bakhilina, N. B.** History of color naming in Russian. Moscow, Nauka, 1975, 286 p. (in Russ.)
- Barysheva, Ya. A.** Conceptual peculiarities of metaphorical model “grey colour external cover of body of person” (based on Russian, English and German languages). *Tomsk State University Journal*, 2012, no. 359, p. 7–10. (in Russ.)
- Berlin B., Kay, P.** Basic color terms. Los Angeles: Univ. of California Press, 1969, 178 p. (Russian Edition)
- Bragina, A. A.** “Color” definitions and formation of new word meanings and phrases. *Lexicology and lexicography*, 1972, no. 1, p. 73–104. (in Russ.)
- Buromsky, I. V., Klevno, V. A., Pashinyan, G. A.** Forensic medical examination. Terms and concepts. Moscow, Norma Publ., 2006. 256 p. (in Russ.)
- Davies I., Corbett, G.** The basic color terms of Russian. *Linguistics*, 1994, no. 32, p. 65–90.
- Dubinina, N. V.** Functioning of Lexeme-Coloratives in Russian: a Diachronic Aspect. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2018, no. 3, p. 100–106. (in Russ.)
- Frumkina, R. M.** Psycholinguistics. Moscow, Akademiya, 2001. 320 p. (in Russ.)
- Litvinov, A. V., Viter, V. I., Vavilov, A. Yu.** About necessity of digital standardization of the estimation of colour for practice of forensic medical examinations. *Medical examination problems*, 2013, no. 3 (51), p. 33–36. (in Russ.)
- Khamidova, A. R.** The Semantic Aspect of Research of Color Terms in Russian Language. *South Ural State Humanitarian Pedagogical University bulletin*, 2012, no. 11, p. 320–32 (in Russ.)
- Kramkova, O. V.** The principles of lexicographic description of the words with the meaning of colour. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2010, no. 4-2, p. 568–571. (in Russ.)
- Makeenko, I. V.** Semantics of color in different structural languages: universal and national. Cand. Philol. Sci. Diss. Saratov, 1999, 258 p. (in Russ.)
- Manskov, A. A.** Somebody in Grey by L. Andreev and “Somebody” by S. Krzhizhanovsky: peculiarities of writers’ debate. *Siberian Journal of Philology*, 2019, no. 1, p. 115–125. (in Russ.)
- Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P.** Frequency Behavior of Color Adjectives in Russian Poetic Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 21–48. (in Russ.). DOI 10.25205/ 1818-7935-2019-17-1-21-48
- Masolova, E. A.** The semantics of coloratives in Tolstoy’s narratives (“The death of Ivan Ilyich”, “The Kreutzer Sonata”, “The Devil”). *The problems of historical poetics*, 2017, vol. 15, no. 1, p. 55–67. (in Russ.)
- Mukabenova, Jh. A.** Color terms of advertising texts in the aspect of lingvosemiotics. *Proceedings of the Southwest State University Series: Linguistics and Pedagogics*, 2016, no. 2 (19), p. 45–50. (in Russ.)
- Nikitina, I. A., Fliginskikh, E. E.** Linguistic analysis of colour world-building in Russian idioms. *Vestnik of the Mari State University*, 2015, no. 2 (17), p. 111–113. (in Russ.)
- Sapiga, E. V., Repina, M. V., Zhukova, S. V.** Colour terms in modern linguistics: semantic and semiotic aspects. *Historical and Social Educational Idea*, 2016, vol. 8, no. 2, part II, p. 192–195. (in Russ.)
- Shigeev, S. V.** Manuals to forensic medical investigation of bodies: for students, interns and residents. Moscow, 2005, 56 p. (in Russ.)
- Song Chunchun,** Pragmatics of color identifications in advertising cars. *Vestnik of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2016, no. 2, p. 71–73. (in Russ.)
- Song Chunchun, Charykova, O. N.** Colour terms in advertisement catalogues of cosmetics. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2016, no. 3, p. 30–32. (in Russ.)

- Suzdaltseva, V. N.** Symbolics of colors and functioning of color designation in mass media political discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 2014, no. 1 (10), p. 80–95. (in Russ.)
- Tomilin, V. V., Pashinjan, G. A.** Guide to forensic medicine. Moscow, Medicine, 2001, 576 p. (in Russ.)
- Velichko, A. A.** Pragmatic and functional peculiarities of colour terms in advertising discourse (by the material of promo-texts by Mercedes-Benz company). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 10 (76), part II, p. 67–70. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
25.05.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Владимирова Софья Борисовна, аспирант Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Томск, Россия); ассистент кафедры русского языка и специальных дисциплин для иностранных граждан Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия)

Sofya B. Vladimirova, PhD student, Division for Russian Language School of Core Engineering Education National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); assistant of Department of Russian Language and Special Disciplines for International Students Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation)

sophie77@mail.ru

ORCID 0000-0002-9932-3293

Способы выражения эмоции РАДОСТЬ в русском рекламном тексте

Янь Кай¹, Цзян Юйсюань²

¹ Университет имени Сунь Ятсена
Гуанчжоу, Китайская народная республика

² Городской университет Гонконга
Гонконг, Китайская народная республика

Аннотация

Статья посвящена анализу способов передачи эмоции РАДОСТЬ в современных русских рекламных текстах. Цель статьи – выявить основные способы передачи эмоции РАДОСТЬ и их культурно-национальные особенности в собранных русских рекламных текстах. Для достижения поставленной цели нами были сформулированы следующие конкретные задачи: 1) построить лексико-семантическое поле лексемы *радость* в русском языке; 2) смоделировать ассоциативное поле лексемы *радость* в русском языковом сознании; 3) выявить основные способы передачи эмоции РАДОСТЬ в проанализированных рекламных текстах.

Материалом анализа послужили: 1) словари русского языка (толковые, ассоциативные, синонимические); 2) русские рекламные тексты (всего 100 рекламных контекстов). Отметим, что проанализированные рекламные тексты с эмотивным содержанием 'радость' были отобраны за период с ноября 2019 по февраль 2020 гг. носителями русского языка. Подчеркнем, что для создания лексико-семантического поля лексемы *радость* были установлены значения данной лексемы, представленные в таких словарях русского языка, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Русский семантический словарь», «Краткий психолого-филологический словарь», «Большой словарь русских синонимов», «Словарь русских синонимов», «Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений» и т. д. Были произведены подсчеты различных значений лексемы *радость* в толковых словарях русского языка, а также установлено количество синонимов этой лексемы. Для моделирования ассоциативного поля лексемы в русском языковом сознании использовался Русский ассоциативный словарь (далее РАС). На основе проведенного анализа были отобраны 100 рекламных контекстов и подробно описаны элементы изображений, связанные с эмоцией РАДОСТЬ (выражения лиц, действия персонажей, цветовая гамма изображений). В работе использовались описательный и статистический методы, а также методы семантического анализа и лингвокультурологической интерпретации.

Новизна статьи состоит в том, что в ней впервые: 1) построено лексико-семантическое поле лексемы *радость* по данным словарей русского языка; 2) смоделировано ассоциативное поле лексемы *радость* в русском языковом сознании по данным РАС; 3) выявлены основные способы передачи эмоции РАДОСТЬ в выбранных русских рекламных текстах; 4) показаны культурные особенности передачи эмоции РАДОСТЬ в выбранных русских рекламных текстах. Все полученные в ходе анализа результаты, на наш взгляд, актуальны для развития лингвистики текста и лингвокультурологии. Мы надеемся, что данная работа предоставит возможность глубже познакомиться с культурными особенностями передачи эмоции РАДОСТЬ в системе русской лингвокультуры и поспособствует установлению межкультурной коммуникации и взаимопонимания между носителями русского и китайского языков.

Ключевые слова

текст, рекламный текст, лексико-семантическое поле, ассоциативное поле, эмоция, радость.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта «Лингвокультурология: образование, состояние и перспектива» (19wкpy26) Университета имени Сунь Ятсена. 本文系2019年度中山大学青年教师培育项目“(俄罗斯) 语言文化研究: 形成、现状与发展 (19wкpy26)”研究成果。

Для цитирования

Янь Кай, Цзян Юйсюань. Способы выражения эмоции РАДОСТЬ в русском рекламном тексте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 69–84. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-69-84

Ways of Expressing РАДОСТЬ (Happiness / Joy) in Russian Advertising Text

Yan Kai¹, Jiang Yuxuan²

¹ Sun Yat-sen University
Guangzhou, The People's Republic of China

² City University of Hongkong
Hongkong, The People's Republic of China

Abstract

The article analyzes the ways of expressing the emotion of РАДОСТЬ (HAPPINESS / JOY) in modern Russian advertising texts. The purpose of the article is to identify the main ways of conveying the emotions and emotional states of РАДОСТЬ (HAPPINESS / JOY) and their cultural specificity in the selected Russian advertising texts. To achieve this goal we have formulated the following objectives: 1) To build a lexical and semantic field of the lexeme РАДОСТЬ ("happiness" / "joy") in Russian; 2) to build an associative field of the lexeme РАДОСТЬ ("happiness" / "joy") in the Russian language speakers' consciousness; 3) to identify the main ways of conveying РАДОСТЬ (HAPPINESS / JOY) in the analyzed advertising texts.

The sources of materials are: 1) Russian explanatory dictionaries, Russian associative thesauri, and dictionaries of Russian synonyms; 2) a selection of 100 Russian advertising items made by native Russian speakers dating from 11.2019 to 02.2020. In order to create a lexical and semantic field of the lexeme "радость" (happiness / joy), a number of Russian language dictionaries have been used, for example: the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V. I. Dahl, "Explanatory dictionary of Russian language" edited by D. N. Ushakov, "Dictionary of Russian language" by S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova, etc. Then we checked on the semantic structure of the lexeme "радость" (happiness / joy) in explanatory monolingual dictionaries of the Russian language as well as in the Dictionary of Synonyms. The Russian associative thesaurus (hereinafter RACES?) was used to build an associative field of the lexeme "радость" (happiness / joy) in the Russian language speakers' consciousness. Based on the analysis, 100 advertising contexts were selected and described with regard to the images conveying the emotion and emotional states of "РАДОСТЬ" (HAPPINESS / JOY), such as facial expression, people's behaviour, the colour of images). We used descriptive and statistical methods, as well as the methods of semantic analysis and linguo-cultural interpretation.

The novelty of the research is that it is by far the first to attempt: 1) To build a semantic field of the lexeme "радость" (happiness / joy) based on the lexicographic analysis; 2) to build an associative field of the given lexeme in the Russian language speakers' consciousness based on the RACES; 3) to identify the main ways of conveying the emotion РАДОСТЬ (HAPPINESS / JOY) in selected Russian advertising texts; 4) to show cultural specificity of the manifestation of the emotion РАДОСТЬ (HAPPINESS / JOY) in the selected Russian advertising texts. In our opinion, the results obtained during the analysis are relevant to the development of text linguistics and linguoculturology. We hope this work will reveal cultural specificity of the emotion РАДОСТЬ (HAPPINESS / JOY) in Russian linguo-culture, and will contribute to efficient intercultural communication between the speakers of Russian and Chinese languages.

Keywords

text, advertising text, lexical and semantic field, associative field, emotion "радость", happiness / joy

Acknowledgements

The work was supported by the Sun Yat-sen University, China, under Grant № 19wkpy26 "Cultural linguistics: education, status, and prospects"

For citation

Yan Kai, Jiang Yuxuan. Ways of expressing РАДОСТЬ (Happiness / Joy) in Russian Advertising Text. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 69–84. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-69-84

Введение

Актуальность статьи обусловливается интересом к изучению взаимосвязи языка, культуры и национальной личности (в терминологии В. В. Воробьёва), что делает приоритетным исследование человека говорящего как носителя того или иного языка и представителя определенной культуры, лингвокультуры и языкового сознания.

Проблеме изучения рекламного текста уделяют внимание представители целого ряда гуманитарных наук: семиотики, культурологии, истории, социологии и лингвистики. Исследо-

вание указанной проблемы в лингвистике чаще всего проводится в рамках теории текста называемой также лингвистикой текста (см. работы М. Г. Безяевой, В. П. Белянина, М. В. Всеволоодовой, И. Р. Гальперина, О. В. Дедовой, Т. М. Дридзе, М. В. Дымарского, Н. И. Жинкина, А. А. Залевской, И. А. Зимней, Г. А. Золотовой, В. В. Красных, Е. С. Кубряковой, А. А. Леонтьева, Ю. М. Лотмана, А. Р. Лурия, А. И. Новикова, Л. А. Новикова, А. Ф. Папиной, В. А. Пищальниковой, Т. Е. Помыкаловой, О. Г. Ревзиной, К. Ф. Седова, М. Ю. Сидоровой, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, З. Я. Тураевой, А. П. Чудинова и др.).

1. Теоретическая часть

1.1. Понятие «текст»

С общелингвистической точки зрения И. Р. Гальперин определяет текст довольно узко, скриптоцентрически: как «единое, завершенное, литературно обработанное, письменно зафиксированное произведение, отвечающее целому ряду формальных и содержательных требований, обладающее определенной целенаправленностью и прагматической установкой» [Гальперин, 2007. С. 18]. М. В. Всеволоодова при этом отмечает, что текст (неважно, письменный он или устный) всегда отражает еще и определенные ментальные характеристики носителей данного языка и культуры [Всеволоодова, 2017. С. 467]. М. Я. Дымарский понимает текст как «особую, развернутую вербальную форму осуществления речемыслительного произведения» [Дымарский, 2001. С. 6].

Известно, что информация о мире, отражающаяся в тексте (в том числе и рекламном), передается с помощью семиотических систем. В данном случае слово *информация*, согласно мнению И. Р. Гальперина, употребляется в двух значениях: 1) в бытовом значении оно понимается как всякое сообщение, оформленное в виде словосочетания номинативного характера; 2) в качестве термина данное слово используется в работах по теории коммуникации и предполагает получение новых сведений о предметах, явлениях, отношениях, событиях объективной действительности [Гальперин, 2007. С. 26]. Также И. Р. Гальперин предложил при анализе разных видов текста различать информацию содержательно-фактуального, концептуального и подтекстового планов; при этом информация подтекстового плана, будучи скрытой, извлекается из содержательно-фактуальной благодаря «способности предложения внутри сверхфразового единства приращивать смыслы» [Там же. С. 28].

1.2. Эволюция семиотики «рекламного текста»

Подчеркнем, что рекламный текст является особым видом текста, совершенно не похожим на тексты другой стилевой принадлежности (художественные, публицистические, официально-деловые, научные и разговорные) [Клочко, 2017. С. 6]. Рекламный текст рассматривается не только в лингвистическом плане, как единица коммуникации, но и как сложное полимодальное семиотическое целое, представляющее собой последовательность знаковых единиц различной природы, выражающихся посредством структурных элементов (слоган, заголовок, основной текст, эхо-фраза, реквизиты фирмы, шрифт, цвет и другие графические элементы, иллюстрации, название компании, логотип) [Куликова, 2008. С. 202]. Из перечисления элементов видно, что современный рекламный текст представляет собой комплексное образование, которое может включать невербальные элементы, формируя поликодовый гетеросемиотический текст [Клочко, 2017. С. 16].

Подчеркнем, что поликодовый текст широко распространен в современной рекламе. Согласно мнению А. Г. Сониной, поликодовыми называются «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 2005. С. 117]. М. Б. Ворошилова, со своей стороны, выделяет три основные модели дискурсивной организации поликодовых знаков в рекламных текстах:

1) наглядное изображение, основанное на прямой денотативной соотнесенности элементов, когда знаки обоих кодов обозначают одни и те же предметы либо предметные ситуации;

2) корреляция, или опосредованная денотативная соотнесенность, когда знаки обоих кодов обозначают разные предметы и предметные ситуации, которые взаимодействуют между собой двояко: тематически или ассоциативно;

3) ассоциативная смежность, когда в рекламном тексте вербальные и невербальные средства дополняют друг друга, тем самым создавая более яркий, более запоминающийся образ (цит. по: [Клочко, 2017. С. 12]).

2. Практическая часть

2.1. Лексико-семантическое поле лексемы *радость* в русском языке

Опираясь на вышесказанное, мы предприняли попытку анализа способов передачи эмоции РАДОСТЬ в русском рекламном тексте. Анализ включает в себя *три* части: 1) построение лексико-семантического поля лексемы *радость* в русском языке; 2) построение ассоциативного поля лексемы *радость* в русском языковом сознании; 3) выявление основных способов передачи эмоции РАДОСТЬ в исследуемых русских рекламных текстах.

Эмоция РАДОСТЬ связана с разнообразными чувствами и психической деятельностью человека. Неслучайно с началом цифровой эпохи коммуникации она сразу получила свои эмотиконы, базирующиеся на улыбке (ср. [Подело, 2016]). Однако понятие «радость», выражаемое большим рядом лексем, по мнению Ю. С. Степанова, «остаётся плохо описанным в русской и мировой культуре» (цит. по: [Дьячкова, 2007. С. 5]). Лексико-семантическое поле характеризуется рядом системных признаков как в синхронном (семантическая соотносительность лексем, «делящих» поле между собой, наличие гипонимов и гиперонимов), так и в генетическо-диахроническом плане (определённый набор неоднократно реализованных мотивационных моделей, повторяемость словообразовательных моделей, производящих этимологических гнезд, порождающих лексику поля) [Эгамназаров, 2018. С. 185]. Для построения лексико-семантического поля лексемы *радость* нами были проанализированы следующие словари русского языка (табл. 1).

С опорой на концепцию Л. О. Чернейко¹ (см. также [Чернейко, 2005]) на основе словарных семантизаций лексемы *радость* было выявлено ее инвариантное толкование². По данным лексикографических источников можно определить следующее инвариантное значение лексемы *радость*: 1) 'веселое чувство, ощущение внутреннего удовлетворения'. 2) 'то, что (тот, кто) вызывает такое чувство'. Лексико-семантическое поле лексемы *радость* было выделено по нескольким словарям синонимов русского языка.

Например, в БССРЯ [ЭР: Большой словарь синонимов русского языка] выделяются следующие синонимы лексемы *радость*: *беспечалие, веселость, веселье, восторг, жизнерадостность, забава, кайф, ликование, отрада, потеха, праздник, праздничное настроение, просвет, радование, радостность, развлечение, торжество, увеселение, удовольствие, улет, упоение, услада, утеха, утешение, чувство большого удовольствия, эйфория, экстаз, юху*. В СРС [ЭР: Словарь русских синонимов] приводится следующий синонимический ряд лексемы *радость*: *удовольствие, восторг, праздник, торжество, развлечение, веселье, забава, кайф, просвет, веселость, потеха, ликование, упоение, утеха, эйфория, отрада, увеселение, жизнерадостность, услада, радостность, беспечалие, праздничное настроение*. В Словаре синонимов и сходных по смыслу выражений Абрамова [ЭР: Словарь синонимов русского языка Абрамова] оставлено лишь два «бесспорных» синонима лексемы *радость*: *веселье, восторг*. Таким образом, по данным этих словарей синонимов русского языка к числу повторяющихся (инвариантных) относятся только два синонима лексемы *радость*: *веселье* и *восторг*.

¹ Чернейко Л. О. Когнитивная семантика (слово в языке и речи). URL: <http://www.philol.msu.ru/data/magistracy/fr/16.pdf> (дата обращения: 28.03.2018).

² Согласно Л. О. Чернейко, метод лексикографического семантического инварианта – это анализ дефиниций базовых словарей на предмет установления повторяющихся и уникальных сем [Там же].

Таблица 1

Значения слова *радость* в словарях русского языка

Table 1

The meanings of the word *радость* (*happiness / joy*) in Russian dictionaries

№	Словарь русского языка	Значение слова <i>радость</i>
1	Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля	1. внутреннее чувство удовольствия, приятное, возникающее в результате желанного случая
2	Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова	1. чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселое настроение; 2. событие, предмет, возбуждающие такое чувство; 3. (разг.) употр. при обращении в знач. 'милый, любимый'
3	Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой	1. веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения; 2. то, что (тот, кто) вызывает такое чувство; 3. радостное, счастливое событие, обстоятельство
4	Русский семантический словарь Н. Ю. Шведовой	1. веселое, счастливое чувство, ощущение полного удовлетворения; 2. тот или то, кто (что) вызывает чувство радости, счастья, удовлетворения; 3. нежное обращение к ребенку, к любимому человеку, а также (в непринужденной речи) снисходительное и фамильярное обращение к собеседнику; вообще ласковое или ироническое упоминание о ком-н. (прост.); 4. радостное, счастливое событие, обстоятельство
5	Краткий психолого-филологический словарь	1. наслаждение, внутреннее чувство удовольствия вследствие желанного случая; 2. возможное проявление – смех, покраснение лица, прыгание, сжатие поднятых вверх рук, жест «на большой палец», громкость голоса

С опорой на указанные выше результаты нами было смоделировано лексико-семантическое поле лексемы *радость* в русском языке (рис. 1) с выделением в нем ядра, центра и периферии.

В ядро указанного поля входят слова *веселье, восторг*; центр поля формируется лексемами *удовлетворение* и *удовольствие*; на периферии оказываются слова *беспечалие, праздник, забава, торжество, ликование, просвет, утеха, жизнерадостность, развлечение, улада, упоение, эйфория, отрада, потеха, веселость* и т. д. Данное лексико-семантическое поле помогает лучше понять значение лексемы *радость*, которое сходно со значением слов *веселье, восторг, удовлетворение* и *удовольствие*, а также проанализировать рекламные тексты, содержащие рассматриваемые лексемы.

2.2. Ассоциативное поле лексемы *радость* в русском языковом сознании

Данные классических лексикографических источников, которые, описывая семантику слов, далеко не всегда отражают состояние языкового сознания коммуникантов, требуется, однако, дополнить информацией об ассоциациях, свойственных этой единице. Действительно, ассоциативное поле максимально приближается к отражению некоторых мыслительных структур (имеющих, возможно, статистический характер) (ср. [Караулов, 1994. С. 17]). Более того, ассоциативное поле слова, утверждает В. А. Долинский, раскрывает все многообразие

его смысловых возможностей, что, заметим, имеет большое значение при исследовании эффекта рекламных текстов с их установкой воздействовать на психику реципиента. «То, что принято называть значением, – пишет он, – слово имеет не само по себе, не в силу социальной конвенции, а только в силу того, что оно возбуждает спонтанные психические образы у носителей языка» [2012. С. 105].

Для построения ассоциативного поля лексемы *радость* в русском языковом сознании были привлечены реакции на стимул *радость* из Русского ассоциативного словаря [ЭР, РАС] (табл. 2).

Рис. 1. Лексико-семантическое поле лексемы *радость* в русском языке

Fig. 1. Lexico-semantic field of the lexeme *радость* (happiness / joy) in the Russian language

Таблица 2

Реакции на стимул *радость* в русском языковом сознании

Table 2

Responses to the stimulus *радость* (happiness / joy)
in the Russian language speakers' consciousness

№	Реакции Responses	Частота Number of occurrences	Частотность ipm
1.	большая	8	0,08
2.	горе	5	0,05
3.	счастье	5	0,05
4.	встречи	3	0,03
5.	моя	3	0,03

Продолжение табл. 2

№	Реакции Responses	Частота Number of occurrences	Частотность ipm
6.	улыбка	3	0,03
7.	веселье	2	0,02
8.	гадость	2	0,02
9.	грусть	2	0,02
10.	жизни	2	0,02
11.	нежданная	2	0,02
12.	нечаянная	2	0,02
13.	победы	2	0,02
14.	—	1	0,01
15.	без конца и края	1	0,01
16.	бурная	1	0,01
17.	бытия	1	0,01
18.	в дом	1	0,01
19.	в доме	1	0,01
20.	в радость	1	0,01
21.	великая	1	0,01
22.	вместе	1	0,01
23.	внезапная	1	0,01
24.	восторг	1	0,01
25.	всем	1	0,01
26.	горечь	1	0,01
27.	горесть	1	0,01
28.	день рождения	1	0,01
29.	дикая	1	0,01
30.	женщины	1	0,01
31.	жизнь	1	0,01
32.	затаенная	1	0,01
33.	звонок	1	0,01
34.	иметь	1	0,01
35.	любви	1	0,01
36.	людям	1	0,01
37.	магазин	1	0,01
38.	мимолетная	1	0,01
39.	на свете жить	1	0,01
40.	напрасно	1	0,01
41.	небывалая	1	0,01
42.	недолго	1	0,01
43.	неожиданная	1	0,01
44.	неописуемая	1	0,01
45.	общения	1	0,01
46.	огромная	1	0,01
47.	одиночество	1	0,01
48.	от сердца	1	0,01
49.	по поводу	1	0,01

Окончание табл. 2

№	Реакции Responses	Частота Number of occurrences	Частотность ipm
50.	познания	1	0,01
51.	покупка	1	0,01
52.	прекрасно	1	0,01
53.	принести	1	0,01
54.	приносить	1	0,01
55.	пришла в дом	1	0,01
56.	приятно	1	0,01
57.	прыгать	1	0,01
58.	свет	1	0,01
59.	светлая	1	0,01
60.	светло	1	0,01
61.	секса	1	0,01
62.	сессия	1	0,01
63.	слезы	1	0,01
64.	смех	1	0,01
65.	стол	1	0,01
66.	тихая	1	0,01
67.	тоска	1	0,01
68.	ты моя	1	0,01
69.	у меня	1	0,01
70.	удача	1	0,01
71.	удовольствие	1	0,01
72.	ура	1	0,01
73.	хорошо	1	0,01
74.	чувство	1	0,01
75.	чужая	1	0,01

Проанализировав данные реакции, можно построить ассоциативное поле лексемы *радость* в русском языковом сознании, которое представим в виде следующей иерархической структуры (см. схему 2).

Так, в ядро указанного поля входит слово *большая*; центр поля формируется лексемами *счастье, встречи, гадость, грусть, неожиданная, победы, нечаянная, жизни, улыбка, веселье, моя и горе*; на периферии оказываются слова *без конца и края, бурная, бытия, в дом, в доме, великая, в радость, день рождения, горесть, всем, восторг, внезапная, вместе* и др.

Данное ассоциативное поле помогает выяснить, какие слова или словосочетания, с точки зрения носителей русского языка, тесно связаны с лексемой *радость*. Их список резко отличается от данных толковых и синонимических словарей и включает в свой состав очень ограниченное число синонимов и вместе с тем очень большое число ассоциатов, связанных не с семантикой слова, а с контекстами и закономерностями его фактического употребления, с чувственными реакциями людей на него. Эта информация будет полезна в последующем анализе элементов рекламного текста, вызывающих у русскоговорящих эмоцию РАДОСТЬ.

Рис. 2. Ассоциативное поле лексемы *радость* в русском языковом сознанииFig. 2. The associative field of the lexeme *радость* (*happiness / joy*) in the Russian language speakers' consciousness

2.3. Способы выражения эмоции РАДОСТЬ в русском рекламном тексте

С опорой на результаты анализа лексико-семантического и ассоциативного полей лексемы *радость* в русском языке нами были отобраны рекламные тексты, в которых содержится эмотивный смысл 'радость'. Отметим, что все рекламные тексты, представленные в настоящей работе, были собраны носителями русского языка с декабря 2019 г. по февраль 2020 г. (всего 100 контекстов). Собранные примеры были распределены на группы в зависимости от способов передачи эмоции РАДОСТЬ.

Первый способ: эмоция РАДОСТЬ передается через ассоциативную связь с чувством счастья. В центре ассоциативного поля лексемы *радость* в русском языке находится образ счастья. По мнению А. Д. Ириоловой, словосочетание *счастливая любовь* – одно из наиболее часто встречающихся выражений в русском языке [Ириолова, 2012. С. 3]. Представления русских людей о счастье тесно связано с их представлениями о любви. Именно поэтому в качестве материала для анализа были выбраны рекламные тексты, тесно связанные в русскоязычном сознании с понятием «любовь».

На рис. 3, 1 мы видим теплую семейную картину: отец и сын удобно лежат на животе и выглядят вполне довольными. Обращение к образу семьи закономерно. В русской культуре давно бытует мнение, что «семья – первый, естественный, священный союз, строящийся на любви, вере, надежде и свободе» (цит. по: [Сороколетов, 2015. С. 186]). Поэтому гармоничные семейные отношения, показанные на рисунке, вызывают у нас представления о любви и счастье и вместе с тем пробуждают эмоцию РАДОСТЬ. Неслучайно рекламный лозунг, ас-

социативно перекликающийся со строкой из стихотворения В. В. Маяковского «Что такое хорошо, а что такое плохо?», гласит: «Вместе с папой хорошо!».

На рис. 3, 2 и 3 изображена русская деревенская бабушка, что видно по ее одежде, которая очень сильно отличает ее от русской городской образованной бабушки. Но бабушка – и деревенская, и городская – в сердцах русских обычно добрая и приветливая, она всегда дарит детям любовь, заботу и ощущение счастья.

Согласно В. В. Семёновой, изучавшей образ бабушки = мамы, понятие «русская бабушка» утвердилось в социологии, где этот термин используется для характеристики пожилых женщин, самоотверженно заботящихся о своих внуках. Русские бабушки не только проводят значительную часть свободного времени с внуками, но и очень много разговаривают с ними. Именно последнее обстоятельство оказывает на детей огромное воспитательное воздействие (цит. по: [Сорокин, 2014. С. 78]). Феномен русской бабушки – это очередное свидетельство уникальности российских женщин, для которых собственное счастье неотделимо от счастья и благополучия их близких [Сорокин, 2014. С. 80]. Все бабушки, будь они «простые деревенские» (рис. 3, 2–4) или «образованные» (рис. 3, 5) улыбаются и выглядят очень добрыми, что напоминает каждому русскому человеку о его бабушке и счастливом детстве и вызывает эмоцию РАДОСТЬ, которая переносится и на продукт.

На рис. 6 влюбленные копируют положение героев в одном из ключевых эпизодов кинофильма «Титаник»: они смотрят друг на друга нежно, с любовью в глазах. Все на данном изображении свидетельствует о романтической любви, тесно связанной с чувством счастья и обуславливающей эмоцию РАДОСТЬ.

Рис. 3. Примеры рекламы:
эмоция РАДОСТЬ передается через ассоциативную связь с чувством счастья

Второй способ: эмоция РАДОСТЬ передается с помощью улыбки. В центре ассоциативного поля лексемы *радость* в русском языке находится слово *улыбка*. В прагматической ситуации улыбки наблюдается «эмоционально-экспрессивная тактика выражения радости, счастья» [Чыпсымаа, 2017. С. 123]. На наш взгляд, в русской культуре улыбка является самым прямым способом выразить эмоцию РАДОСТЬ, поскольку она почти всегда естественная,

непритворная, а не искусственная, называемая в психологии социальной, контактоустанавливающей (о видах улыбки см., в частности, [Поделко, 2016. С. 83–84]).

На рис. 4, 1 девушки улыбаются, держа суши палочками для еды; на рис. 4, 2 улыбается ребенок, изображенный на пачке с соком; на рис. 4, 3 мальчик улыбается, держа в руках кусок хлеба. Все эти улыбки можно квалифицировать как выражение радости от потребления представленных продуктов питания. Соответственно, публика может заразиться этой эмоцией и заинтересоваться данной продукцией.

На рис. 4, 4–6 главными действующими лицами являются улыбающиеся кот или кошка. Различие между ними в русской этнокультуре довольно значительно, что подробно показано, например, в сопоставлении с литературными образами английских cats [Фефелов, Фёдорова, 2014. С. 132]. Авторы выяснили, что в русской культуре наиболее существенными характеристиками **кошки** являются: 1) умение ловить мышей, 2) особая живучесть, 3) функция материнства, 4) плохие отношения с собакой, 5) любовь к еде, 6) блудливость. У **кота** в русской культуре выделяются несколько иные признаки: 1) любовь к вкусной еде, 2) умение охотиться на мышей, 3) привязанность к любимому месту в доме, то есть к теплой печи. Такой, заметим, «... не очень-то любит гулять сам по себе» [Там же. С. 133]. В нем, помимо улыбок, важен обобщенный образ кошки в русской культуре; она важнее, чем кот! Но в рекламном тексте это различие, на наш взгляд, не эксплуатируется.

Согласно старинным преданиям, кошки тесно связаны с духами предков, могут видеть их и общаться с ними; не случайно местами, где это домашнее животное любило находиться, были печь и порог, символизирующие в традиционной русской культуре точки пересечения мира людей и потустороннего мира. Кошка всегда выступала в качестве хранителя семьи, дома, отгоняла зло и напасти [Киселева, 2017. С. 108]. Поэтому, видя кошек (на рис. 4, 5 одежда указывает скорее на кота, но это не так важно), большинство русских испытывают положительные эмоции, в том числе радость. Таким образом, изображение кошки, дополненное улыбкой, передает эмоцию РАДОСТЬ.

Рис. 4. Примеры рекламы: эмоция РАДОСТЬ передается с помощью улыбки

Третий способ: эмоция РАДОСТЬ передается через цветовую палитру. На 85 рекламных изображениях из 100 отобранных используются в качестве основных яркие цвета, например, красный, желтый и зеленый. Цветовое выражение тесно связано с психологическим состоянием индивидуума. Каждый из цветовых оттенков оказывает определенное бессознательное воздействие на человека, влияет на наш эмоциональный настрой и управляет организмом [Панина, Сычева, 2016. С. 566]. Яркие оттенки, как правило, светлее, менее «серьезны» и «моложе», чем другие цвета [Шумакова, 2019. С. 183]. В сознании носителей русского языка красный цвет может ассоциироваться с огнем и кровью, но чаще олицетворяет радость, красоту, любовь и полноту жизни. Зеленый – традиционно цвет жизни, природы, гармонии. Он символизирует безграничную энергию, устойчивость, упорство, благородство характера,

правдивость и объективность. Желтый цвет – радостный и яркий, он олицетворяет тепло и непринужденность, а также интеллект, гибкость ума и терпимость к окружающим [Панина, Сычева, 2016. С. 566].

Основной цвет рис. 5, 1 и 2 – красный, он дарит чувство тепла и радости, ассоциируется с красотой и любовью. На рис. 5, 3 и 4 преобладает зеленый: создается ощущение свежести, комфорта, естественности, что согласуется с идеей натуральности, безвредности и полезности рекламируемых продуктов. Основной цвет рисунков 5 и 6 – желтый, он дарит нам чувство тепла и радости.

Рис. 5. Примеры рекламы: эмоция РАДОСТЬ передается через цветовую палитру

Четвертый способ: эмоция РАДОСТЬ передается через ассоциации с праздниками, например, с Новым годом. Новый год воспринимается носителями русского языка как наиболее важный праздник, который «был всегда»³; у многих он пробуждает воспоминания о детстве, связан с чем-то волшебным, необычным, чудесным. Кроме того, этот праздник не политизирован, не связан ни с какими историческими событиями и дарит надежду на лучшее [Лашевская, 2015. С. 77].

Семантика слова *радость* в словарях русского языка, проанализированных выше, может определяться очень широко: *радость* – ‘то, что (тот, кто) вызывает такое чувство’. В сознании большинства носителей русского языка Новый год является событием, вызывающим эмоцию РАДОСТЬ.

На рис. 6, 1 девушка одета в красный шарф и держит маленький шарик, которым украшают елку; на рис. 6, 2 главный герой – Дед Мороз в традиционной одежде красного цвета, а за ним изображена новогодняя елка; на рис. 6, 3 Дед Мороз готов принести подарки детям. Добрый дедушка с длинной бородой и мешком, полным подарков, – это главный символ Нового года. У Деда Мороза есть своя резиденция в Великом Устюге, куда ежегодно приезжают взрослые и дети, желающие отметить праздник по-настоящему волшебным. На рис. 6, 4 семья празднует Новый год, и ночное небо украшено сказочными фейерверками; на изображениях 5 и 6 мы видим новогоднюю елку и новогодние украшения, на рис. 6, 6 изображено много подарков. Украшение елки – добрая традиция, которую любят в каждом доме. Елочные игрушки обычно выбирают заранее, в новогоднем декоре преобладают красный и зеленый цвета. Дом принято украшать гирляндами, фонариками, свечами, еловыми ветками (как живыми, так и искусственными). Все большую популярность в России приобретает традиция вешать на входе в дом красивый венок с шариками и бантами. Но единой концепции, которой надо придерживаться, украшая свой дом накануне праздника, не существует. Люди выбирают то, что им по душе, и это делает каждый новогодний интерьер неповторимым. При

³ Хотя это и не так. В России Новый год стал массовым, народным праздником только в XX веке.

этом ни один Новый год не обходится без подарков. Из всего сказанного можно сделать вывод, что шесть рассмотренных нами изображений наполнены праздничной атмосферой, напоминают русским о Новом годе и вызывают у них эмоцию РАДОСТЬ.

Рис. 6. Примеры рекламы:
эмоция РАДОСТЬ передается через ассоциации с праздниками

Заключение

По данным лексикографических источников русского языка мы построили лексико-семантическое поле лексемы *радость*, в котором нужно выделить три функциональные зоны: *ядро*, *центр* и *периферия*. В ядро поля входят слова *веселье*, *восторг*; центр поля формируется лексемами, которые указывают на психологический эффект, вызываемый ими – *удовлетворение* и *удовольствие*; на периферии оказываются многочисленные, как правило, окказиональные синонимы ядерных (*беспечалие*, *праздник*, *забава*, *торжество*, *просвет*, *утеха*, *жизнерадостность*, *развлечение*, *светлое пятно*, *отрада*, *потеха*, *веселость*) и центральных (*усллада*, *упоение*).

По данным РАС было построено ассоциативное поле на стимул *радость* в русском языковом сознании. В ядро указанного поля входит слово *большая*; центр поля формируется лексемами *счастье*, *встречи*, *гадость*, *грусть*, *нежданная*, *победы*, *нечаянная*, *жизни*, *улыбка*, *веселье*, *моя* и *горе*; на периферии оказываются слова *без конца и края*, *бурная*, *бытия*, *в дом*, *в доме*, *великая*, *в радость*, *день рождения*, *горесть*, *всем*, *восторг*, *внезапная* и *вместе*.

С опорой на результаты проведенного лексикографического и ассоциативного анализа лексемы, а также с учетом поликодового характера рекламной модальности мы выявили следующие подходы к трансляции потребителям эмоции РАДОСТЬ в рассмотренных рекламных текстах: введение семантических отсылок и гетеросемиотических ассоциатов к чувству счастья, обязательное изображение улыбки на лицах людей и удовлетворения на «лицах» кошек, подбор оптимистичной жизнеутверждающей цветовой гаммы, проведение различными способами ассоциации с праздником, в частности с Новым годом.

Также отметим, что выявленные способы передачи эмоции РАДОСТЬ в собранных рекламных текстах характерны для сознания носителей русской лингвокультуры.

Список литературы

- Всеволодова М. В.** Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент фундаментальной прикладной модели языка. МГУ имени М. В. Ломоносова, Филологический факультет. М.: URSS, 2017. 649 с.
- Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2007. 148 с.

- Долинский В. А. Теория ассоциативных полей в количественной лингвистике. М.: Тезаурус, 2012. 512 с.
- Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX–XX вв. УРСС, 2001. 326 с.
- Дьячкова Н. А. Православно-христианский дискурс и «культурная память» слова // Филология и человек. 2007. № 3. С. 030–040.
- Ириолова А. Д. Лингвистическая реализация эмоций и чувств, связанных с любовью (на материале произведений У. С. Моэма) // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012, № 1. С. 188–191.
- Караулов Ю. Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Филология. Журналистика. 1994. № 1. С. 15–26.
- Киселёва М. С. Кот/кошка как персонификация семейного духа-хранителя в современном русском фольклоре // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 107–110.
- Клочко К. А. Некоторые проблемы лингвистики рекламного текста и перспективы его исследования // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 5–18.
- Куликова Е. В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 197–205
- Лашевская А. Д. Значение государственных праздников для россиян // Дискуссия. 2015. № 8 (60). С. 77–83.
- Панина А. А., Сычева Л. А. Психология цвета. Саратов: НиИ, 2016. 566 с.
- Подело Й. Смайлики, улыбка и смех как социальный сигнал и индикатор эмоционального состояния в процессе коммуникации (сопоставительный анализ) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 2. С. 80–90.
- Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115–123.
- Сорокин Г. Г. Бабушки современной России // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70). С. 78–80.
- Сороколетов О. В. Любовь как главная ценность семьи // Евразийский форум. 2015. № 1 (7). С. 185–188.
- Фефелов А. Ф., Фёдорова Я. Я. Борьба авторских и этнокультурных мотивов в трактовке зооимических образов // Язык и культура в условиях интернационализации образования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Т. А. Перминова, С. И. Филиппов, А. Л. Соломоновская. Новосибирск, 2014. С. 125–139.
- Чернейко Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 43–74.
- Чыпсымаа О. О. Языковое описание улыбки как коммуникативной тактики выражения радости, счастья и одобрения (прагматический аспект) // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова, 2017. С. 121–128.
- Шумакова Е. А. Влияние трендов в дизайне на визуальный контент брендов в социальных сетях // Знак: проблемное поле медиаобразования. Челябинск: ЧелГУ, 2019. С. 82–189.
- Эгамназаров Х. Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // Учен. зап. Куджанд. гос. ун-та им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2018. С. 185–189.

Словари

Большой словарь синонимов русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/synonyms>
Краткий психолого-филологический словарь. URL: <https://826.slovaronline.com/>
Русский ассоциативный словарь (РАС). URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/>

Семантический словарь русского языка.. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235>
 Словарь русских синонимов. URL: <https://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/>
 Словарь синонимов русского языка Абрамова. URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov
 Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. URL: <https://dal.slovaronline.com/>
 Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>
 Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>

References

- Cherneyko, L. O.** Basic concepts of cognitive linguistics in their interconnection. In: Language, consciousness, communication: Sat. Articles. Eds. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, 2005, vol. 30, p. 43–74. (in Russ.)
- Chypsymaa, O. O.** The linguistic description of smile as a communicative tactic of expressing joy, happiness and approval (pragmatic aspect). *Vestnik of the North-Eastern Federal University*, 2017, p. 121–128 (in Russ.)
- Dolninsky, V. A.** Theory of associative fields in quantitative linguistics. Moscow, Thesaurus Publ, 2012, 512 p. (in Russ.)
- Dyachkova, N. A.** Orthodox Christian discourse and the “cultural memory” of the word. *Philology and Human*, 2007, no. 3, p. 30–40. (in Russ.)
- Dymarsky, M. Ya.** Problems of text formation and literary text (On the material of Russian prose of the nineteenth and twentieth centuries). URSS publications, 2001, 326 p. (in Russ.)
- Egamnazarov, H. H.** On the concept of the lexical-semantic field in linguistics. *Scientific notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. Humanitarian sciences*, 2018, p. 185–189. (in Russ.)
- Fefelov, A. F., Fedorova, Ya. Ya.** Opposition of authors’ conceptual and popular ethno-cultural visions of zoonymic images in English and Russian. In: Language and culture in the context of the internationalization of education: Materials of the International scientific-practical conference. Ed. by T. A. Perminova, S. I. Filippov, A. L. Solomonovskaya. Novosibirsk, 2014, p. 125–139. (in Russ.)
- Galperin, I. R.** Text as an object of linguistic research. Moscow, URSS Publ., 2007, 148 p. (in Russ.)
- Iriolova, A. D.** Linguistic realization of emotions and feelings associated with love (based on the works of W. S. Maugham). *Vestnik of Adyghe State University. Series 2: Philology and art history*, 2012, no. 1, p. 188–191. (in Russ.)
- Karaulov, Yu. N.** From the structure of the associative dictionary to the structure of linguistic ability. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Philology. Journalism*, 1994, no. 1, p. 15–26. (in Russ.)
- Kiseleva, M. S.** Cats as a personification of the guardian family spirit in modern Russian folklore. *Vestnik of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 2017, no. 3 (16), p. 107–110. (in Russ.)
- Klochko, K. A.** Some problems of the linguistics of the advertising text and the prospects for its study. Perm: Perm State Pedagogical University Publ., 2017, p. 5–18 (in Russ.)
- Kulikova, E. V.** Language specificity of advertising discourse. *Vestnik of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2008, no. 4, p. 197–205. (in Russ.)
- Lashevskaya, A. D.** The value of public holidays for the Russians. *Discussion*, 2015, no. 8 (60), p. 77–83. (in Russ.)
- Panina, A. A., Sycheva, L. A.** The psychology of color. Saratov, NiI Publ, 2016, 566 p. (in Russ.)
- Podelo, I.** Smilies, smile and laughter as a social signal and an indicator of emotional state in the process of communication (comparative analysis). *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2016, vol. 14, no. 2, p. 80–90. (in Russ.)

- Shumakova, E. A.** The influence of design trends on the visual content of brands on social networks. In: Sign: problematic field of media education. Chelyabinsk, ChelSU Publ, 2019, p. 82–189. (in Russ.)
- Sonin, A. G.** An experimental study of polycode texts: main directions. *Questions of linguistics*, 2005, no. 6, p. 115–123. (in Russ.)
- Sorokin, G. G.** Grandmothers of modern Russia. *Women in Russian society*, 2014, no. 1 (70), p. 785–80. (in Russ.)
- Sorokoletov, O. V.** Love as the main value of the family. *Eurasian Forum*, 2015, no. 1 (7), p. 185–188. (in Russ.)
- Vsevolodova, M. V.** The theory of functional-communicative syntax: a fragment of the fundamental applied language model. Moscow, Moscow State University, Faculty of Philology, URSS, 2016, 649 p. (in Russ.)

Dictionaries

- Brief psychological and philological dictionary. URL: <https://826.slovaronline.com/>
- Dictionary of Russian language by S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
- Explanatory dictionary of Russian language edited by D. N. Ushakov. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>
- Explanatory dictionary of the living great Russian language by V. I. Dahl. URL: <https://dal.slovaronline.com/>
- Russian Associative Dictionary (RAD). URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/>
- Russian semantic dictionary. <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235>
- The Dictionary of Russian Synonyms. URL: <https://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/>
- The Dictionary of Synonyms of the Russian Language Abramova. URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov
- The Large Dictionary of Synonyms of the Russian Language. URL: <https://gufo.me/dict/synonyms>

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
04.05.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Янь Кай, кандидат филологических наук, научный сотрудник Университета имени Сунь Ят-сена (Гуанчжоу, КНР)

Yan Kai, PhD, Sun Yat-sen University (Guangzhou, P. R. China)

ky_710@mail.ru

Цзян Юйсюань, магистр гуманитарных наук, Городской университет Гонконга (Гонконг, КНР)

Jiang Yuxuan, MA, City University of Hongkong (Hong Kong, P. R. China)

yxjiang8-c@my.cityu.edu.hk

УДК 81-119

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-85-98

Кумуляция и амбивалентность в семантике мифологем (на примере репрезентанта *horseshoe* концепта *SUPERSTITION* в англосаксонской культуре)

В. А. Степаненко

*Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию внутренней, «невидимой» структуры репрезентанта *horseshoe* концепта *SUPERSTITION* в англосаксонской культуре, отражающей основные категории магического мышления. Новизна настоящего исследования состоит в том, что оно выполнено в рамках теолингвистики, а именно теолингвоконцептологии как ее раздела [Постовалова, 2016]. Для анализа языковых репрезентантов исследуемого концепта используется разработанный нами метод анализа онтологических концептов [Степаненко, 2006; Stepanenko, 2015. Р. 185–195; Степаненко, 2019. С. 467–488].

История подковы уходит корнями в глубокую древность, к дохристианской цивилизации. Как амбивалентный символ она интерпретируется в двух концептуальных системах – языческой и христианской. Астрономический атрибут языческих богинь – полумесяц – был «переведен» на язык христианского богословия с измененной семантикой его символа, благодаря которой евангельское повествование мира трансцендентного передается на язык имманентный. Современная культура сводит сакральное в подкове до уровня профанного, своеобразного симулякра для массового потребления. Само слово *horseshoe* на протяжении веков не меняло свою форму. Что же касается содержания, то оно прошло сложный семантический путь, кумулируя как профанные, так и сакральные значения и превратившись в итоге в слово-мифологему, наименьшую единицу мифа о Добре и Зле. Эта мифологема актуализируется в различных легендах, сказках, притчах, повествующих о магии подковы, которая может приносить как удачу, так и неудачу и которая может защитить от злых духов или стать орудием против человека. Наше исследование показало, что слово-мифологема *horseshoe* держится на своеобразном каркасе, опорами которого являются пять логико-онтологических категорий, объективных универсальных форм магического мышления и бытия. Кроме этого, анализ примеров со словом *horseshoe* позволил выделить девять пар дихотомий, состоящих из двух амбивалентных понятий, одно из которых является утверждением, а другое – его отрицанием, что создает антиномию, т. е. логически неразрешимое противоречие. Тем самым создаются благоприятные предпосылки и условия для живучести самого суеверия, связанного с подковой.

Ключевые слова

концепт *SUPERSTITION*, репрезентант *horseshoe*, «невидимая» структура репрезентанта, логико-онтологические категории, дихотомии, кумуляция, амбивалентность

Для цитирования

Степаненко В. А. Кумуляция и амбивалентность в семантике мифологем (на примере репрезентанта *horseshoe* концепта *SUPERSTITION* в англосаксонской культуре) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 85–98. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-85-98

Cumulation and Ambivalence in Mythologems (Based on the Example of the Representative *horseshoe* of the Concept *SUPERSTITION* in the Anglo-Saxon Culture)

Valentina A. Stepanenko

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

The paper is devoted to the study of the internal, “invisible” structure of the representative *horseshoe* of the concept *SUPERSTITION* in the Anglo-Saxon culture, reflecting the main categories of magical thinking. The novelty of this research is that it is performed within the framework of Theolinguistics, namely, in its section – Theolinguoconceptology [Postovalova, 2016]. For the analysis of the language representatives of the concept under study, the method of ontological concept analysis, developed by the author of the paper, is used [Stepanenko, 2006; Stepanenko, 2015. P. 185–195; Stepanenko, 2019. P. 467–488].

The history of the horseshoe is rooted in antiquity, dating back to the pre-Christian civilization. As an ambivalent symbol it is interpreted in terms of the pagan and Christian conceptual systems. The astronomical attribute of the pagan goddesses – the crescent moon – was translated into the language of the Christian theology with a change in the semantics of its symbol, thanks to which the Gospel story of the transcendental world is rendered into the immanent language. Modern culture reduces the sacral in the horseshoe to the level of a profane, a kind of simulacrum for mass consumption. The word *horseshoe* itself has not changed its shape over the centuries. As for its content, it has gone a difficult semantic way, cumulating both profane and sacral meanings and eventually turning into a word-mythologem, the smallest unit of the myth about the Good and the Evil. This mythologem is actualized in various legends, fairy tales, parables, telling about the magic of the horseshoe, which can bring both good and bad luck, and which can protect against the evil spirits or become an instrument against a man. Our research has shown that the word-mythologem *horseshoe* keeps on a peculiar framework the pillars of which are five logical ontological categories, the objective universal forms of magical thinking and being. Besides, the analysis of the examples with the word *horseshoe* allowed us to distinguish nine pairs of dichotomies, each consisting of two ambivalent concepts: assertion and its negation, thus creating antinomy, i.e. a logically unsolvable contradiction. This is but a favorable condition for the survival of the superstition associated with the horseshoe.

Keywords

concept *SUPERSTITION*, representative *horseshoe*, «invisible» structure of the representative, logical ontological categories, dichotomies, cumulation, ambivalence

For citation

Stepanenko, Valentina A. Cumulation and Ambivalence in Mythologems (Based on the Example of the Representative *Horseshoe* of the Concept *SUPERSTITION* in the Anglo-Saxon Culture). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 85–98. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-85-98

Предрассудок! он обломок
Древней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Е. А. Баратынский, 1841 г.

Введение

Статья посвящена дальнейшей разработке нашей методологии анализа онтологических концептов [Stepanenko, 2006; Stepanenko, 2015. P. 185–195; Stepanenko, 2019. С. 467–488]. Онтологический концепт рассматривается нами с точки зрения учения об онтологии имени, разработанного в трудах русских религиозных философов П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и А. Ф. Loseva. Согласно этому учению, концепт имеет две составляющие: онтологическую (указывающую на причастность всего в мире Богу) и гносеологическую (изучающую способы познания того, что сотворено Богом). Поэтому и понимать его надо двояко:

в широком смысле – как результат взаимопроникновения энергий двух бытий (как диалог между познающими друг друга Духом и миром), их онтологическое со-действие; в узком смысле – как результат познания исследователем того или иного онтологического имени, ‘преломленного’ через язык(и) и культуру(ы). Отсюда следует, что «концепт – это ‘препарированное’ имя. Без исследователя это – имя, которое человек воспринимает как обычное слово» [Степаненко, 2006. С. 202]. Если первоначальной задачей прежних работ было определение внутренней структуры того или иного онтологического концепта, то целью настоящей статьи является выявление внутренней структуры одного из репрезентантов концепта *SUPERSTITION*, а именно слова-мифологемы *horseshoe*.

1. Из истории подковы как артефакта англо-саксонской культуры

1.1. Прототипы подковы в язычестве

Согласно Британской энциклопедии, подковы различных видов использовались кочевыми евразийскими племенами примерно со II в. до н. э. В Европе завезенная с Востока железная подкова с гвоздями впервые появилась примерно в V в. н. э. Одна из подков вместе с сохранившимися гвоздями была найдена в гробнице франкского короля Хильдерика I в Турне (Бельгия)¹.

С древнейших времен человек считал, что U-образная форма, или полумесяц, является мощным защитным символом. У египтян он был талисманом удачи, так как он напоминал символ Изиды, богини плодородия и магии. Кроме этого, древнеегипетский иероглиф «U» был символом мистической двери в иную жизнь. Древние греки и римляне связывали полумесяц, имеющий форму подковы, с лунными богинями Артемидой и Дианой. Отпечатки фигур на камне в форме подковы, часто встречающиеся в северной Европе, трактуются некоторыми археологами как священные символы язычников или реликвии культа их бога Водана (Вотана). В древней кельтской традиции украшения из подковы использовались для защиты от так называемых озорных фей [Tresidder, 2008; Lawrence, 1898. P. 137].

1.2. Сакральность подковы и ее эволюция в истории христианства

С обращением язычников Европы в христианство распространяется вера в силу подковы подчинять себе и укрощать демонов и бесов. В этой связи следует упомянуть легенду, повествующую о том, как святой Дунстан, архиепископ Кентерберийский (Saint Dunstan, 909–988 гг.) подковал самого дьявола². Согласно одной из версий этой легенды, святой Дунстан был искусным кузнецом. Дьявол постоянно искушал святого своими нечестивыми просьбами и однажды ему удалось поставить Дунстана в безвыходное положение, взяв с того обещание подковать его лошадь. В назначенный день Сатана привел свою лошадь, стал рядом, тихо радуясь тому, что заставил самого архиепископа послужить ему. Однако Дунстан неожиданно схватил Дьявола за ногу и решительно подковал его, а не лошадь. Дьявол закричал от дикой боли, умоляя святого убрать побыстрее подкову. Но святой согласился на это только при одном условии: дьявол должен был поклясться никогда не входить в дом, на двери которого висит подкова.

В изложении Эдварда Флайта легенда заканчивается просьбой к Господу, называемому Great Architect (Великий Архитектор, одно из имен Бога), защитить от Сатаны с помощью подковы вход в каждый дом, четыре части Соединенного Королевства, то есть *each lion's paw* (имеется в виду изображение льва на официальном гербе британского монарха), что в конечном итоге сохранит само государство от гибели³.

¹ Encyclopædia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/horsemanship#ref281802> (accessed: 21.01.20).

² Flight, E. G. Op. cit. URL: <http://www.gutenberg.org/files/13978/13978-h/13978-h.htm> [eBook #13978] (accessed: 09.03.2020).

³ «Then do not fail, great architect / Assembled wisdom to protect / From Satan's visitation / With horse-shoe fortify each gate / Each lion's paw; and then the State / Is safe from ruination» St. Dunstan and the devil. Flight, E. G. Op. cit. URL: <http://www.gutenberg.org/files/13978/13978-h/13978-h.htm> [eBook #13978] (accessed: 09.03.2020).

Следует отметить, что даже и по сей день среди некоторых христиан живо поверье, что подкова способна отгонять Демона и бесов. Однако в данном случае наблюдается своеобразный диссонанс между деянием святого и символикой подковы, приобретшей благодаря легенде сомнительный статус «христианского» амулета. Само название произведения Эдварда Флайта утверждает мысль о том, что подкова после победы святого над дьяволом должна была служить оберегом от колдовства: «Dunstan and the Devil; showing how the horse-shoe came to be a charm against witchcraft»⁴. Но церковь отрицательно относилась и относится к различным оберегам, амулетам и талисманам, считая их осколками первобытной религиозности, в основе которой лежит человеческое невежество и страх. Именно по этой причине с приходом христианства ношение амулетов было осуждено как проявление идолопоклонства. Тем не менее суеверие не исчезло окончательно, и христиане-неофиты, формально отказавшись от языческих амулетов, стали тут же поклоняться новым христианским символам, приписывая им чудодейственную сверхъестественную силу, а именно способность защищать обладателя амулета от опасностей, болезней, проклятий, вызванных злыми духами⁵.

Приходится констатировать, что в легенде о святом Дунстане и сатане происходит лишь логическое замещение одного символа другим – «языческой» подковы на «христианскую», примерно по той же схеме как это, например, произошло в свое время и с языческими праздниками.

Следует, однако, отметить, что в борьбе Добра со Злом, орудием которой выступает подкова, произошло лишь замещение языческих злых духов на врагов христианства – демонов и бесов. В подкове отсутствовал тот надлежащий христианский прототип, которому следовало бы оказать честь. Связь с таким прототипом должна была окончательно изъять из символики подковы то, что делало ее предметом народного суеверия, то есть амулетом. Со временем два таких христианских прототипа для подковы были найдены. Ими стали Дева Мария и Христос.

Лежащая на дороге в пыли подкова (символизирующая горизонталь) приобретает в христианстве вертикальное измерение, становясь одним из христианских символов, через который перед человеком как бы открываются небеса, и он погружается в духовную реальность. Так, атрибутом Девы Марии, Царицы Небесной, в Католической церкви становится полумесяц (*crescent, the moon, the sliver of the new moon, the new moon*), тонкий серп новой луны, по форме напоминающий подкову, магия которой была «основана на защитном символизме месяца» [Тресиддер, 1999. С. 284].

Сюжет «Дева Мария, попирающая полумесяц» (*Madonna standing or sitting on a crescent; Madonna on the crescent*) нашел широкое распространение в западной традиции с XII в. и вошел в иконографию «Богородицы – Царицы Небесной» в связи с богословскими толкованиями образа Жены Апокалипсиса из «Откровения Иоанна Богослова», среди которых доминирует понимание его как образа Богородицы: «And a great sign appeared in heaven: A woman clothed with the sun, and *the moon under her feet*, and on her head a crown of twelve stars» (Revelation 12:1) – «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Апокалипсис 12:1).

Наглядным примером этому может послужить оригинальный лист из средневекового рукописного «Часослова» («Book of Hours») с изображением Богородицы Апокалипсиса и ее описанием: *The haloed Virgin Mary dressed in blue and red and wearing a gold crown stands on a golden crescent moon and holds the haloed Christ Child in her left arm* – Дева Мария с нимбом и золотой короной на голове, облаченная в одежды синего и красного цвета, стоит на золотом полумесяце и держит в левой руке Младенца Христа с нимбом⁶. Кроме этого, тон-

⁴ Flight, E. G. Op. cit. URL: <http://www.gutenberg.org/files/13978/13978-h/13978-h.htm>.

⁵ Catholic Encyclopedia. Catholic Online World's Catholic Library, 2020. URL: <https://www.catholic.org/encyclopedia/view.php?id=688> (accessed: 19.03.2020).

⁶ Virgin of the Apocalypse. Medieval Book of Hours Leaf // Charles Edwin Puckett. URL: https://cepuckett.com/inventory/index.php?no_cache=20200209210954&main_page=product_info&products_id=802 (accessed: 12.07.2020).

кий серп новой луны символизирует в данном контексте чудесное рождение: «*The sliver of the new moon symbolizes chaste birth, as in Christian depictions of the Virgin Mary with the new moon at her feet*» (Revelation 12:1) [Tresidder, 2008].

В христианстве, как правило, лунная символика связана с Богородицей, а солярная – с Христом. Однако в некоторых христианских общинах подкову вешали концами не вверх и не вниз, а вправо, отчего она становилась похожа на латинскую букву С, первую букву в имени Христа – Christos. Прочность железа, из которого она была сделана, символизировала силу Христа⁷.

В Средневековье широкое распространение получили и другие культовые предметы, способствующие распространению Слова и христианской веры. Это – изображение креста в виде подков (a horseshoe cross), крест внутри подковы (a cross inside a horseshoe), подкова, висятая на кресте (a horseshoe hanging on a cross), и крест, сделанный из гвоздей подковы (a horseshoe nail cross). Основной задачей этих изделий было формирование и инициирование необходимых ассоциаций, связанных с распятием Христа. Так, подкова ассоциировалась с сиянием вокруг головы Христа (нимб), гвозди от подковы – с гвоздями, которыми римские солдаты прибили руки и ноги Спасителя на Кресте, а железо – с крепостью Его духа. Тем самым подкова как христианский символ приобрела новый смысл. И с этого момента она получила законное право изображаться на родовых гербах рядом с крестом и «новообращенным» полумесяцем.

1.3. Имитационная роль подковы в современном британском обществе

Подкова является одним из самых известных символов удачи современного западного мира. Различные суеверия, связанные с этим предметом, до сих пор живы и в англосаксонской культуре. Как и многие британские моряки до и после него, вице-адмирал Нельсон прибегал к мачте корабля Victory подкову, чтобы она приносила удачу всем находящимся на борту [Webster, 2008. Р. 134]. Когда же появились автомобили, то наличие в номере машины английской буквы U, напоминающей подкову, также стали связывать с удачей: ...*a driver who has two U's in his number 'feels he cannot possibly go wrong'* [The Encyclopedia of Superstitions, 1996. Р. 335]. В настоящее время подкову, висятую над входной дверью дома или квартиры, можно встретить по всей Великобритании.

Традиция и эстетика, связанная с подковой, сохранилась и в современной ирландской свадьбе. Во время церемонии бракосочетания мальчик-паж или девочка, держащая букет, преподносят невесте символическую подкову концами вверх, напоминающую букву U, чтобы в ней удержалось счастье: «*Usually, the pageboy or flower girl presents the horseshoe to the bride with the horseshoe facing upwards in its U shape to contain the luck*»⁸.

Но прежде чем подкова стала символом, она прошла долгий путь как атрибут венчания. В языческие времена это был простой кусочек железа, который невеста прятала в своем венчальном наряде, поскольку железо считалось действенным талисманом против сил зла, мишенью которых могла стать молодая женщина в день своей свадьбы. Позже, после трансформации подковы в символ удачи, она стала естественным атрибутом на свадьбе. В наши дни подкову не ищут на дороге, а просто покупают в магазине⁹.

Живучесть подковы как символа удачи в современном британском обществе объясняется не только сохранением традиций, но и превращением ее в один из компонентов массовой культуры, для которой характерны развлекательность и коммерческая направленность. Под-

⁷ «*Choosing to show the horseshoe sideways they say it may be considered a symbol of Christ as it resembles a "C"; the power of the iron being the strength of Christ*». Good Luck Horseshoe. URL: <https://goodlucksymbols.com/good-luck-horseshoe/> (accessed: 06.04.2020).

⁸ O'Sullivan, L. 6 Old Irish Wedding Traditions and Superstitions, 07.06.2019 //The Irish Store. URL: <https://www.theirishstore.com/blog/old-irish-wedding-traditions-superstitions/> (accessed: 10.02.2020).

⁹ 17 Irish Wedding Customs and Traditions, 23.08.2018 // HARSANIK. URL: <https://www.harsanik.com/blog-articles-guides> (accessed: 05.05.2020).

кову в качестве подарка можно видеть не только во время брачной церемонии, но и на других мероприятиях, таких как проводы на пенсию, новоселье, на различных экзаменах и соревнованиях. На многочисленных британских сайтах потенциальным клиентам предлагаются подковы на любой вкус и кошелек. Такая практика свидетельствует о том, что в XXI в. в секулярном британском обществе сакральное в подкове свелось до уровня профанного, до уровня предмета массового потребления. Подкова утратила свой накопленный веками духовный смысл, свою вертикаль, символически соединяющую землю и небеса, став простым симулякром житейской удачи, опорой новых суеверий.

2. Кумулятивное выражение значений в слове *horseshoe*

Термин *кумуляция* (лат. *simulus* – скопление, концентрация, накапливание), первоначально возникший в военном деле, получил дальнейшее распространение во многих отраслях человеческой деятельности, в том числе и в лингвистике (см. подробнее: [Степаненко, 2010. С. 262–278]). Под кумуляцией в данном случае мы понимаем концентрированное или, другими словами, кумулятивное выражение значений в слове *horseshoe*, обозначающее один из артефактов суеверия.

2.1. Прагматика описания профанного и сакрального значений слова *horseshoe*

Анализ словарных статей со словом *horseshoe* (п.) показал, что подход к описанию значений слова и их функционированию в узусе зависит от типа словаря. Так, в толковых словарях, как правило, дается его профанное значение, тогда как в культурологических и энциклопедических словарях слово освещается в исторической перспективе, поэтому в них описывается и его религиозное значение. Такая специализация словарей не должна удивлять, поскольку давно уже было замечено, что наряду с «видимой» структурой слова (корень, суффикс, окончание, преформанты и детерминативы) существует и его «невидимая» структура, отражающая основные категории магического мышления [Маковский, 1996. С. 9–10].

Анализ релевантных словарных статей английских словарей из двух обозначенных типов, а также статей, посвященных истории подковы в англо-саксонской культуре, позволил выявить всю семантическую палитру слова, ставшего ярким представителем концепта *SUPERSTITION*. Их можно разделить на две группы: профанные и сакральные значения слова *horseshoe*.

К профанным относятся четыре значения, а именно:

- 1) подкова как U-образный металлический предмет, который прикрепляется к нижней части копыта лошади для его защиты¹⁰;
- 2) название игры *horseshoes*, в которой используются настоящие или стилизованные подковы [Webster's New Encyclopedic Dictionary, 1993. P. 481];
- 3) всё, что имеет форму подковы, например, краб *horseshoe (crab)* [Webster's New Encyclopedic Dictionary, 1993. P. 481] или расположение парт «подковой» при обучении языку (*the horseshoe – desks in a three-sided square*) [Richards, Schmidt, 2010. P. 80];
- 4) подкова как символ удачи¹¹.

Сакральное в слове *horseshoes* формируется благодаря его четырем языческим и христианским значениям:

- 1) в язычестве считалось, что U-образная форма или полумесяц являются мощным защитным символом от злых духов¹²;
- 2) в христианстве подкове приписывалась способность отгонять демона и бесов, например, название легенды о святом Дунстане и дьяволе¹³;

¹⁰ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/horseshoe> (accessed: 03.02.2020).

¹¹ Ibid.

¹² «The magical virtue of the horse-shoe against witches and fiends has been attributed to its resemblance to the lunar crescent» [Lawrence, 1898. P. 137].

3) подкова / полумесяц как христианский символ для Девы Марии и Христа¹⁴;

4) подкова / полумесяц как христианский символ святости (нимб)¹⁵, имеющий, однако, языческие корни¹⁶.

Как видно из примеров, слово *horseshoe* кумулирует в себе разноплановые, но взаимосвязанные значения, которые в совокупности с религиозными символами образуют его сакральный смысл. В свою очередь, «символ порождает мифологему» [Бердяев, 1994. С. 60]. Поэтому есть все основания рассматривать слово-символ *horseshoe* как мифологему, то есть как наименьшую единицу архаического мифа о Добре и Зле, запечатленную в народной памяти, в народном творчестве и языке.

2.2. Логико-онтологические категории мифологемы *horseshoe*

Слово категория (*греч.* *katēgoria* – высказывание), как отмечает А. Н. Книгин, имеет четыре основных значения: обыденное, научное, философское и логико-онтологическое. В последнем случае категории рассматриваются как объективные универсальные формы мышления и бытия. Категории в этом смысле обозначаются словами, которые являются философскими терминами, но сами они понятиями не являются [Книгин, 2002. С. 3–5].

В современной литературе указываются следующие основные свойства категорий как форм бытия и форм мышления: *объективность, универсальность, априорность, наиндивидуальность и наднациональность* [Там же]. По мнению философа, категории обладают пятью основными функциями: 1) структурируют мысль по содержанию; 2) выступают как базис для взаимопонимания в общении между людьми и культурами; 3) являются матрицами понимания и оценки смысла нового опыта; 4) выступают как системообразующая часть языка того или иного философского учения или научной теории; 5) категориальный строй мышления является объективной основой системного понимания мира, системного метода познания и деятельности [Там же. С. 26].

Анализ материала показал, что мифологема *horseshoe* держится на своеобразном каркасе, опорами которого являются пять логико-онтологических категорий, объективных универсальных форм мышления и бытия.

Категория «КАЧЕСТВО», которая включает в себя профанное значение словосочетания *an old horseshoe* и *a golden horseshoe*. Например, люди считали особым везением найти старую подкову: «It was considered especially lucky if you found *an old horseshoe*»¹⁷. По этой, очевидно, причине на флаге Рутланда, самого маленького исторического графства Англии, изображена золотая подкова на фоне поля, на котором разбросаны желуди: «The flag of Rutland, England's smallest historic county, consists of *a golden horseshoe* laid over a field scattered with acorns»¹⁸.

Категория «ЧИСЛО» актуализируется в том случае, когда речь идет о редкостной удаче за счет дополнительного атрибута – наличия в подкове семи железных гвоздей¹⁹. Семантика

¹³ «The True Legend of St. Dunstan and the Devil. Showing how the horse-shoe came to be a charm against witchcraft» Flight, E. G. Op. cit. URL: <http://www.gutenberg.org/files/13978/13978-h/13978-h.htm>.

¹⁴ «Virgin Mary with the new moon at her feet (Revelation 12:1)» [Tresidder, 2008] и «... the horseshoe sideways <...> it may be considered a symbol of Christ as it resembles a "C"; the power of the iron being the strength of Christ». Good Luck Horseshoe. URL: <https://goodlucksymbols.com/good-luck-horseshoe/> (accessed: 06.04.2020).

¹⁵ «The origin of the horse-shoe as a charm has been ascribed to its resemblance to the metallic aureole or meniscus formerly placed over the heads of images of patron saints in churches, and which is also represented in ancient pictures of the Virgin» [Lawrence, 1898. P. 120]

¹⁶ «This aureole, or more properly nimbus, was probably of pagan origin, for in early times circles of stars frequently ornamented the heads of statues of the gods, as emblematic of divinity» [Ibid.].

¹⁷ Good Luck Horseshoe. URL: <https://goodlucksymbols.com/good-luck-horseshoe/> (accessed: 06.04.2020).

¹⁸ The county flag of Rutland. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Horseshoe#/media/File:Rutland_County_Flag.svg (accessed: 11.02.2019).

¹⁹ «Another aspect of the horseshoe that added to its good luck was the fact that it was commonly held in place by seven iron nails». Horseshoes // Skeptical Inquirer, The Magazine for Science and Reason. January 13, 2004. URL: <https://skepticalinquirer.org/exclusive/horseshoes/> (accessed: 01.08.20).

невероятного везения объясняется тем, что с древних времен число «семь» считалось магическим. Его магия проявлялась в повседневной действительности. Так, жизнь делилась на семь возрастов, седьмой ребенок имел особые способности, радуга имеет семь цветов, в неделе семь дней, луна меняется от одной фазы к другой каждые семь дней, а в астрологии того периода считалось, что Вселенную составляют семь планет. С принятием христианства символическое значение числа «семь» не исчезло, оно отразилось в семи Таинствах, в семи смертных грехах и т. д.

В англо-саксонских преданиях о подкове фигурирует и число «три», что неслучайно, так как оно считалось сакральным как в язычестве, так и в христианстве. Например, в литературе сообщается факт о том, что дверь конюшни защищалась от ведьм тремя рядами подков, расположенных в форме треугольника²⁰.

Категория «СЛУЧАЙНОСТЬ», одна из трех категорий модальности в учении И. Канта, также присутствует в ситуации с найденной подковой. Считается, что случайно найденная подкова имеет в десять раз большую силу, чем купленная²¹. Объясняется это народным поверьем о том, что случайно найденная подкова является непосредственным подарком богини Фортуны, поэтому обладает особой ценностью для нашедшего ее человека [Lawrence, 1898. P. 112].

Категория «ПРОСТРАНСТВО». Актуализируется в том случае, когда речь заходит о нахождении подковы *где-то*. Как правило, ее находили на дороге. Уже в I в. н. э. Плиний Старший приписывал найденной на дороге подкове силу, избавляющую от икоты. Человеку, нашедшему такую подкову, следовало ее беречь, так как в случае начавшейся икоты ему надо было только вспомнить место находки, как наступало избавление от навязчивой напасти [Lawrence, 1898. P. 37].

Спустя двадцать столетий суеверие, что найденная на дороге подкова приносит удачу, живет в англо-саксонской культуре: «*The rusty horse-shoe found on the road is still prized as a lucky token, and will doubtless continue to be so prized*» [Lawrence, 1898. P. 139].

Категория «ВРЕМЯ» в анализируемом нами репрезентанте концепта SUPERSTITION проявляется тогда, когда речь заходит о понятиях *день* и *ночь*. День и ночь (свет и тьма) – это время проявления двух противоположных сил, Добра и Зла [Тресиддер, 1999. С. 324]. Подкову человек находит на дороге, как правило, в светлое время суток, и поэтому это связывают с положительным моментом, с удачей. Ночью же подкова выполняет уже защитную функцию, поскольку ночь – это время уже неоднократно упоминавшихся выше тьмы, призраков, оборотней и ведьм.

Так, какой-нибудь ланкаширский фермер «точно знал», что так называемые проказливые феи по ночам ездят на лошадях, выгоняют коров из сарая, крадут масло и съедают детскую кашу. Поэтому на своем дворе он имел привычку вешать подковы на все постройки²². А согласно преданию графства Шропшир, старая подкова над дверью спальни являлась защитой от мары – ведьмы, которая по ночам душит спящего человека²³.

Если каркас из пяти категорий придает устойчивость этой конструкции, то бинарные оппозиции – дихотомии – создают внутри нее разнонаправленные движения, которые проявляются в виде семантической амбивалентности, создающей неоднозначность трактовки подковы как артефакта суеверия.

²⁰ «...the stable-door was decorated with three rows of horse-shoes arranged in the form of a triangle» [Lawrence, 1898. P. 90].

²¹ Good Luck Horseshoe. URL: <https://goodlucksymbols.com/good-luck-horseshoe/> (accessed: 06.04.2020).

²² «The Lancashire farmer thinks that mischievous fairies not only ride horses *by night*, but drive cows out of the barn, steal the butter, and eat up the children's porridge; so he, too, *affixes horse-shoes to his buildings*» [Lawrence, 1898. P. 89].

²³ «In this region [Shropshire], *an old horse-shoe* placed above the door of a bedroom is a preventive of the *night-mare*» [Ibid. P. 90].

3. Амбивалентность репрезентанта *horseshoe* концепта *SUPERSTITION*

Введенный в начале XX в. швейцарским психиатром Эйгеном Блейлером термин *амбивалентность* (от *лат.* *ambo* – оба; *valentia* – сила) в настоящее время широко используется в гуманитарных науках, когда речь идет о неоднозначности, двойственности, противоречивости какого-либо явления или объекта. Амбивалентность проявляется и в отношении подковы, которая, не меняя материальной природы, в своей «невидимой структуре» (ср. М. М. Маковский) может соединять противоположные понятия, образуя тем самым свою систему дихотомий.

3.1. Дихотомии репрезентанта *horseshoe* концепта *SUPERSTITION*

Согласно «Новой философской энциклопедии», дихотомия (от *греч.* *dichotomia* – разделение на две части) – это «метод классификации делением объема понятия на два соподчиненных его вида по схеме «противоречивой противоположности». При этом «члены деления не только исключают друг друга, но и логически несовместимы»²⁴.

В этнографии, благодаря Клоду Леви-Строссу, этот метод получил название «принцип бинарных оппозиций». Изучая примитивные сообщества, французский ученый-структуралист предложил универсальное средство рационального описания семантической структуры этого мира, суть которого в том, что два противоположных понятия рассматриваются в их связи. Анализ примеров со словом *horseshoe* позволил выделить девять пар с противоположными понятиями, одно из которых является утверждением, а другое – его отрицанием.

Дихотомия «ДОБРО vs ЗЛО» в философии, этике и религии относится к дихотомиям нормативно-оценочной категории. Как показали вышеприведенные примеры, найти подкову или подарить ее кому-либо связывается с добром. Однако эта мифологема не исключает того факта, что согласно другим или тем же верованиям в былые времена подкова могла использоваться ведьмами для исполнения своих злых умыслов: «Occasionally, though rarely, the horse-shoe is thought to have been employed by the witches themselves in furtherance of their mischievous designs» [Lawrence, 1898. P. 115].

Дихотомия «ВЕРА vs СУЕВЕРИЕ» живет в той или иной мере в душе каждого человека, несмотря на возраст, пол, вероисповедание и даже образование. Так доктор Роберт Джеймс, английский врач и изобретатель знаменитого порошка от лихорадки, не стеснялся связывать свою удачу с однажды найденной на Вестминстерском мосту подковой. Свою веру (близкую к суеверию) он даже материализовал в семейном гербе, на котором красуется подкова²⁵. По свидетельству Лоренса, христианских священников связывала с подковой борьба с суевериями среди английских крестьян: они отказывались ставить клеймо в виде подковы на лоб коров и свиней, чтобы уберечь этих животных от болезней²⁶.

Дихотомия «ЯЗЫЧЕСТВО vs ХРИСТИАНСТВО». С точки зрения христианства, подкова в качестве амулета или как символ удачи не имеет ничего общего с христианской религией, поскольку является суеверным символом с языческим душком [Lawrence, 1898. P. 111]. Лоренс считает, что хотя подкова и является для британцев своеобразным культурным наследием, но это все-таки варварский знак, и потому недостойн упоминания в одном ряду со священным крестом [Ibid.].

Дихотомия «САКРАЛЬНОЕ vs ПРОФАННОЕ». По определению французского философа и социолога Роже Кайуа, сакральное и профанное «это две взаимодополнительные среды», «два мира», которые «могут быть определены лишь один через другой. Они взаимно исключают и взаимно дополняют друг друга» [Кайуа, 2003. С. 151].

²⁴ Новая философская энциклопедия. Институт Философии РАН, 2018. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01e204fd7ac6d4d2b8bae3e1> (дата обращения: 27.07.2020).

²⁵ «The sincerity of his faith was attested by the adoption of the horse-shoe as his family crest» [Lawrence, 1898. P. 113].

²⁶ «Some priests are wont to brand cows and pigs on the forehead with the mark of a horse-shoe, to insure them against disease» [Ibid.].

С одной стороны, профанная (пыльная и ржавая) подкова на дороге становится христианским символом: по форме – нимбом, который венчает голову Богородицы, по содержанию – символом девичьего целомудрия²⁷; с другой стороны, есть предположение, что подкова связана символически с буквой V (первая буква в слове Virgo, Дева) – знаком, который используется в церковных книгах для обозначения семейного положения, а именно – «незамужняя»²⁸.

Дихотомия «КОНКРЕТНОЕ vs АБСТРАКТНОЕ» хорошо прослеживается в современных английских словарях, в которых к слову *horseshoe* дается два его основных значения: конкретное – кусочек железа в форме U, который крепится к копыту лошади, «1. Image of horseshoe a U-shaped piece of iron that is fixed onto the bottom of a horse's foot», и абстрактное – символ удачи, «2. an object in the shape of a horseshoe that is a sign of good luck»²⁹.

Дихотомия «ВЕРТИКАЛЬ vs ГОРИЗОНТАЛЬ». Вертикаль и горизонталь символизируют в англосаксонской культуре высший и низший миры, священную и профанную сферы. В анализе наших примеров ВЕРТИКАЛЬ включает в себя дихотомию «ВЕРХ vs НИЗ». Дихотомию, представляющую ГОРИЗОНТАЛЬ, мы назвали «К vs ОТ». Она выражает положение подковы, лежащей на дороге, по отношению к человеку: ее концы повернуты К нему или ОТ него.

В суеверном сознании бытовали разные мнения по поводу того, где подвешивать подкову. Одни считали, что подкову следует прибивать над дверью: «You will have good luck, if you find a horseshoe and hang or nail it over the door»³⁰. Другие были уверены в том, что ее место на заборе: «When you find a horseshoe, hang it on a fence for luck» [Ibid. P. 208].

Кроме того, в наивном сознании всегда возникал и до сих пор остается актуальным вопрос о том, как правильно подвешивать подкову – концами вверх (up) или вниз (down). Многие считают, что ее следует вешать наподобие буквы U, т. е. концами вверх, ибо в таком положении подкова, поймав удачу, сможет хранить ее внутри своего изгиба и не даст ей выскользнуть³¹. Другие же, напротив, доказывают, что концы подковы должны быть направлены вниз, поскольку в этом случае удача сможет изливаться на входящего в дом³². Приверженцы же U-версии уверены в обратном: повесить подкову концами вниз – плохая примета, так как в этом случае удача просто выпадет³³.

Показательным в этом отношении является стихотворение Джеймса Т. Филдса (James T. Fields) «The Lucky Horse-Shoe» («Счастливая подкова»), в котором визуальное восприятие обыгрывается в поэтической форме. Оно повествует о фермере, который найдя на дороге старую подкову, прибил ее к двери своего амбара концами вниз. И тут же был наказан, потому что Фортуна отвернулась от него: в тот год он не смог накосить сена, засуха уничтожила все овощи, а куры отказались нестись. О своем горе крестьянин поведал случайному путни-

²⁷ «The horse-shoe shaped gloria which crowns the head of the Virgin, the horse-shoe thus becoming the symbol of maidenly chastity» [Lawrence, 1898. P. 115].

²⁸ «It has been suggested, that the horse-shoe is a symbol of the V (or first letter of the word Virgo), which is used in church records to designate the unmarried state» [Ibid.].

²⁹ Longman Dictionary of Contemporary English, LDOCE Online, 2020. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/horseshoe> (accessed: 16.05.20).

³⁰ Superstitions: 10,000 You Really Need / by William Carroll (Ed.). San Marcos: Coda Publications, 1998. P. 209.

³¹ «This position is sometimes explained by saying that, so placed, the luck cannot spill out» [Lawrence, 1898. P. 106].

³² «They claim that hanging your horseshoe with the points down will ensure good luck pouring down on everyone who walks underneath and will pour good luck into the home» Good Luck Horseshoe. URL: <https://goodlucksymbols.com/good-luck-horseshoe/> (accessed: 06.04.2020).

³³ «...whereas to hang it with the ends pointing down, is bad luck as all the good luck will fall out» Horseshoes // Skeptical Inquirer, The Magazine for Science and Reason. January 13, 2004. URL: <https://skepticalinquirer.org/exclusive/horseshoes/> (accessed: 01.08.20).

ку. Тот рассмеялся и посоветовал фермеру прибить подкову концами вверх, чтобы Фортуна впредь благоволила ему ³⁴.

Дихотомия «К vs ОТ» является одной из характеристик ГОРИЗОНТАЛИ, которая символизирует земную поверхность. Положение найденной на дороге подковы по отношению к человеку является своеобразным знаком, сигнализирующим ему, стоит ли поднимать ее и нести в свой дом. Так, если подкова лежит концами **к** человеку, то это явный признак удачи ³⁵. Если же концы подковы расположены **от** нашедшего ее, то удача покинет его ³⁶.

Являясь символом, подкова имеет двойственную природу – божественную (небесная вертикаль) и земную (горизонтальная ось). Поэтому подкова, с одной стороны, символизирует небо, а с другой – крышу дома. Тем самым она выражает не только духовные (ожидание от божественных сил помощи и защиты от Зла), но и материальные потребности человека (счастье и удачу в земных делах) ³⁷.

Дихотомия «МУЖСКОЕ vs ЖЕНСКОЕ» в отношении подковы, прототипом которой является месяц, осмысливается в сексуальных терминах, используемых во многих религиях. Так, открытая вверх дуга лунного серпа означает женское начало; опущенная вниз, наподобие перевернутой чаши, из которой вытекает благодать – мужское [ЭСЗЭ, 2001. С. 295]. Упомянутый ранее сюжет «Дева Мария, попирающая полумесяц» подтверждает наличие такой семантики.

Анализируемая дихотомия имеет место и в символике чисел, связанных с подковой. Согласно учению пифагорейцев, нечетные числа считались символами мужского, в то время как четные – женского. Это объясняет тот факт, что «усилителями» удачи и защитой от нечистой силы были соответственно нечетные «мужские» числа «7» и «3».

Дихотомия «ПРАВОЕ vs ЛЕВОЕ» известна практически во всех культурах, но ее противоположные понятия трактуются по-разному. В западной культуре – как в язычестве, так и в христианстве – правое связано с положительной символикой – с активным, солнечным, мужским началом; левое – со слабым, пассивным, лунным, женским началом. В Японии же правое ассоциируется с лунным и женским началом, левое – с мужским, небесным, солнечным [Трессиддер, 1999. С. 291].

Что касается рекомендаций для нашедших подкову, то они противоречивы. Так, в «Superstitions: 10,000 You Really Need» дается совет просто бросить подкову через плечо (не указано, через какое) на счастье ³⁸. На следующей странице тот же источник рекомендует бросить ее через правое плечо ³⁹. Однако чаще всего нашедшему подкову советуют бросить ее через левое плечо, чтобы удача была обеспечена ⁴⁰. Это объясняется поверьем, согласно которому у каждого человека за правым плечом стоит ангел-хранитель, а за левым – дьявол.

Ритуал, приносящий удачу, на этом не заканчивался, поскольку на подкову надо было еще поплевать ⁴¹. Считалось, что слюна – это особая жидкость, обладающая как целительной, так и разрушающей силой в зависимости от того, в каких целях она использовалась. По древнему поверью англосаксов, плевок оберегал от ведьм и бесов [Трессиддер, 1999. С. 342]. Но чтобы на 100 % гарантировать удачу, следовало не только бросить подкову через левое плечо

³⁴ «He laughed outright and quickly said: / “No wonder skies upon you frown, / You’ve nailed the horse-shoe upside down; / Just turn it round, and soon you’ll see / How you and Fortune will agree”» [Lawrence, 1898. P. 106].

³⁵ «It is the sign of good luck to find a horseshoe with the prongs pointing toward you». Superstitions: 10,000 You Really Need / by William Carroll (Ed.). San Marcos: Coda Publications, 1998. P. 208.

³⁶ «When prongs of a found horseshoe point away from you, luck is also going away from you» [Ibid.].

³⁷ «Some say the horseshoe represents the heavens and also the roof of the home. It represents both the spiritual and material needs of humans». Good Luck Horseshoe. URL: <https://goodlucksymbols.com/good-luck-horseshoe/> (accessed: 06.04.2020).

³⁸ «Spit on a horseshoe that you have found and throw it over your shoulder for luck». Superstitions: 10,000 You Really Need / by William Carroll (Ed.). San Marcos: Coda Publications, 1998.

³⁹ «When you have found a horseshoe, throw it over your right shoulder and you will have good luck» [Ibid. P. 209].

⁴⁰ «To secure good luck, when you find a horseshoe, throw it over your left shoulder» [Ibid. P. 208].

⁴¹ «If you have found a horseshoe, spit on it and throw it over your left shoulder for luck» [Ibid.].

и плюнуть на нее, но и мгновенно загадать желание. При этом, чтобы загаданное исполнилось в назначенный срок, его нельзя было никому рассказывать⁴².

Дихотомия «СЧАСТЬЕ vs НЕСЧАСТЬЕ». Многочисленные примеры, приведенные нами ранее, демонстрируют, что в суевериях с подковой счастье перевешивает несчастье. Найти подкову – уже счастье, но степень везения увеличивается от количества оставшихся в ней гвоздей: их должно быть нечетное количество – 1, 3 или 7. Четное же количество гвоздей в подкове сулит несчастье.

Кроме этого, если нашедший не пройдет мимо подковы, поднимет ее, пятясь зайдет в дом и повесит ее концами вверх, то счастье тоже не пройдет мимо⁴³. Но если не поднять и не повесить найденную подкову, то неудача не заставит себя долго ждать⁴⁴. Счастье может принести только лошадиная подкова. Если же повесить над дверью подкову, потерянную мулом, то жди беды⁴⁵. Запрещено было также снимать подкову с мертвой лошади⁴⁶. Поднять сломанную подкову – к несчастью⁴⁷.

Выводы

1. История подковы уходит корнями в глубокую древность и восходит к дохристианской цивилизации. Подкова как амбивалентный символ может интерпретироваться в двух концептуальных системах – языческой и христианской. Астрономический атрибут языческих богинь – полумесяц – «переводится» на язык христианского богословия с измененной семантикой его символа. Своими особыми средствами подкова передает евангельское повествование мира трансцендентного на язык имманентный.

2. Современная культура сводит сакральное в подкове как символе христианства до уровня профанного, превращая ее в своеобразный симулякр для массового потребления. Современному человеку неведомо глубокое понимание древних образов и символов, в которых содержится информация о вечных ценностях, о вечной борьбе между Добром и Злом, индустриально раскрывается история народа.

3. Само слово *horseshoe* на протяжении веков не меняло свою форму. Что же касается содержания, то оно прошло сложную семантическую эволюцию, вобрав в себя как профанные, так и сакральные значения, превратясь в мифологему, наименьшую единицу мифа о Добре и Зле, кумулирующую сакральный смысл различных легенд, сказок, повествований, притч, в которых повествуется о магии подковы, ее способности приносить удачу или неудачу, защищать от злых духов или, напротив, становиться орудием против человека.

4. Мифологема *horseshoe* держится на своеобразном каркасе, опорами которого являются пять логико-онтологических категорий, объективных универсальных форм магического мышления и бытия. К ним относятся: категория «КАЧЕСТВО», категория «ЧИСЛО», категория «СЛУЧАЙНОСТЬ», категория «ПРОСТРАНСТВО» и категория «ВРЕМЯ».

5. Кроме этого, анализ примеров со словом *horseshoe* позволил выделить девять пар дихотомий: ДОБРО vs ЗЛО, ВЕРА vs СУЕВЕРИЕ, ЯЗЫЧЕСТВО vs ХРИСТИАНСТВО, САКРАЛЬНОЕ vs ПРОФАНОЕ, КОНКРЕТНОЕ vs АБСТРАКТНОЕ, ВЕРХ vs НИЗ, МУЖСКОЕ vs ЖЕНСКОЕ, ЛЕВО vs ПРАВО и СЧАСТЬЕ vs НЕСЧАСТЬЕ. Каждая дихотомия состоит из двух противоположных понятий, одно из которых является утверждением, а другое – его отрицанием, что создает антиномию, т. е. логически неразрешимое противоречие.

⁴² «An old superstition said that if you found an old horseshoe you should instantly spit on it, then throw it over your left shoulder making a wish at the same time». Good Luck Horseshoe. URL: <https://goodlucksymbols.com/good-luck-horseshoe/> (accessed: 06.04.2020).

⁴³ «If you see a horse lose shoe, pick it up and walk backwards into the house and hang it up for luck» Superstitions: 10,000 You Really Need / by William Carroll (Ed.). San Marcos: Coda Publications, 1998, 1998. P. 208.

⁴⁴ «Not to pick up and hang a horseshoe that you have found will cause you bad luck» [Ibid.].

⁴⁵ «If you find a muleshoe and hang it over the door, you will have bad luck» [Ibid.].

⁴⁶ «It is unlucky to remove a shoe from dead horse» [Ibid.].

⁴⁷ «Picking up a broken horseshoe means bad luck» [Ibid.].

Тем самым создаются также благоприятные предпосылки и условия для живучести самого суеверия, связанного с подковой.

Заключение

Проведенное исследование семантики англосаксонских суеверий и семантической структуры слова *horseshoe* выявило, что внутреннюю структуру имеет не только сам концепт, но и его репрезентанты.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Обладают ли репрезентанты концепта одинаковой внутренней структурой или между ними есть определенные различия? Как коррелируют между собой категории и дихотомии самого концепта с категориями и дихотомиями его репрезентантов? Будет ли внутренняя структура универсальной для одноименных концептов в других языках и культурах, или универсально лишь ядро, в состав которого будет входить ограниченное количество онтологических категорий и дихотомий? Чтобы ответить на эти и другие вопросы, необходимы дальнейшие исследования в этом направлении.

Список литературы

- Бердяев Н. А.** Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
- Кайуа Р.** Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
- Книгин А. Н.** Учение о категориях. Томск: ТГУ, 2002. 193 с.
- Маковский М. М.** Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук, 1996. 329 с.
- Постовалова В. И.** Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.
- Степаненко В. А.** Кумуляция в семантике Имени Божьего в Ветхом и Новом Заветах // Слово в предложении: коллективная монография / Под ред. Л. М. Ковалёвой. Иркутск: ИГЛУ, 2010. С. 262–278.
- Степаненко В. А.** Метод моделирования в теолингвистике: креационная модель мироздания // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 467–488.
- Степаненко В. А.** Слово / Logos / Имя – имена – концепт – слова: сравнительно типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul» (на материале русского, немецкого и английского языков): Монография. Иркутск, 2006. 312 с.
- Lawrence, R. M.** The Magic of the Horse-shoe. With other folk-lore notes. Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company. Cambridge: The Riverside Press, 1898, 344 p.
- Stepanenko, V.** Ontologische Konzeptologie als eine der Richtungen in der Konzeptforschung: Tradition und Innovation. In: Die Sprache und ihre Wissenschaft zwischen Tradition und Innovation. Akten des 45. Linguistischen Kolloquiums in Veszprém 2010 / József Tóth (Hrsg./ED.) Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2015, p. 185–195.

Список словарей

- Тресиддер Д.** Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- ЭСЗЭ** – Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Автор-сост. В. Андреева [и др.]. М.: Астрель; МИФ: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 576 с.
- Richards, J. C., Schmidt, R.** Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. Harlow, England; London etc.: Pearson Education Limited, 2010. 644 p.
- The Encyclopedia of Superstitions** / ed. by Christina Hole. New York: Barnes & Noble Books, 1996, 384 p.
- Tresidder, J.** The Watkins Dictionary of Symbols. London: Watkins Publishing, 2008, 256 p.
- Webster, R.** The Encyclopedia of Superstitions. Woodbury: Llewellyn Publications, 2008, 322 p.
- Webster's New Encyclopedic Dictionary.** NY: BD&L, 1993. 1787 p.

References

- Berdyayev, N. A.** Philosophy of the free spirit. Moscow: Republic, 1994, 480 p. (in Russ.)
- Cailliois, R.** Myth and man. Man and the sacred. M.: OGI, 2003, 296 p. (in Russ.)
- Knigin, A. N.** Teaching about categories. Tomsk: TSU, 2002, 193 p. (in Russ.)
- Lawrence, R. M.** The Magic of the Horse-shoe. With other folk-lore notes. Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company. Cambridge: The Riverside Press, 1898, 344 p.
- Makovsky, M. M.** Language – myth – culture. Symbols of life and life of symbols. M.: Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 1996, 329 p. (in Russ.)
- Postovalova, V. I.** Science of language in the light of the ideal of integral knowledge: In search of integral paradigms. M.: LENAND, 2016, 272 p. (in Russ.)
- Stepanenko, V. A.** Cumulation in the semantics of the Name of God in the Old and New Testaments. In: Word in a sentence: Monograph. Ed. by L. M. Kovaleva. Irkutsk: ISLU, 2010, p. 262–278. (in Russ.)
- Stepanenko, V. A.** Modeling method in theolinguistics: creation model of the universe. In: Linguocultural Studies. Logical analysis of language. Notion of faith in different languages and cultures. Eds. N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova. Moscow: Gnosis, 2019. P. 467–488. (in Russ.)
- Stepanenko, V. A.** Word / Logos / Name – names – concept – words: comparative typological analysis of the concept «Soul. Seele. Soul» (in Russian, German and English): Monograph. Irkutsk, 2006, 312 p. (in Russ.)
- Stepanenko, V.** Ontologische Konzeptologie als eine der Richtungen in der Konzeptforschung: Tradition und Innovation. In: Die Sprache und ihre Wissenschaft zwischen Tradition und Innovation. Akten des 45. Linguistischen Kolloquiums in Veszprém 2010 / József Tóth (Hrsg./ED.) Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2015, p. 185–195.

List of Dictionaries

- ESSE – Encyclopedia of symbols, signs, emblems / ed. V. Andreeva [et al.]. M.: LLC «Publishing house Astrel»: MYTH: LLC «Publishing house AST», 2001, 576 p. (in Russ.)
- Richards, J. C., Schmidt, R.** Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. Harlow, England; London etc.: Pearson Education Limited, 2010. 644 p.
- The Encyclopedia of Superstitions. Ed. by Christina Hole. New York: Barnes & Noble Books, 1996. 384 p.
- Tresidder, J.** The Dictionary of Symbols. M.: FAIR-PRESS, 1999. 448 p. (in Russ.)
- Tresidder, J.** The Watkins Dictionary of Symbols. London: Watkins Publishing, 2008. 256 p.
- Webster, R.** The Encyclopedia of Superstitions. Woodbury: Llewellyn Publications, 2008. 322 p.
- Webster's New Encyclopedic Dictionary. NY: BD&L, 1993. 1787 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
 23.08.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Степаненко Валентина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

Valentina A. Stepanenko, Doctor of Philology, Professor of the Romance-Germanic Philology Department, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

valentina.angara@gmail.com
 ORCID 0000-0002-0403-8706

Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея

О. И. Калинин^{1,2}, Д. В. Мавлеева²

¹ Военный университет Министерства обороны РФ
Москва, Россия

² Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

Аннотация

Целью статьи является сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ Китайской Народной Республики и Республики Корея. Теоретической базой исследования является дискурсивная теория метафоры, в рамках которой метафора рассматривается как неотъемлемая часть дискурса, когнитивный фрейм, функционирующий в рамках дискурса на протяжении определенного времени. Практическое исследование базируется на методологии критического анализа метафоры (Дж. Чартерис-Блэк). Материалом исследования выступили 750 заголовков и лидов новостных сообщений об эпидемии коронавируса для китайского языка, а также заголовки и лиды 2000 новостных сообщений для корейского языка. Исследование показало, что репрезентация образа вируса в СМИ РК и КНР основана на сходных метафорических моделях: ВИРУС – это ВРАГ / ПРОТИВНИК; ПРИРОДНОЕ БЕДСТВИЕ / ЯВЛЕНИЕ; ЖИВОЕ СУЩЕСТВО; ПРИЧИНА СТРАХА. При этом количественное распределение метафор, а также разница в метафорических импликациях свидетельствуют о значительных отличиях в образе вируса. Кроме того, на материале СМИ РК и КНР мы можем проследить модели формирования общественного мнения в рамках двух отличных политических систем.

Ключевые слова

коронавирус, метафора войны, медиадискурс, метафорическая модель, репрезентация

Для цитирования

Калинин О. И., Мавлеева Д. В. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 99–109. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-99-109

Comparative Analysis of Coronavirus-Related Discursive Metaphors in PRC and ROK Media

Oleg I. Kalinin^{1,2}, Darya V. Mavleeva²

¹ Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

² Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation

Abstract

This article aims to compare the metaphorical representation of coronavirus in the Chinese and South Korean media. The theoretical basis of the research is Discursive Theory of Metaphor, which regards metaphor as an integral part of the discourse, as a cognitive frame that has functioned within the discourse over time. Critical Metaphor Analysis methodology (by Charteris-Black) is used to analyze metaphors. 750 headings and leads of coronavirus news reports in Chinese and 2000 headings and leads in Korean were used as the research material. The study found that the metaphorical models of the virus in Chinese and Korean media are practically similar: VIRUS is an ENEMY / OPPONENT; NATURAL DISASTER / PHENOMENA; LIVING BEING; REASON FOR FEAR. At the same time there

are significant differences in quantitative distribution of metaphors and in metaphorical implications. By studying news reports, we can trace the models of public opinion formation in the framework of two distinct political systems.

Keywords

coronavirus, war metaphor, media discourse, metaphorical model, representation

For citation

Kalinin, Oleg I., Mavleeva, Darya V. Comparative Analysis of Coronavirus-Related Discursive Metaphors in PRC and ROK Media. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 99–109. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-99-109

Введение

Эпидемия коронавируса, разразившаяся во всем мире в первой половине 2020 года, стала знаковым событием в мировой политике и экономике. Вирус, появившись в китайском городе Ухань, не только распространился на все страны мира, став причиной множества человеческих смертей, но и «инфицировал» мировую экономику, обрушив фондовые рынки и мировую политику, вызывая взаимные обвинения и порождая конспирологические теории.

При этом главным каналом распространения информации о вирусе и всех его последствиях, безусловно, являются средства массовой информации. Дискурс массмедиа создает в сознании массового адресата тот или иной образ болезни, формируя отношение к ней. Информация о вирусе, передаваемая СМИ, соотносится с уже имеющимися структурами знания, приобретает через них новые концептуальные признаки и, как следствие, категоризируется. Как известно, соотнесение какого-либо явления с той или иной категорией в сознании влияют на формирование отношения к этому явлению.

Кроме того, именно СМИ во многом отражают государственную политику по борьбе с вирусом, как это было, например, в Китае. Как известно, именно КНР стала первой страной, которая столкнулась в этой угрозой, и, как показало развитие событий, именно Китай продемонстрировал высокую эффективность в борьбе с пандемией внутри своей страны¹.

Республика Корея также продемонстрировала впечатляющую эффективность в борьбе с распространением вируса. Столкнувшись с болезнью раньше Европы и США, правительство Кореи смогло провести ряд мероприятий, которые привели к локализации болезни, что позволило не допустить эпидемии. На наш взгляд, не последнюю роль в этом сыграли и средства массовой информации Республики Кореи. Репрезентация образа вируса в полной мере соответствовала национальному характеру и тем самым способствовала мобилизации нации в нужный момент.

На наш взгляд, значительную роль в репрезентации вируса в дискурсе массмедиа играет процесс метафоризации. Когда автор текста статьи или репортажа переносит черты вируса (сфера-цель) на другие области человеческого знания (сферы-источники), он, вне всякого сомнения, затрагивает глубинные когнитивные структуры своих читателей, оказывая мощное воздействие на создание образа.

Цель и гипотеза исследования

Основной целью данной работы является сравнительный анализ метафорической репрезентации коронавируса в китайских и южнокорейских СМИ и выявление взаимосвязи этой репрезентации с экстралингвистическими факторами.

Мы отталкиваемся от предположения о том, что метафорический образ коронавируса может быть связан с эпидемиологической ситуацией внутри страны, а также с особенностями внутривластной ситуации. В этой связи в данном исследовании будет проверяться следующая гипотеза.

¹ См.: Калинин О. И. Дискурсивная метафора вируса в СМИ КНР // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 8 (837). В печати.

Репрезентация вируса в СМИ КНР и РК представляет собой развернутую дискурсивную метафору со сферой-источником ВОЙНА, содержание которой меняется в зависимости от экстралингвистических факторов, а именно от специфики распространения вируса внутри страны и внутривнутриполитической ситуации.

Для подтверждения данной гипотезы и достижения поставленной цели было проанализировано 750 заголовков и лидов (1–2 предложения в начале новостной статьи, которые обычно в полной мере отражают содержание всей статьи) новостных сообщений на китайском языке. Мы исследовали по 15 новостей ежедневно в течение 50 дней с 21 января по 10 марта 2020 года, то есть в период, когда распространение вируса в Китае было наиболее масштабным. Материал для анализа на корейском языке был представлен 2000 новостными сообщениями в период с 1 января по 22 апреля 2020 года. Для корейского языка был выбран более протяженный по сравнению с китайским языком интервал времени ввиду более позднего времени проникновения болезни на территорию Республики Корея и, соответственно, более позднего момента стабилизации ситуации.

Для достижения поставленной выше цели был последовательно решен ряд исследовательских задач.

1. Проведен контент-анализ заголовков и лидов для каждого из языков.
2. Выявлены основные метафорические модели, используемые для репрезентации нового коронавируса.
3. Установлено содержание метафоры ВОЙНЫ (ее импликаций) для китайского и южнокорейского дискурсов.

Следует сделать небольшое отступление для пояснения термина метафорическая импликация (metaphoric entailment). З. Ковечеш указывает: «Сфера-источник часто проецирует на сферу-цель дополнительные смыслы, которые выходят за рамки базового значения» [Kövecses, 2005. С. 7]. Эти дополнительные смыслы называют импликациями концептуальной метафоры.

4. Проведено сравнение полученных результатов для дискурсов массмедиа на китайском и корейском языках.

На наш взгляд, подобный анализ позволит не только получить представление о том, как формируется образ нового вируса в массмедийном дискурсе Китая и Кореи, но и понять, какова роль СМИ в борьбе с вирусными эпидемиями.

Теоретические основы исследования

Теоретической базой нашей работы послужила теория концептуальной метафоры (CMT) [Kövecses, 2016; Lakoff, Johnson, 1980], а также дискурсивная теория метафоры [Hülse, 2003; Walter, Helmig, 2005]. Кроме того, мы обращались к работам по критическому дискурсивному анализу (CDA) [Simpson, Mayr, Statham, 2018a; Weiss, Wodak, 2003; Wodak, Meyer, 2009] и критическому анализу метафоры [Charteris-Black, 2004; Simpson, Mayr, Statham, 2018b].

Основной задачей критического дискурсивного анализа является выявление и интерпретация метафорических моделей дискурса в их взаимосвязи с экстралингвистическими факторами. В рамках данного подхода фокус исследователя смещается с процессов формирования метафорических моделей на воздействие, которое они оказывают на коллективное сознание.

Теория критического анализа метафоры, которая легла в основу одноименного метода исследования (Critical Metaphor Analysis), принадлежит Дж. Чартерису-Блэку [Charteris-Black, 2004]. Путем анализа метафорических моделей дискурса исследователь стремится выявить имплицитную информацию, которую автор текста в него вкладывает. Данный метод применим для анализа дискурса различных языков и получил свое дальнейшее развитие в теоретическом и прикладном аспектах [Li, 2016; Simpson, Mayr, Statham, 2018b].

Исследования в области дискурсивного подхода к метафоре были начаты немецкими лингвистами Й. Вальтером, Й. Хелмигом, Р. Хюльссе [Hülse, 2003; Walter, Helmig, 2005]. Они впервые обращают внимание на то, что метафора это не только когнитивный феномен, но

и социальный. В метафоре находят свое отражение определенные категоризационные структуры, выраженные имплицитно, которые оказывают влияние на конструирование реальности в обществе [Hülse, 2003a; Hülse, 2003b].

Под дискурсивной метафорой Й. Зинкен и др. понимают «относительно стабильную метафорическую проекцию, которая функционирует как ключевой фрейм внутри определенного дискурса на протяжении некоторого времени» [Zinken, Hellsten, Nerlich, 2008]. Таким образом, для отнесения метафоры к дискурсивной необходимо наличие каждого из следующих критериев: протяженность, стабильность, фреймовый характер и принадлежность к определенному дискурсу.

Данное исследование базируется на понимании двойственной природы метафоры: она функционирует как когнитивный и как дискурсивный феномен. Метафорические проекции в рамках медийного дискурса способны оказывать значительное влияние на конструирование общественного мнения и на репрезентацию общественно-политических процессов в коллективном сознании граждан той или иной страны. Критический анализ метафорических дискурсивных моделей коронавируса в китайских и южнокорейских СМИ позволит подтвердить данный тезис и внести небольшой вклад в развитие целостной теории дискурсивной метафоры.

Результаты исследования

В результате анализа 750 новостных сообщений на китайском языке выявляются четыре наиболее характерные метафорические модели для концептуализации нового коронавируса в дискурсе массмедиа Китая и Кореи: ВИРУС – ВРАГ / ПРОТИВНИК (БОРЬБА с вирусом – это ВОЙНА), ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ВИРУС – ПРИРОДНОЕ БЕДСТВИЕ, ВИРУС – причина СТРАХА. Для китайского языка выявлено 611 метафор, для корейского – 681 метафора. Распределение выявленных моделей по сферам-источникам и соотношение метафорических моделей для китайского и корейского медиадискурсов представлены на рис. 1 и 2 соответственно.

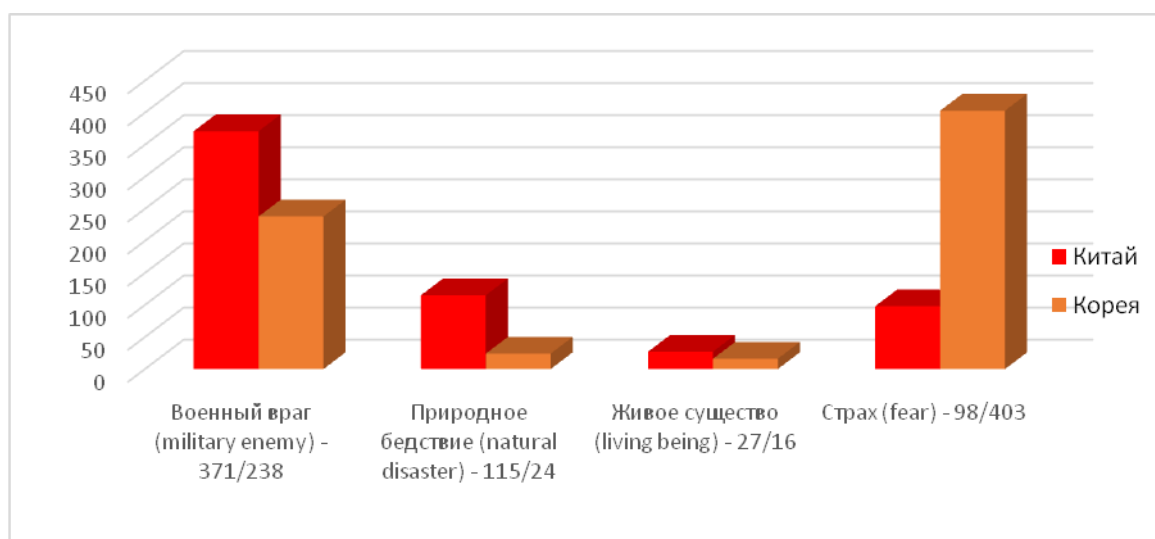

Рис. 1. Частотность метафорических моделей вируса в китайском и корейском медиадискурсах
Fig. 1. The frequency of VIRUS metaphor models in Chinese and Korean discourses

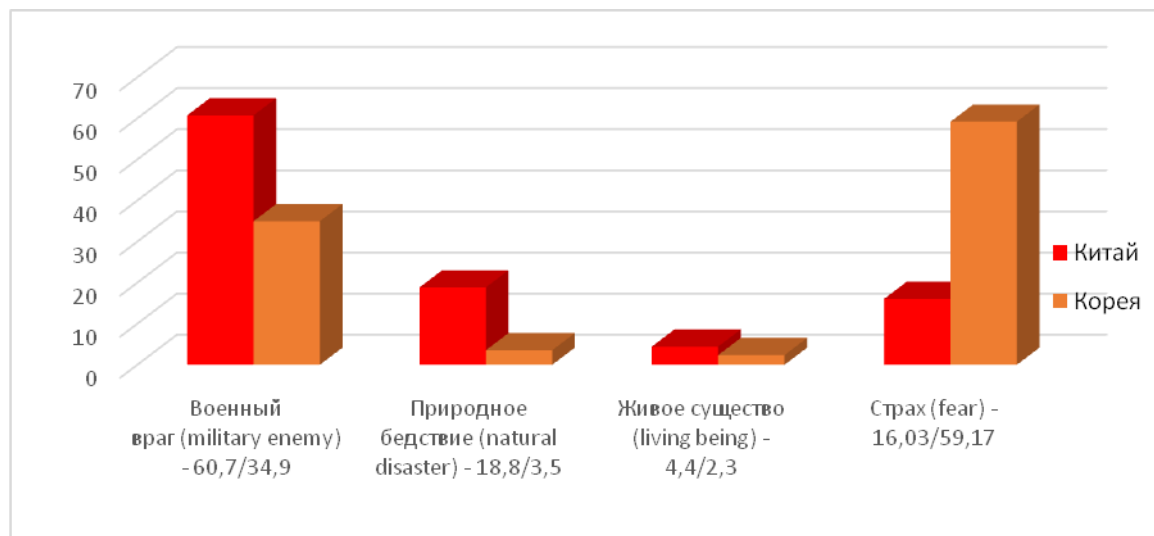

Рис. 2. Процентное соотношение метафорических моделей вируса в китайском и корейском медиадискурсах
Fig. 2. VIRUS metaphor models percentage ratio in Chinese and Korean discourses

Прежде всего стоит отметить, что состав метафорических моделей для обоих языков очень близок, однако количественное распределение указанных моделей сильно отличается. Это имплицитно связано с содержанием социокультурного контекста.

Метафоры войны часто используются для описания различных эпидемий, пандемий и болезней: рак [Camus, 2009], СПИД [Sandahl, 2001], свиной грипп [Larson, Nerlich, Wallis, 2005], эбола [Trčková, 2015], атипичная пневмония [Washer, 2004] и другие. С помощью военных терминов описывается борьба с чумой в Маньчжурии в «Марше шпионов» Р. Киплинга [Боголюбов, 2020]. Причиной использования метафор войны является то, что в период пандемии люди стремятся к борьбе с ней, а крайней формой противоборства выступает именно война.

Для китайских СМИ наибольшую долю имеет метафорическая модель со сферой-источником ВОЙНА – 60,7 % всех метафор. Средством вербализации метафор выступают военные термины, такие как 抗击 kàngjī «контратаковать, дать отпор»; 动员 dòngyuán «мобилизовывать»; 消灭 xiāomiè «уничтожать, ликвидировать»; 杀灭 shāmiè «уничтожать, истреблять»; 预防 yùfáng «предотвращать»; 打击 dǎjī «наносить удар»; 打赢 dǎyíng «побеждать» и другие. При этом стоит отметить, что термин 打赢 dǎyíng «побеждать» стал превалировать в заголовках с середины февраля, когда ситуация с эпидемией стала значительно улучшаться. В данном контексте интересен и неологизм 战疫 zhànyì – «война с эпидемией» (частотность – 27 раз).

Для метафоры «борьба с ВИРУСОМ – это ВОЙНА» в дискурсе китайских массмедиа были выявлены 6 импликаций, количественное и процентное распределение которых представлены в табл. 1.

Метафорическая модель со сферой-источником ВОЙНА в корейском медиадискурсе встретилась 238 раз, что составило 35 % от числа всех метафор. Используемая в лидах и заголовках военная лексика представлена следующими словами: 차단 [чхадан] «заграждение»; 방어벽 [паньобёк] «оборонительная стена»; 직격탄 [чиккектхан] «точный удар по чему-то»; 타격 [тхагёк] «удар»; 방어 [паньо] «оборона»; 폭발 [пхокпаль] «взрыв»; 싸움 [ссаум] «борьба»; 항복 [ханьбок] «капитуляция»; 전시 [чонси] «военное время»; 칼 [кхаль] «нож»;

최전선 [чхвечонсон] «передняя линия фронта», 스텔스 코로나 [сытхелсы кхорона] «невидимая корона».

Таблица 1

Импликации метафорической модели ВОЙНА
в китайском дискурсе массмедиа

Table 1

WAR metaphor model's implications in Chinese media discourse

Импликация	Количество	%
Борьба с вирусом – это защита от врага	117	31,53
Борьба с вирусом – это нападение на врага	105	28,30
Медицинские работники – герои войны	72	19,41
Борьба с вирусом – общая война	29	7,82
Китай – поле боевых действий	32	8,62
Больные – жертвы войны	5	4,31

Лексемы, связанные с непосредственными боевыми действиями («война» 전쟁 [чончжэнь], «поле боя» 전쟁터 [чончжэньтхо], «победа» 승리 [сынни] и 돌격대 [тольгёктэ] «штурмовой отряд») практически всегда использовались только при описании борьбы с коронавирусом в Китае, чтобы не вызывать паники среди населения страны. Корейская же «война» против эпидемии носила более оборонительный характер, «удары» наносил только противник, в данном случае – коронавирус. При этом также отметим немаловажный факт: в отличие от китайского языка в корейском для метафорической модели было выбрано стилистически менее окрашенное и потому менее «воинственное» название ПРОТИВНИК, а не враг. Об имплицитном южнокорейском миролюбии в символическом пространстве свидетельствует и то, что в Южной Корее практически никогда не заявляли о ведении войны с врагом. Если про борьбу с вирусом в Китае в корейских СМИ говорили как о «войне» 전쟁 [чончжэнь], то при описании противоэпидемиологических мероприятий в самой Корее использовали более нейтральную лексику: 싸움 [ссаум] «борьба»; 차단 [чхадан] «заграждение». Таким образом «война с вирусом» носила более скрытый характер.

Импликации метафоры ВОЙНЫ для описания борьбы с коронавирусом в корейских медиа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Импликации метафорической модели ВОЙНА
в корейском дискурсе массмедиа

Table 2

WAR metaphor model's implications in Korean media discourse

Импликация	Количество	%
Борьба с вирусом – это защита от противника (в Корее) (ВИРУС – ПРОТИВНИК)	135	56,72
Борьба с вирусом – это нападение на врага (в Китае) (ВИРУС – это ВРАГ)	92	38,65
Медицинские работники – герои войны	6	2,52
Борьба с вирусом – общая война	3	1,26
Корея – поле боевых действий	0	0
Больные – жертвы войны	2	0,84

Большое количество метафор в китайских СМИ принадлежали модели «ВИРУС – ПРИРОДНОЕ БЕДСТВИЕ». В данном случае вирус воспринимался как своего рода опасная стихия. Иногда данная метафорическая модель основывалась на конкретных сравнениях с ураганом (3 упоминания) или землетрясением (4 упоминания), но чаще всего в прессе использовались лексемы 天灾 tiānzāi «стихийное бедствие, непреодолимая сила», 灾害 zāihài «бедствие, несчастье», 灾难 zāinàn «бедствие, катастрофа».

В корейском медийном дискурсе данная метафорическая модель несколько отличается содержательно. В Корее коронавирус чаще описывали в указанный период не как БЕДСТВИЕ, а как ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ. Эта метафорическая модель была не очень популярной и составила примерно 3,5 %. Среди интересных примеров метафор данной группы можно привести 코로나 질금질금 [кхорона чильккымчильккым] «корона то капает, то нет»; 기세 [кисе] «дух»; 뿌리겠다 [пхуригетта] «прорастать корнями»; 강풍 [каньпхун] «шторм / буря»; 암초 [амчхо] «скала»; 폭풍전야 고요 [пхокпхунъчоня коё] «затишье перед бурей»; 기승을 부리다 [кисынъыль пурида] «зверствовать / быть сильным»; 눈덩이처럼 불어나 [нундонъичхором пурина] «прилетать как снежные шары»; 지침 바꾼다 [чичхим паккунда] «менять курс».

Примечательно и то, что среди данных метафор есть отсылка к Северной Корее. Скорость распространения коронавируса описывается при помощи метафоры 천리마 [чхоллима] «крылатый конь, преодолевающий тысячу ли в день». Однако, если «посторонним» наблюдателям этот факт обычно ничего не говорит, то южнокорейский адресат знает, что это выражение чаще используется именно в КНДР: так называется северокорейский танк, ветка метро, сборная по футболу, движение Чхоллима (аналог стахановского движения в СССР).

В отдельную метафорическую модель была выделена проекция «ВИРУС – ПРИЧИНА СТРАХА», так как в данном случае основой для переноса было только следствие «появление страха», при этом источник страха не упоминался никак. Подобные метафоры в китайском дискурсе составили 16 % от всех метафорических моделей, а количество употреблений этой метафоры составило 98 случаев. Например, 担忧之时 «во времена тревоги», 是人类最害怕最讨厌的病毒之一 «один из наиболее пугающих и ненавидимых вирусов».

Для корейского дискурса эта метафорическая модель явилась наиболее частотной, она составила 59,17 % всех метафор. В заголовках встречаются следующие выражения: 코로나 공포 [кхорона конъпхо] «страх коронавируса»; 우려 [урё] «беспокойство»; 불안감 [пурангам] «тревога»; 악몽 [анъмон] «страшный сон»; 시름 [сирым] «страх». Ситуация с коронавирусной пандемией закономерно используется южнокорейской прессой в информационной войне с КНДР, о чем свидетельствует метафора 코로나 북한만큼 무섭다 [кхорона пукханманкхым мусопта] «коронавирус страшен как Северная Корея». Страх имплицитно и неологизм 코로나블루 [кхоронабыллу] – коронавирус + фонетическая адаптация английского слова *blue* «испуганный, унылый, подавленный».

Наименее частотной метафорической моделью для обоих дискурсов стала метафора «ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО». В китайском языковом материале количество таких метафор составило – 27, а в корейском – 16, что в процентном соотношении составило – 4,4 и 2,3 % соответственно. В эту группу были включены все метафорические модели, которые связаны с механизмами олицетворения и сравнением с человеком или животными, реальными и мифологическими. Например, 疫情肆虐 – «эпидемия свирепствует», 病毒虽然凶猛 – «хотя вирус и свирепый». Осмысление вирусной инфекции через что-то живое во многом отражает характерные для китайской культуры мифологические особенности восприятия природы. В корейском же медиадискурсе для создания образа вируса как живого существа использовалась медицинская метафора 기침 [кичхим] «кашель» – «коронавирус кашляет на экономику». Также можно выделить выражения 코로나 꿈틀대다 [кхорона ккумтхыльтэда] «корона

шевелится»; 코로나 비명 [кхорона пимёнъ] «корона выносит смертный приговор»; 베일을 벗다 [беирыл потта] «снимать вуаль»; 영악한 코로나 [ёнъакхан кхорона] «манипулятивная корона»; 코로나 창궐 [кхорона чханъгволь] «ярость короны».

Обсуждение

Образ коронавируса в СМИ КНР формируется посредством метафор войны, стихийного бедствия и страха. Вирус становится врагом, а борьба с ним – войной. При этом вирус – это стихийный враг, который вызывает страх и тревогу. Однако доминирование военных метафор формирует образное представление о вирусе как о враге: можно и нужно не только бороться с ним, но и побеждать его. Таким образом в сознание внедряется мысль, что враг не так и ужасен, не очень опасен, не всегда смертоносен и, возможно, не принесет серьезных последствий. Борьба с коронавирусом при этом требует мобилизации усилий всего народа, она носит характер защиты от внешнего врага, что очень сходно с традиционной китайской моделью «ответа на внешние вызовы». Так, борьба с коронавирусом предполагает активные и согласованные действия и правительства, и народа, которые, согласно медиаповестке, должны «нанести удар» и «победить вирус».

Репрезентация образа вируса в СМИ Республики Кореи основана на сходных метафорических моделях, однако количественное распределение метафор, а также разница в метафорических импликациях свидетельствуют о значительных отличиях в образе вируса. Для корейского дискурса массмедиа коронавирус – это источник страха, неожиданный противник, который имеет суть природного явления, с которым нужно бороться, но не воевать. Массмедиа Кореи больше внимания уделяют «атакам» вируса на экономику, здравоохранительную систему, международные отношения, престиж Кореи, а не «атакам» Кореи на сам вирус. Борьба с вирусом в корейском медиапространстве представляется как «позиционная, скрытая война», которая состоит в принятии всех необходимых мер.

Важным моментом для понимания разницы в репрезентации вируса в двух странах являются отличия в политических системах КНР и РК. Как известно, политическая власть в Китае реализуется через органы власти КПК, которые, по сути, управляют страной в авторитарном формате. В Корее политическая система более демократична, парламент страны является выборным, а политическая система – многополярной. Это отчасти повлияло на стилистическую окраску собранного языкового материала, потому что как раз в разгар вспышки заболевания в мире, 15 апреля, в Корее проходили парламентские выборы, и вопрос борьбы с вирусом стал ключевым в политической борьбе партий. Оппозиционные газеты, пытаясь переложить ответственность за сложившуюся ситуацию на правящую партию, много писали о возможных «ужасных последствиях» вируса, что привело к увеличению числа метафорических проекций СТРАХА на страницах газет. В Китае с его монополярной системой власти компартия стремилась не допустить паники среди населения, поэтому метафора СТРАХА была в газетном дискурсе значительно менее частой.

Использование метафоры ВОЙНА, которая является крайне характерной для репрезентации массовых заболеваний, в двух дискурсах также отличалось. В Китае четко прослеживается следующая стратегия борьбы с заболеванием: сначала – оборона, потом – переход в наступление и победа. «Война с вирусом» рассматривается при этом как народная война, у которой есть свои герои и которая не обходится без жертв. В Корее милитарная тональность стилистики речи, направленной на борьбу с вирусом внутри страны, гораздо более сдержанная: символическое моделирование в Корее не предполагало активного нападения на вирус, пропагандировались только меры по сдерживанию его распространения, чтобы избежать волны массового заражения. Напротив, военные термины гораздо активнее использовались в китайском сценарии распространения вируса и пропаганде действий китайских властей.

Таким образом, мы имеем дело с двумя моделями формирования общественного мнения относительно противодействия угрозам социальной стабильности в рамках двух отличных политических систем: авторитарной и демократической. В КНР политическая власть имеет ресурс для всеобщей мобилизации усилий народа по борьбе с угрозой и быстрого формирования (мобилизации) общественного мнения, а также по недопущению паники среди населения. В Корее «вирусная повестка» становится темой для предвыборной конкуренции, и правительство вынуждено избирать отличную от китайской стратегию сдерживания панических настроений, а именно в меньшей степени использовать военную стилистику. Стоит отметить, что использование обеих стратегий было скоординировано с реальными действиями органов власти. Оба варианта согласуются с реальной внутриполитической обстановкой в стране и, как следствие, обе стратегии были эффективны в сдерживании распространения вируса.

Выводы

Исследование репрезентации коронавируса в китайских и южнокорейских медиа позволило сравнить модели репрезентации образа вируса в КНР и РК. Среди причин выявленных различий стоит выделить внутриполитическую ситуацию, в том числе базовые отличия в политическом строе, а также другие экстралингвистические факторы, такие как количество заболевших и выздоровевших. Таким образом, формирование общественного мнения о новом вирусе развивалось параллельно мерам по координации действий властей, касающихся борьбы с пандемией.

Результаты нашего исследования подтвердили роль метафоры в отражении окружающей действительности, а также в формировании коллективных взглядов на нее. Таким образом, метафорические проекции в рамках медиадискурса оказывают значительное влияние на конструирование общественного мнения.

Список литературы

- Боголюбов А. Ф.** Bring us deliverance, spy! (прочтения Марша шпионов Киплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Camus, J.** Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press. *Discourse Stud.*, 2009, vol. 11, № 4, p. 465–495.
- Charteris-Black, J.** Corpus approaches to critical metaphor analysis. Hampshire, Palgrave Macmillan Book Company, 2004, 263 p.
- Hülse, R.** Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern. *Zeitschrift für Int. Beziehungen*, 2003, vol. 10, № 2.
- Kövecses, Z.** Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 314 p.
- Kövecses, Z.** Conceptual metaphor theory. In: Routledge Handb. Metaphor Lang, 2016, p. 13–27.
- Lakoff, G., Johnson, M.** Metaphors we live by. Chicago, The University of Chicago Press, 1980.
- Larson B., Nerlich B., Wallis P.** Metaphors and biorisks: The war on infectious diseases and invasive species. *Sci. Commun.*, 2005, vol. 26, № 3, p. 243–268.
- Li, W.** Rethinking Critical Metaphor Analysis. *Int. J. English Linguist.*, 2016, vol. 6, № 2, p. 92.
- Sandahl, C.** Performing metaphors: AIDS, disability, and technology. *Contemp. Theatr. Rev. Perform. Disabil.*, spec. iss., 2001, vol. 11, p. 49–60.
- Simpson, P., Mayr, A., Statham, S.** Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. In: Language and Power. Second edition. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, Routledge, 2018a, p. 58–65.

- Simpson, P., Mayr, A., Statham, S.** Critical Metaphor Analysis. In: *Language and Power*. Second edition. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, Routledge, 2018b, p. 229–236.
- Trčková, D.** Representations of Ebola and its victims in liberal American newspapers. *Top. Linguist.*, 2015, vol. 16, № 1, p. 29–41.
- Walter, J., Helmig, J.** Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors. In: *ECPR Granada Workshop Metaphors in Political Science*, 2005.
- Washer, P.** Representations of SARS in the British newspapers. *Soc. Sci. Med.*, 2004, vol. 59, № 12, p. 2561–2571.
- Weiss, G., Wodak, R.** Critical discourse analysis: Theory and interdisciplinarity, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2003.
- Wodak, R., Meyer, M.** Methods of critical discourse analysis. 2nd ed. London, Sage, 2009.
- Zinken, J., Hellsten, I., Nerlich, B.** Discourse metaphors. *Discourse*, 2008, p. 1–25.

References

- Bogolubov, A. F.** Bring us deliverance, spy! (Interpretations of The Spies' March in Time of the Media War and Pandemic). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, no. 2, p. 132–153. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Camus, J.** Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press, *Discourse Stud.*, 2009, vol. 11, № 4, p. 465–495.
- Charteris-Black, J.** Corpus approaches to critical metaphor analysis. Hampshire, Palgrave Macmillan Book Company, 2004, 263 p.
- Hülse, R.** Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern. *Zeitschrift für Int. Beziehungen*, 2003, vol. 10, № 2.
- Kövecses, Z.** Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 314 p.
- Kövecses, Z.** Conceptual metaphor theory. In: *Routledge Handb. Metaphor Lang*, 2016, p. 13–27.
- Lakoff, G., Johnson, M.** Metaphors we live by. Chicago, The University of Chicago Press, 1980.
- Larson B., Nerlich B., Wallis P.** Metaphors and biorisks: The war on infectious diseases and invasive species. *Sci. Commun.*, 2005, vol. 26, № 3, p. 243–268.
- Li, W.** Rethinking Critical Metaphor Analysis. *Int. J. English Linguist.*, 2016, vol. 6, № 2, p. 92.
- Sandahl, C.** Performing metaphors: AIDS, disability, and technology. *Contemp. Theatr. Rev. Perform. Disabil.*, spec. iss., 2001, vol. 11, p. 49–60.
- Simpson, P., Mayr, A., Statham, S.** Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. In: *Language and Power*. Second edition. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, Routledge, 2018a, p. 58–65.
- Simpson, P., Mayr, A., Statham, S.** Critical Metaphor Analysis. In: *Language and Power*. Second edition. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, Routledge, 2018b, p. 229–236.
- Trčková, D.** Representations of Ebola and its victims in liberal American newspapers. *Top. Linguist.*, 2015, vol. 16, № 1, p. 29–41.
- Walter, J., Helmig, J.** Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors. In: *ECPR Granada Workshop Metaphors in Political Science*, 2005.
- Washer, P.** Representations of SARS in the British newspapers. *Soc. Sci. Med.*, 2004, vol. 59, № 12, p. 2561–2571.
- Weiss, G., Wodak, R.** Critical discourse analysis: Theory and interdisciplinarity, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2003.
- Wodak, R., Meyer, M.** Methods of critical discourse analysis. 2nd ed. London, Sage, 2009.
- Zinken, J., Hellsten, I., Nerlich, B.** Discourse metaphors. *Discourse*, 2008, p. 1–25.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
11.07.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Калинин Олег Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия), Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (Москва, Россия)

Oleg I. Kalinin, PhD (Linguistics), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation), Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

okalinin.lingua@gmail.com
ORCID 0000-0002-1807-8370

Мавлеева Дарья Владимировна, старший преподаватель, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)

V. Darya Mavleeva, Senior Lecturer, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

selezneva_dv@mail.ru
ORCID 0000-0002-3749-4038

Юридические макроструктурные и микроструктурные фигуры как средство изображения буржуазного мира Франции

Е. С. Савина

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена выявлению и анализу юридических терминов, к которым М. Пруст прибегает в начале второго тома романа «В поисках утраченного времени» (*À la recherche du temps perdu*) «Под сенью девушек в цвету» (*À l'ombre des jeunes filles en fleurs*) для характеристики различных ситуаций повседневной жизни представителей мира буржуазии. Мы применяем методы лексико-семантического анализа, а также методы, используемые в лингвостилистике, в частности в теории фигур (теорию макро- и микроструктурных фигур Ж. Молинье). В ходе работы были выделены юридические термины, относящиеся к области судебного процесса (*procès, juger la cause, erreur judiciaire*), административного права (*notification, commissaire-priseur*), уголовного права (*crime, criminel*), конституционного права (*républicain*) и гражданского права (*régime matrimonial*), которые автор употребляет для образного описания разнообразных ситуаций французской жизни. Наша статья вносит определенный вклад в исследование языка и стиля М. Пруста, области, в настоящее время, по сути, мало изученной лингвистами, несмотря на большое количество работ, посвященных писателю и его творчеству, и в частности, в изучение такого элемента его поэтики, как специальная, а именно юридическая лексика, сквозь призму теории фигур. Автор прибегает к юридической лексике для образного изображения настолько, казалось бы, далекой от области юриспруденции сферы, как искусство (театр и литература), а также различных человеческих и социальных отношений в буржуазной среде. Так, оценка актерской игры Бермы публикой и предполагаемых литературных талантов Марселя маркизом де Норпуа представлены как судебный процесс. Аристократическая холодность и надменность маркиза де Норпуа описываются с помощью терминов, относящихся к административному судопроизводству, напыщенность его речи передается гиперболой, основанной на употреблении термина из области уголовного права, а его консервативные политические взгляды – эвфемизмом, созданным на основе термина конституционного права. Неудачные попытки Марселя поближе познакомиться с семьей Жильберты, девушки, в которую он безответно влюблен, видятся ему одновременно как несправедливый судебный процесс и как тяжкое преступление. Термин из области гражданского права указывает на значимость социальных отношений в глазах поднимающейся буржуазии. Таким образом, используя юридические термины из различных отраслей права в составе самых разных макро- и микроструктурных фигур, М. Пруст описывает в своем романе различные общественные отношения, процессы и явления.

Ключевые слова

сравнение, стилистика, стилистические фигуры, юридическая лексика, юридическая терминология, юридические термины, язык и стиль Марселя Пруста

Благодарности

Автор хотел бы от всей души поблагодарить Елену Эмильевну Разлогову, Татьяну Ильиничну Тарасову и Ирину Николаевну Кузнецову за помощь в проведении настоящего исследования и за бесценную моральную поддержку.

Для цитирования

Савина Е. С. Юридические макроструктурные и микроструктурные фигуры как средство изображения буржуазного мира Франции // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 110–121. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-110-121

Legal Macrostructural and Microstructural Devices as a Means of Representing French Bourgeoisie

Elena S. Savina

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The present article is devoted to the determination and analysis of the legal terms Marcel Proust uses to characterize different situations of bourgeoisie's everyday life at the beginning of the second volume of his novel "In Search of Lost Time" ("À la recherche du temps perdu") "In the Shadow of Young Girls in Flower" ("À l'ombre des jeunes filles en fleurs"). We shall apply the methods of lexical and semantic analysis as well as the methods used in stylistics, particularly in the theory of figures of speech (namely, Georges Molinié's theory of macrostructural and microstructural figures of speech). We have identified a number of legal terms pertaining to the judicial process ("procès", "juger la cause", "erreur judiciaire"), the administrative ("notification", "commissaire-priseur") and civil law ("régime matrimonial"), the constitutional ("républicain") and criminal law ("crime", "criminel") the author resorts to in order to describe different social situations. Thus, we have contributed to the studies of Marcel Proust's language and style, the elements of his poetics being largely unexplored by the linguists despite a large number of books and papers on the writer and his works. We have analyzed special vocabulary through the theory of figures of speech, particularly legal terms that the author utilizes to represent the domains that are far away from those of law, such as art (theatre and literature) and all kinds of human and social relations in the bourgeois society. For example, the evaluation of Berma's acting by the spectators and the estimation of Marcel's literary aspirations are represented as a trial. Marquis Norpois's aristocratic coldness and arrogance are described with the terms of administrative judicial procedure. In his pretentious speech, he uses a hyperbole based on a term of criminal law. His conservative political views are also represented through a term of constitutional law. Marcel's attempts to get to know Gilberte's family better are perceived by him as an unfair trial and, at the same time, as a crime. The term of the domain of the civil law indicates the importance of some types of social relations, particularly marriage, in the eyes of emerging bourgeoisie. Thereby, using legal terms from multiple branches of law as a part of different macrostructural and microstructural figures of speech, Marcel Proust in his novel describes different social relations, processes and phenomena.

Keywords

Marcel Proust's language and style, similes, stylistics, stylistic devices, figures of speech, legal vocabulary, legal terminology, legal terms

Acknowledgements

The author would like to thank Elena Razlogova, Tatiana Tarasova and Irina Kuznetsova for their guidance and for their considerable support.

For citation

Savina, Elena S. Legal Macro- and Microstructural Devices as a Means of Representing French Bourgeoisie. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 110–121. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-110-121

Введение

Творчество М. Пруста исследовано с разных точек зрения. Так, Л. Очинклов анализировал образ повествователя, Марселя [1994]. Э. Хьюг изучал соотношение сознательного и бессознательного в романе «В поисках утраченного времени» [2010]. Б. А. Ангиссола обнаруживал неявные аллюзии и реминисценции, пояснял непонятные места текста, проводя фундаментальные филологические исследования [2013]. А. Уотт исследовал связь биографии автора с написанием его романа «В поисках утраченного времени», ставя акцент на творческом процессе [2013]. Т. М. Николаева, изучая связь текста с реальностью, приходит к выводу о том, что описываемых событий не было, а все происходящее есть лишь плод воображения тяжело больного человека на смертном одре [2012].

Тем не менее, насколько нам известно, современных работ, посвященных лингвистическим аспектам текстов М. Пруста, гораздо меньше. Фундаментальным российским трудом о поэтике писателя является книга А. Д. Михайлова [2012], но в ней анализируются в основ-

ном сюжет и система персонажей романа «В поисках утраченного времени». Из французских работ, посвященных изучению лексики писателя, привлекает внимание книга Э. Брюне, в которой впервые была предпринята попытка произвести компьютерный, прежде всего количественный, анализ языка автора [1983]. Наконец, из недавних исследований следует особенно выделить «Autodictionnaire Proust» П. Ассулина, в котором выявлены наиболее важные, на взгляд составителя, концепты М. Пруста и приводятся отрывки из текстов для того, чтобы показать, что о данных концептах думает сам писатель [2011].

В рамках данной работы мы продолжаем анализ стилистического функционирования юридической лексики в тексте указанного романа писателя. Как известно, М. Пруст получил степень лицензиата права (см., например, [Depambour-Tarride, 2007. Р. 159]), что не могло не найти отражения в языке его прозы и в ее образности. Действительно, юридическая терминология позволяет выстроить своеобразную модель общества, французского в частности, предписывая образцы должного и недолжного поведения его членов и социальных групп, принадлежащих в основном к буржуазии и аристократии. С помощью юридической лексики и правовых образов писатель может выносить имплицитные оценочные суждения о тех или иных ситуациях жизни своих персонажей.

Юридическая лексика анализируется в лингвистике с различных точек зрения. Так, В. А. Рогов и В. В. Рогов изучают особенности русского права со Средневековья по Новое время. Авторы, анализируя ключевые правовые понятия, такие как «закон», «обычай», «право», показывают, что они широко распространены во всех славянских языках и, следовательно, имеют старинное происхождение. В. А. Рогов и В. В. Рогов рассматривают право того времени в тесной связи с религиозностью, поскольку представления о праве тогда были неотделимы от веры. Авторы указывают на необходимость комплексно исследовать средневековое право и на значимость рассмотрения его именно с точки зрения людей той эпохи [2008]. И. А. Ндяй анализирует проблему перевода названий судебных инстанций в русском и в польском языках [2015].

Кроме того, выделяя данный языковой пласт, мы имеем в виду и специфичность семантики правовых терминов и квазитерминов по сравнению с научной или специальной лексикой. Юридическая лексика и особенно юридический дискурс характеризуются многозначностью, широкозначностью и некоторой «абстрактностью» изложения мысли, приводящей к тому, что для ее понимания обычному человеку требуется посредник в лице консультанта или адвоката. Данная черта обращала на себя внимание и раньше. Так, Т. Шокиров, анализируя таджикскую юридическую терминологию, приходит к выводу о том, что в области судебного языка употребляются в основном многозначные слова [2010]. То же свойство присуще и французскому юридическому языку, поскольку разнообразные многозначные слова, например, *prévenu*, могут иметь обиходное, общеупотребительное значение в общелитературном языке, а в рамках юридического языка функционировать как специальный термин. Ж. Корню также считает полисемию одной из фундаментальных особенностей французского юридического языка, а не негативным явлением, с которым надо бороться [Cornu, 2005. Р. 102–103].

Мы же изучим стилистическое функционирование некоторых юридических терминов в начале второго тома романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» (*À la recherche du temps perdu*) «Под сенью девушек в цвету» (*À l'ombre des jeunes filles en fleurs*), когда они входят в состав стилистических фигур, прежде всего образного сравнения, а также гиперболы и метонимии, или используются в составе эвфемизма. При этом под французскими юридическими терминами мы будем понимать, вслед за французским юристом Ж. Корню, все слова французского языка, которые имеют одно или несколько значений в области права [Cornu, 2005. Р. 14]. В нашей работе мы используем методы лексико-семантического и стилистического анализа. Текстовые значения юридических терминов уточнялись по одноязычным и двуязычным словарям, переводным и толковым, как общим, так и специальным юри-

дическим. Рассматриваемые нами термины далее мы классифицируем в зависимости от их семантики по тем областям и отраслям права, к которым они относятся.

Многочисленные исследования посвящены как стилистике и риторике в целом (Ш. Балли [2001], М. Крессо [1996], П. Фонтанье [1997], Ж. Марузо [1969], О. Ребул [1991] и др.), так и изучению стилистических фигур (М. Жаррты [2001], Н. Рикалан-Пуршо [2003], лингвисты группы *μ* и др.). Мы же в нашей работе будем опираться прежде всего на труды французского лингвиста Ж. Молинье [Molinié, 1992; Molinié, 1986], в частности на его теорию макро- и микроструктурных фигур.

Под стилистической фигурой Ж. Молинье понимает ситуацию, при которой передаваемый ею смысл не сводится к значению, логически вытекающему из простой лексико-семантической структуры высказывания [Molinié, 1986. Р. 82]. Исследователь выделяет в этой связи макроструктурные фигуры, смысл которых невозможно вывести исходя лишь из формальных элементов высказывания, поскольку он либо раскрывается постепенно, в широком контексте, либо может, в некоторых случаях, и вовсе не быть понятым (если речь идет, скажем, об аллегории, иронии, эвфемизме и т. д.). Микроструктурная же фигура, напротив, очевидна, обязательна для понимания смысла, и ее можно выделить на основе формальных элементов [Molinié, 1986. Р. 84–85]. К макроструктурным фигурам относится, например, амплификация, к микроструктурным – все тропы.

Мы ограничимся анализом контекстов, относящихся к характеристике вымышленного мира М. Пруста в начале второго тома его романа. Мы видим свою задачу в том, чтобы показать, как выявленные микро- и некоторые макроструктурные фигуры, в которых задействована терминология, соотносятся с различными областями и отраслями французского права, а именно: с процессуальным, административным, уголовным, гражданским и конституционным правом.

1. Юридические термины, относящиеся к области судебного процесса

Procès

Второй том романа М. Пруста начинается с описания страстного желания рассказчика, Марселя, пойти в театр на пьесу «Федра» с великой артисткой Бермой в главной роли, игру которой он давно мечтал увидеть. Зрители перед представлением стучат ногами, и Марсель сравнивает данную ситуацию с той, когда благородный человек приходил в суд для дачи показаний в пользу невиновного. Мальчик боялся, что к благородному человеку отнесутся с недостаточным почтением, из-за чего он захочет «в отместку» перейти на сторону несправедливости:

<...> Elle fut suivie d'un entracte si long que les spectateurs revenus à leurs places s'impatientaient, tapaient des pieds. *J'en étais effrayé ; car de même que dans le compte rendu d'un procès, quand je lisais qu'un homme d'un noble cœur allait venir, au mépris de ses intérêts, témoigner en faveur d'un innocent, je craignais toujours qu'on ne fût pas assez gentil pour lui, qu'on ne lui marquât pas assez de reconnaissance, qu'on ne le récompensât pas richement, et, qu'écœuré, il se mît du côté de l'injustice ; de même, assimilant en cela le génie à la vertu, j'avais peur que la Berma, dépitée par les mauvaises façons d'un public aussi mal élevé – dans lequel j'aurais voulu au contraire qu'elle pût reconnaître avec satisfaction quelques célébrités au jugement de qui elle eût attaché de l'importance – ne lui exprimât son mécontentement et son dédain en jouant mal.* Et je regardais d'un air suppliant ces brutes trépignantes qui allaient briser dans leur fureur l'impression fragile et précieuse que j'étais venu chercher. <...> [Proust, 1988. Р. 19]

Существительное *procès* (процесс, судебный процесс, дело) в Юридическом словаре Ж. Корню определяется как «litige soumis à un tribunal; contestation pendante devant une juridiction; parfois synonyme de procédure, instance» [Cornu, 2016. Р. 811–812]. В данном случае используется сравнение, микроструктурная фигура, для сопоставления театрального пред-

ставления с судебным процессом, Бермы – с дворянином, свидетельствующим на нем вопреки своим интересам, а недостаточно почтительной по отношению к актрисе публики – с участниками процесса, не выражающими должного уважения по отношению к дворянину, который может, оскорбившись данным фактом, встать на сторону беззакония. Вынесение суждения о произведении искусства здесь сравнивается с вынесением судебного решения.

Juger la cause

Когда после спектакля юный Марсель возвращается домой, куда в гости на ужин приглашен маркиз де Норпуа, дипломат в отставке, он рассказывает ему о желании стать писателем. Момент, когда бывший дипломат, сформировав суждение о Марселе и о его увлечении литературой, решил познакомить его с сыном своих друзей, который мог бы ему помочь полезными советами, сравнивается с моментом вынесения судебного решения (существительное *la cause*, которое в Юридическом словаре Ж. Корню определяется как «synonyme de procès, d'affaire»), имеет юридическое значение «дело, процесс»):

« Précisément », me dit-il tout à coup comme si la cause était jugée et après m'avoir laissé bafouiller en face des yeux immobiles qui ne me quittaient pas un instant, « j'ai le fils de mes amis qui, mutatis mutandis, est comme vous » (et il prit pour parler de nos dispositions communes le même ton rassurant que si elles avaient été des dispositions non pas à la littérature, mais au rhumatisme, et s'il avait voulu me montrer qu'on n'en mourait pas). Aussi a-t-il préféré quitter le quai d'Orsay où la voie lui était pourtant toute tracée par son père et sans se soucier du qu'en-dira-t-on, il s'est mis à produire. Il n'a certes pas lieu de s'en repentir. <...> [Proust, 1988. P. 24–25].

В рассматриваемом случае сравнение (являющееся первой стадией метафоры, микроструктурной фигуры, согласно классификации Ж. Молинье) «comme si la cause était jugée» вводит, как и в предыдущем примере, представление Марселя о том, что оценка произведения искусства и вынесение суждения о нем (об игре театральной актрисы в первом случае и о литературном таланте Марселя во втором) происходит подобно вынесению решения в судебном процессе. Если в первом случае сравнение в некотором роде «возвышает» Берму, поскольку она сравнивается с благородным, бескорыстным и честным дворянином, то здесь оно скорее ироническое, поскольку маркиз де Норпуа еще не видел произведения Марселя, но уже вынес суждение о его литературном таланте. Ироничное отношение подчеркивается также посредством сопоставления увлечения литературой с предрасположенностью к ревматизму, с досадной, но не смертельной болезнью.

Erreur judiciaire

Когда рассказчик страдает от незаслуженно холодного, по его мнению, отношения к нему Шарля Свана, отца Жильберты (девушки, в которую он влюблен), он решает написать ему подробное письмо, в котором описывает все свои самые теплые чувства по отношению к ее родителям. Марсель надеется, что Сван поймет, что он не относится к тому типу молодых людей, которые, добившись ответных чувств возлюбленной, позволяют себе смеяться над ее отцом и матерью в их отсутствие, презирать их и даже лишают их возможности встречаться. Марсель рассчитывает, что, получив письмо, Шарль Сван раскается в своем суждении, подобно тому, как в ходе апелляции могут пересмотреть ошибочный приговор суда:

<...> Ce genre de jeunes gens peu scrupuleux auxquels Swann me croyait ressembler, je me les représentais comme détestant les parents de la jeune fille qu'ils aiment, les flattant quand ils sont là, mais se moquant d'eux avec elle, la poussant à leur désobéir et quand ils ont une fois conquis leur fille, les privant même de la voir. À ces traits (qui ne sont jamais ceux sous lesquels le plus grand misérable se voit lui-même) avec quelle violence mon cœur opposait ces sentiments dont il était animé à l'égard de Swann, si passionnés au contraire que je ne doutais pas que, s'il les eût soupçonnés, il ne se fût repenti de son jugement à mon égard comme d'une erreur judiciaire ! Tout ce que je ressentais pour lui, j'osai le lui écrire dans une longue lettre que je confiai à Gilberte en la priant de la lui remettre. <...> [Proust, 1988. P. 62].

Выражение *erreur judiciaire*, судебная ошибка, определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «*erreur de fait qui, commise par une juridiction de jugement dans son appréciation de la culpabilité d'une personne poursuivie peut, si elle a entraîné une condamnation définitive, être réparée, sous certaines conditions, au moyen d'un pourvoi en révision*» [Cornu, 2016. P. 415]. В данном случае Шарль Сван сравнивается с судебной инстанцией, его суждение – с судебной ошибкой, а Марсель – с участником процесса, пострадавшим от этой ошибки. Подобное сравнение указывает как на несправедливость, с точки зрения Марселя, суждения Свана о нем, так и на надежду для мальчика впоследствии добиться отмены данного несправедливого решения.

2. Юридические термины, относящиеся к административному праву

Notification

Термин *notification* (оповещение, извещение, уведомление), который определяется Ж. Корню как «*fait (en général assujéti à certaines formes) de porter à la connaissance d'une personne un fait, un acte ou un projet d'acte qui la concerne individuellement*» и «*par extension, l'acte même de notification, l'écrit formulant la notification*» [Cornu, 2016. P. 693] относится к области административного и международного права¹. В тексте М. Пруста он употребляется в следующем контексте:

<...> Comme les étrangers de passage qui lui étaient présentés, au temps où il représentait la France, étaient plus ou moins – jusqu'aux chanteurs connus – des personnes de marque et dont il savait alors qu'il pourrait dire plus tard, quand on prononcerait leur nom à Paris ou à Pétersbourg, qu'il se rappelait parfaitement la soirée qu'il avait passée avec eux à Munich ou à Sofia, il avait pris l'habitude de leur marquer par son affabilité la satisfaction qu'il avait de les connaître : mais de plus, persuadé que dans la vie des capitales, au contact à la fois des individualités intéressantes qui les traversent et des visages du peuple qui les habite, on acquiert une connaissance approfondie, et que les livres ne donnent pas, de l'histoire, de la géographie, des mœurs des différentes nations, du mouvement intellectuel de l'Europe, il exerçait sur chaque nouveau venu ses facultés aiguës d'observateur afin de savoir de suite à quelle espèce d'homme il avait à faire. *Le gouvernement ne lui avait plus depuis longtemps confié de poste à l'étranger, mais dès qu'on lui présentait quelqu'un, ses yeux, comme s'ils n'avaient pas reçu notification de sa mise en disponibilité, commençaient à observer avec fruit, cependant que par toute son attitude il cherchait à montrer que le nom de l'étranger ne lui était pas inconnu.* Aussi, tout en me parlant avec bonté et de l'air d'importance d'un homme qui sait sa vaste expérience, il ne cessait de m'examiner avec une curiosité sagace et pour son profit, comme si j'eusse été quelque usage exotique, quelque monument instructif, ou quelque étoile en tournée <...> [Proust, 1988. P. 23].

В рассматриваемом случае глаза маркиза де Норпуа начинают изучать человека, с которым его знакомят, до готовности их хозяина вступить с ним в контакт без «получения официального уведомления», что указывает на прежние профессиональные привычки дипломата в отставке сразу же составлять представление о человеке, которого он видит впервые. Данное сравнение подчеркивает формальную упорядоченность всех действий бывшего дипломата, даже движений его глаз. Ирония автора при описании персонажа усиливается сравнением его в некотором роде профессионального любопытства по отношению к Марселю с естественной любознательностью к неизвестным обычаям или к незнакомым достопримечательностям.

Commissaire-priseur

Далее суждение, которое маркиз де Норпуа выносит, оценивая увлечение Марселя литературой, сравнивается, также в рамках микроструктурной фигуры, с одной стороны, с решением дельфийского оракула, с другой – с опускающимся молотком аукциониста на торгах:

¹ Le Trésor de la langue française. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 30.04.2020).

<...> Je voulais lui expliquer ce que j'avais rêvé; tremblant d'émotion, je me serais fait un scrupule que toutes mes paroles ne fussent pas l'équivalent le plus sincère possible de ce que j'avais senti et que je n'avais jamais essayé de me formuler; c'est dire que mes paroles n'eurent aucune netteté. Peut-être par habitude professionnelle, peut-être en vertu du calme qu'acquiert tout homme important dont on sollicite le conseil et qui, sachant qu'il gardera en mains la maîtrise de la conversation, laisse l'interlocuteur s'agiter, s'efforcer, peiner à son aise, peut-être aussi pour faire valoir le caractère de sa tête (selon lui grecque, malgré les grands favoris), M. de Norpois pendant qu'on lui exposait quelque chose, gardait une immobilité de visage aussi absolue que si vous aviez parlé devant quelque buste antique – et sourd – dans une glyptothèque. *Tout à coup, tombant comme le marteau du commissaire-priseur, ou comme un oracle de Delphes, la voix de l'ambassadeur qui vous répondait vous impressionnait d'autant plus que rien dans sa face ne vous avait laissé soupçonner le genre d'impression que vous avez produit sur lui, ni l'avis qu'il allait émettre* [Proust, 1988. P. 24].

Существительное *commissaire-priseur* (оценщик, аукционист) определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «officier ministériel chargé de procéder à l'estimation et à la vente aux enchères publiques, amiable ou forcée, des meubles corporels» [Cornu, 2016. P. 202]. В рассматриваемом отрывке ситуация представления Марселем своих произведений маркизу де Норпуа сравнивается с торгами на аукционе, а сам дипломат – с аукционистом. Данное сравнение показывает ироничное отношение автора к описываемой ситуации, так как процесс представления литературного произведения уподобляется ситуации купли-продажи. В частности, оценка достоинств литературного произведения сравнивается с чисто денежной, финансовой оценкой стоимости движимого имущества на торгах. Комический эффект также создается за счет сравнения суждения маркиза де Норпуа с пророческим предсказанием пифии Дельфийского оракула, что по контрасту представляет его суждение как возвышенное, которое выносится и передается с неба на землю олимпийскими богами и, следовательно, неподвластно простым смертным.

3. Юридические термины, относящиеся к уголовному праву

Crime

Маркиз де Норпуа, рассуждая за ужином с семьей Марселя о телеграмме, которую Вильгельм II отправил Бисмарку по случаю его 80-летия, хотя до этого император заставил канцлера уйти в отставку, говорит, что считает данный поступок глупым, и прибегает к гиперболе, квалифицируя его как нечто большее, чем преступление:

<...> «D'abord, c'est un acte d'ingratitude. *C'est plus qu'un crime, c'est une faute et d'une sottise que je qualifierai de pyramidale !* Au reste si personne n'y met le holà, l'homme qui a chassé Bismarck est bien capable de répudier peu à peu toute la politique bismarckienne, alors c'est le saut dans l'inconnu [Proust, 1988. P. 35].

Существительное *crime* определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как «transgression particulièrement grave, attentatoire à l'ordre et à la sécurité, contraire aux valeurs sociales admises, réprouvée par la conscience et punie par les lois» [Cornu, 2016. P. 288]. В рассматриваемом примере, прибегая к подобному гиперболическому сравнению, дипломат отступает от свойственных ему показных спокойствия, беспристрастности и нейтральности, выражая свое личное отношение к поступку императора Германии. Маркиз де Норпуа считает данный поступок преступным также и потому, что Вильгельм II отправил Бисмарка в отставку в том числе и из-за его консервативных взглядов. Данное сравнение, основанное на гиперболе, также косвенно указывает на консервативные взгляды и самого дипломата.

Criminel

Далее Марсель, говоря господину де Норпуа о том, как он восхищается Жильбертой и госпожой Сван, давая понять последнему, что он лично знаком с ними обеими, хотя дело

обстоит совсем не так, мысленно сравнивает себя со случайно проболтавшимся преступником, который надеется, что никто этого не заметит:

<...> Il est difficile en effet à chacun de nous de calculer exactement à quelle échelle ses paroles ou ses mouvements apparaissent à autrui ; par peur de nous exagérer notre importance et en grandissant dans des proportions énormes le champ sur lequel sont obligés de s'étendre les souvenirs des autres au cours de leur vie, nous nous imaginons que les parties accessoires de notre conscience, à plus forte raison ne demeurent pas dans la mémoire de ceux avec qui nous causons. *C'est d'ailleurs à une supposition de ce genre qu'obéissent les criminels quand ils retouchent après coup un mot qu'ils ont dit et duquel ils pensent qu'on ne pourra confronter cette variante à aucune autre version.* Mais il est bien possible que, même en ce qui concerne la vie millénaire de l'humanité, la philosophie du feuillotoniste selon laquelle tout est promis à l'oubli soit moins vraie qu'une philosophie contraire qui prédirait la conservation de toutes choses <...> [Proust, 1988. P. 48–49].

В данном случае сравнение положения Марселя во время светской беседы с маркизом де Норпуа с ситуацией случайно проговорившегося и исправившего оговорку преступника вводит общее философское заключение о том, что произнесенные нами слова навечно остаются в памяти других людей ² и, в еще более широком смысле, что ничто в этом мире не исчезает бесследно. Данный контраст между незначительностью ситуации (Марсель дал понять, что он вхож в дом семьи Сван, хотя на самом деле это неправда) и предполагаемой универсальностью подобного философского подхода, вводит авторскую иронию по отношению к описываемой ситуации, в том числе и за счет гиперболы. Сравнение Марселем своей оговорки с преступлением также подчеркивает непоправимость (в *его* представлении) подобной оплошности и показывает, насколько важна для него возможность видиться с Жильбертой у нее дома, которая ему в результате подобной ошибки может больше не представиться.

4. Юридический термин, относящийся к конституционному праву

Républicain

Говоря о салоне Одетты Сван, маркиз де Норпуа называет женщин, которые его посещают, «относящимися скорее к миру республиканцев»:

<...> Il y avait quelques hommes mariés, mais leurs femmes étaient souffrantes ce jour-là et n'étaient pas venues », répondit l'ambassadeur avec une finesse voilée de bonhomie et en jetant autour de lui des regards dont la douceur et la discrétion faisaient mine de tempérer et exagéraient habilement la malice.

« Je dois dire, ajouta-t-il, pour être tout à fait juste, qu'il y va cependant des femmes, mais... appartenant plutôt..., comment dirais-je, au monde républicain qu'à la société de Swann (il prononçait Svann). Qui sait ? <...> » [Proust, 1988. P. 37].

В данном случае речь идет об эвфемизме, который, согласно классификации Ж. Молинье, является макроструктурной фигурой [Molinié, 1992. P. 143–144]. Особенность данной фигуры заключается в том, что само выражение намного слабее передаваемой им информации [Molinié, 1992. P. 143–144].

В словаре Trésor de la langue française приводятся несколько интересных примеров из художественной литературы Франции конца XIX – начала XX в., из которых можно сделать вывод об отрицательном отношении консервативной части буржуазии того времени к новым республиканским идеалам. В частности, на это есть намеки в прозе Мопассана: «*L'homme et la femme, par délicatesse, firent semblant de lire un peu, puis lui rendirent les feuilles républicaines qu'ils touchaient du bout des doigts comme si elles eussent été empoisonnées*» и Л. Блуа «*Triste spectacle de la basilique, républicainement illuminée, ce soir [14 juillet], d'une immense nappe*

² И тем самым, как бы затевает спор со сторонниками древней латинской истины: verba volant (тогда как scripta manent).

*rouge et se détachant, sur le ciel noir, comme une église écorchée, comme une cathédrale de sang!»*³. Маркиз де Норпуа, являясь выходцем из аристократических кругов, также разделяет отрицательное отношение к республиканцам и к их идеалам. В данном контексте он употребляет выражение *monde républicain* (республиканский мир) в качестве эвфемизма, противопоставляя его миру аристократии и намекая на прошлое Одетты Сван, когда она была еще дамой полусвета.

Маркиз де Норпуа говорит о том, что в ее салон ходят в основном мужчины, чаще неженатые, иногда женатые, подразумевая под этим то, что они когда-то были с ней знакомы в другом качестве, и что их жены в ее дом никогда не приходят, сказываясь больными. При этом ее салон все-таки посещают некоторые женщины, которым бывший дипломат и дает характеристику «относящиеся скорее к миру республиканцев», намекая при этом на то, что они из того же общества, в которое она когда-то входила. На пренебрежительное отношение маркиза де Норпуа к этим женщинам-республиканкам указывает также и употребление безличной конструкции *il y va cependant des femmes*. Следовательно, маркиз де Норпуа подразумевает, что женщины, разделяющие республиканские идеалы, и, следовательно, республиканцы, ведут распутный образ жизни; они не заслуживают никакого уважения, а достойны лишь презрения.

5. Юридический термин, относящийся к гражданскому праву

Régime matrimonial

Выражение *régime matrimonial* (режим имущества или имущественных отношений между супругами), которое в Юридическом словаре Ж. Корню определяется в широком смысле как «ensemble des règles d'ordre patrimonial qui régissent, au cours et à la dissolution du mariage, les biens des époux (quant à la propriété, la disposition, l'administration et la jouissance) et toutes les questions pécuniaires du ménage, tant dans les rapports entre époux que dans les relations de ceux-ci avec les tiers, y compris les règles du régime matrimonial primaire» и в более узком смысле как «le corps des règles qui constituent spécifiquement un type de régime» [Cornu, 2016. P. 880]. Рассказчик, говоря о том, что Одетта была очень обижена на Свана, когда он не хотел на ней жениться, и потом, когда он, наконец, сделал ей предложение, она стала хорошо к нему относиться, прибегает к метонимии, упоминая тот факт, что «режим имущественных отношений между супругами», соответственно, сам факт наличия брачного договора, ее настроение изменил:

<...> En attendant, Odette souffrait de ce que telle de ses amies, épousée par un homme qui était resté moins longtemps avec elle, qu'elle-même avec Swann, et n'avait pas, elle, d'enfant, relativement considérée maintenant, invitée aux bals de l'Élysée, devait penser de la conduite de Swann. Un consultant plus profond que ne l'était M. de Norpois eût sans doute pu diagnostiquer que c'était ce sentiment d'humiliation et de honte qui avait aigri Odette, que le caractère infernal qu'elle montrait ne lui était pas essentiel, n'était pas un mal sans remède, et eût aisément prédit ce qui était arrivé, à savoir qu'un régime nouveau, le régime matrimonial, ferait cesser avec une rapidité presque magique ces accidents pénibles, quotidiens, mais nullement organiques. Presque tout le monde s'étonna de ce mariage, et cela même est étonnant <...> [Proust, 1988. P. 39].

В данном случае речь идет о метонимии и, в частности, одной из ее разновидностей, метателесисе, когда одно слово заменяет другое, являясь в некотором роде его «эмблемой» [Molinié, 1992. P. 217]. Перенос также произошел по модели «причина — следствие», поскольку настроение Одетты улучшил именно брак, а не сам факт договорного регулирования имущественных отношений между супругами. Данная фигура выражает авторскую иронию, потому что Одетта мечтала не об имуществе Свана, она ожидала скорее узаконивания своего положения и связанного с ним уважения в обществе. В данном контексте метонимия исполь-

³ Le Trésor de la langue française URL: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 30.04.2020).

зуется для психологического анализа поведения героини, которая пытается показать Свану, каким образом ее можно избавить от стресса.

Заключение

Таким образом, стилистическое использование юридической лексики, относящейся к отдельным отраслям права (гражданского, административного, уголовного и процессуального) в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» преследует следующие цели.

I. Описать общественные отношения в среде буржуазии с помощью микроструктурных и макроструктурных фигур, базирующихся на терминах из области гражданского и уголовного права, на подъязыках которых их глубинная суть описана точнее, чем в «обыденном» языке.

Несправедливое, по мнению Марселя, отношение Свана к нему, сравнивается с судебной ошибкой, что выражает надежду мальчика на изменение этого отношения в будущем, на некий пересмотр «дела жизни» в высшем суде. Свою невинную ложь маркизу де Норпуа о знакомстве с семьей Сван Марсель представляет как преступление, а себя – как преступника, оговорка которого навеки останется в памяти слышавших его людей, подобно тому, как в целом во Вселенной ничто бесследно не исчезает. С другой стороны, долгожданный брак Одетты со Сваном иронично представлен прежде всего как изменение правового регулирования имущественных отношений между теперь уже супругами. Данные сравнения указывают, на наш взгляд, на стремление к четкой регламентации человеческих отношений, даже любовных, в среде буржуазии.

II. Фигуры с юридическим подтекстом используются также для описания французской аристократии в начале ее заката, что хорошо видно на примере образа маркиза де Норпуа.

Составление маркизом де Норпуа, дипломатом по роду занятий, мнения о представляемых ему людях сопровождается указанием на то, что его глаза, даже не «получив уведомления» о «готовности их хозяина к знакомству», уже «были начеку». В манере выносить суждения об искусстве он сравнивается с судьей и с аукционистом. Употребляемые маркизом де Норпуа в речи фигуры с использованием юридических терминов создают его социально-политическую характеристику (так, гипербола, метонимия и эвфемизм, к которым он прибегает, указывают на его консервативные взгляды). Ироничное отношение автора к персонажу передается также и за счет того, что поверхностное суждение дипломата о литературном таланте Марселя, произведения которого он не читал, сравнивается с решением дельфийского оракула, а сам литературный талант Марселя и сына его друзей воспринимается маркизом де Норпуа как ревматизм, досадная и неприятная, но не опасная для жизни болезнь.

III. Посредством употребления сравнений, созданных на основе юридической лексики, автор также иронично изображает оценку отдельных видов искусства (театра и литературы) как уголовный процесс и аукцион соответственно. Публика, нетерпеливо топающая ногами перед началом спектакля с участием великой актрисы, сравнивается с непочтительным отношением к уважаемому человеку и важному свидетелю в зале суда, а маркиз де Норпуа, когда он выносит решение о литературных способностях Марселя – с судьей и с аукционистом. Данные сравнения указывают, с одной стороны, на то, что не всегда окружающие могут в полной мере воспринять искусство, с другой – на то, что нередко те, кто считается авторитетами в области вынесения суждения о нем, оценивают его лишь формально.

Список литературы

- Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
Дюбуа Ж., Эделин Фр., Клинкаберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Фр., Тринон А. Общая риторика. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
Михайлов А. Д. Поэтика Пруста. М.: Языки славянской культуры, 2012. 504 с.

- Ндьяй И. А.** Лексикографические источники в юридическом переводе: проблемы именования судебных инстанций в паре языков польский – русский // Лексикографические штудии 2013. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 48–59.
- Николаева Т. М.** О чем на самом деле написал Марсель Пруст? М.: Языки славянской культуры, 2012. 128 с.
- Рогов В. А., Рогов В. В.** Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX – середины XVII вв.). М.: МГИУ, 2008. 269 с.
- Шокиров Т.** Юридическая терминология в современном таджикском языке // Ученые записки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гофурова. 2010. Гуманитарные науки. № 4(24). С. 156–164.
- Anguissola, B. A.** Les sens cachés de la Recherche. P.: Classiques Garnier, 2013. 467 p.
- Assouline, P.** Autodictionnaire Proust. P., Omnibus, 2011, 787 p.
- Auchincloss, L.** The Two Marcells of Proust. *The style's the man: Reflections on Proust, Fitzgerald, Wharton, Vidal, and others.* New York, Scribner, 1994, p. 77–82.
- Brunet, E.** Vocabulaire de Proust. Genève-Paris, Slatkine-Champion, 1983, 261 p.
- Cornu, G.** Linguistique juridique. P., Montchrestien, 2005, 456 p.
- Cressot, M., James, L.** Le style et ses techniques. Précis d'analyse stylistique. P., PUF, 1996, 323 p.
- Depambour-Tarride, L.** Marcel Proust et le droit: premières approches. *Bulletin d'informations proustiennes*, 2007, no. 37, p. 159–174.
- Fontanier, P.** Les figures du discours. P., Flammarion, 1977, 505 p.
- Hughes, E. J.** Marcel Proust: A Study in the Quality of Awareness. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, 217 p.
- Jarrety, M.** Lexique des termes littéraires. P., Le Livre de Poche, 2001, 475 p.
- Marouzeau, J.** Précis de stylistique française. P., Masson, 1969, 191 p.
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. P., Le Livre de Poche, 1992. 352 p.
- Molinié, G.** Éléments de stylistique française. P., PUF, 1986, 213 p.
- Reboul, O.** Introduction à la rhétorique. P., PUF, 1991, 238 p.
- Ricalens-Pourchot, N.** Dictionnaire des figures de style. P., Armand Colin, 2003, 218 p.
- Watt, A.** Marcel Proust. London, Reaktion Books, 2013, 208 p.

References

- Anguissola, B. A.** Les sens cachés de la Recherche. P., Classiques Garnier, 2013, 467 p.
- Assouline, P.** Autodictionnaire Proust. P., Omnibus, 2011, 787 p.
- Auchincloss, L.** The Two Marcells of Proust. *The style's the man: Reflections on Proust, Fitzgerald, Wharton, Vidal, and others.* New York, Scribner, 1994, p. 77–82.
- Bally, Ch.** French Stylistics. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 392 p. (in Russ.)
- Brunet, E.** Vocabulaire de Proust. Genève, Paris, Slatkine-Champion, 1983, 261 p.
- Cornu, G.** Linguistique juridique. P., Montchrestien, 2005, 456 p.
- Cressot, M., James, L.** Le style et ses techniques. Précis d'analyse stylistique. P., PUF, 1996, 323 p.
- Depambour-Tarride, L.** Marcel Proust et le droit: premières approches. *Bulletin d'informations proustiennes*, 2007, no. 37, p. 159–174.
- Dubois, J., Édeline, Fr., Klinkenberg, J.-M., Minguet, Ph., Pire, Fr., Trinon, H.** General Rhetoric. Moscow, Progress Publ., 1986, 392 p. (in Russ.)
- Fontanier, P.** Les figures du discours. P., Flammarion, 1977, 505 p.
- Hughes, E. J.** Marcel Proust: A Study in the Quality of Awareness. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, 217 p.
- Jarrety, M.** Lexique des termes littéraires. P., Le Livre de Poche, 2001, 475 p.
- Marouzeau, J.** Précis de stylistique française. P., Masson, 1969, 191 p.

- Mikhailov, A. D.** Proust's Poetics. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2012, 504 p. (in Russ.)
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. P., Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Molinié, G.** Éléments de stylistique française. P., PUF, 1986, 213 p.
- Ndjaj, I. A.** Lexicographical Sources in Legal Translation: Problems of the Naming the Degrees of Jurisdictions within the Couple of Polish and Russian Languages. *Lexicographical Studies* 2013. Moscow-Berlin, Direkt-Media Publ., 2015, p. 48–59. (in Russ.)
- Nikolaeva, T. M.** What Marcel Proust Has Really Written About? Languages of Slavic Culture Publ., 2012, 128 p. (in Russ.)
- Reboul, O.** Introduction à la rhétorique. P., PUF, 1991, 238 p.
- Ricalens-Pourchot, N.** Dictionnaire des figures de style. P., Armand Colin, 2003. 218 p.
- Rogov, V. A., Rogov, V. V.** Old Russian Legal Terminology in its Relation to the Theory of Law (Studies of the IXth – the Middle of the XVIIth Centuries). Moscow, MGIU Publ., 2008, 269 p. (in Russ.)
- Shokirov, T.** Legal Terminology in the Contemporary Tajik Language. *Scientific Notes of the Khujand State University named after B. G. Gofurov. Series of Humanities and Social Sciences*, 2010, no. 4 (24), p. 156–164. (in Russ.)
- Watt, A.** Marcel Proust. London, Reaktion Books, 2013. 208 p.

Список источников и словарей / List of Dictionaries and Sources

- Proust, M.** À l'ombre des jeunes filles en fleurs. P., Gallimard, 1988. 568 p.
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. P., PUF, 2016. 1101 p.
- Le Trésor de la langue française.** URL: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 30.04.2020).

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
17.05.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

- Савина Елена Сергеевна**, кандидат филологических наук, PhD университета Париж-Сорбонна (Париж-IV), доцент кафедры иностранных языков юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
- Elena S. Savina**, Cand. of Sci. (Philology), PhD of Paris-Sorbonne (Paris-IV) University, Associate Professor of the Foreign Languages Department at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
- savinaelena2006@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4301-5638

Коммуникативные стратегии в публичных выступлениях испанского монарха Филиппа VI перед международным сообществом

И. В. Селиванова

*НИУ «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Изучение речевого воздействия в институциональном статусно-ориентированном политическом дискурсе представляет собой перспективное и активно развивающееся направление в современном языкознании. Институциональный дискурс испанской монархии является важной частью общественных отношений, закрепленных многовековой традицией существования данного государственного установления. Однако его особенности в отечественной и зарубежной романистике до сих пор не получили детального научного осмысления в лингвопрагматическом аспекте. В рамках настоящей статьи рассматриваются особенности публичных речей Филиппа VI, ориентированные на «внешнего» адресата и произнесенные в период с 2014 по 2020 гг. Выступления испанского монарха представляют собой основной ресурс создания благоприятного образа Испании в глазах мирового сообщества и внедрения в коллективное сознание идеи необходимости мирного сосуществования и международного сотрудничества. В результате анализа публичных речей Филиппа VI был выявлен набор стратегий и тактик речевого воздействия, обеспечивающих достижение поставленных задач. *Стратегия презентации страны* позволяет монарху подчеркнуть принадлежность Испании к Европейскому сообществу и ее значимость в решении важных вызовов современности. *Стратегия формирования эмоционального настроя адресата* используется с целью создания доверительных отношений с аудиторией в основном с помощью апелляции к чувству гордости и оказания моральной поддержки своим союзникам. *Информационно-интерпретационная стратегия* закономерно является конвенциональным ресурсом в рассматриваемых речах в связи с желанием Филиппа VI укрепить институт монархии в глазах мирового сообщества. *Агитационная и аргументативная стратегии* призваны убедить адресата в необходимости следовать выбранному курсу на укрепление международного сотрудничества.

Ключевые слова

испанский монарх, институциональный дискурс, политический дискурс, публичная речь, речевое воздействие, стратегии и тактики

Для цитирования

Селиванова И. В. Коммуникативные стратегии в публичных выступлениях испанского монарха Филиппа VI перед международным сообществом // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 122–132. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-122-132

Communicative Strategies and Tactics in the Spanish King Felipe VI's Public Speeches

Irina V. Selivanova

*National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Nowadays the ways to influence an audience by the rhetoric of public speeches are widely studied. The analysis of speech influence in institutional status-orientated discourse is a promising and actively developing area in modern Linguistics. The institutional discourse of the Spanish monarchy plays an important role in social relations in modern

Spain. However, its features still have not been described in detail in Roman studies, especially in the linguo-pragmatic perspective. Moreover, due to the current socio-economic and political context it is extremely important to analyze what linguistic instruments Felipe VI uses to save the image of the Spanish Crown. The present paper deals with the public speeches of the Spanish King issued from 2014 to 2020 and focuses on the “external” addressee. Felipe VI’s messages represent a fundamental resource to create a favorable image of Spain in the international arena and to convince the world community of the necessity for peaceful coexistence and international cooperation. The speeches, which are ideologically driven and politically motivated, are analyzed in the context of linguo-pragmatics. The theoretical value of this paper is in providing an exhaustive analysis of speech strategies and tactics used in the King’s messages delivered abroad. Firstly, the *country’s presentation strategy* allows the monarch to emphasize that Spain belongs to the European Union and plays a crucial role in the international arena while making decisions and fighting challenges. Secondly, the *emotional strategy* is used to create a trustworthy atmosphere (mainly by appealing to the sense of pride) and to give moral support to Europeans and other nations. Thirdly, the *interpretation strategy* may be considered a conventional resource used to strengthen the institution of the monarchy in the eyes of the international community. Finally, *agitation* and *argumentative strategies* are employed to convince the addressee of the necessity to strengthen international cooperation.

Keywords

Spanish monarch, institutional discourse, political discourse, public speech, speech influence, speech strategies and tactics

For citation

Selivanova, Irina V. Communicative Strategies and Tactics in the Spanish King Felipe VI’s Public Speeches. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 122–132. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-122-132

Введение

Стратегии и тактики речевого воздействия в политическом дискурсе получили широкое освещение в научной литературе (Ю. М. Иванова, О. С. Иссерс, О. Л. Михалева, О. Н. Паршина, Л. Л. Федорова, Л. С. Чикилева, А. П. Чудинов и др.). В настоящей статье под *речевым воздействием* понимается воздействие при помощи речи с целью убедить адресата сознательно принять определенную точку зрения или решение о каком-либо действии [Стернин, 2001. С. 67]. Функция воздействия, называемая у К. Бюлера апеллятивной, у В. В. Виноградова – функцией обращения, у П. Ньюмарка – вокативной, у Р. Якобсона конативной, поэтической или магической, является одной из основных в языке и самых востребованных в речи, поскольку она составляет неотъемлемую часть повседневной жизни. На ней зиждется «не только всякое лидерство, публичная презентация, коммерческая и социальная реклама, но и педагогика, равно как и всякое воспитание» [Фефелов, 2018. С. 330]. По этой причине представляется совершенно неприемлемым употреблять для обозначения этой же функции термин «речевая манипуляция», используемый в политологии и подразумевающий преднамеренный обман и злоупотребление (см.: [Соловьев, 2000; Пугачев, Соловьев, 2004; Володенков, 2012]), ибо испанский монарх (в отличие от общественно-политических лидеров) не ставит перед собой цель оказать психическое воздействие на аудиторию и не призывает к противоправному изменению существующего государственного строя и социально-экономической структуры общества в угоду какой-либо из политических партий.

Публичные речи Филиппа VI в зависимости от адресата можно разделить на две категории: ориентированные на «*внутреннего*» (обращения к представителям политических институтов и гражданам страны) и «*внешнего*» адресата (обращения к иностранным политическим лидерам, членам международных организаций и гражданам других государств) [Киянова, 2019]. К первому типу относятся ритуальные обращения (рождественские послания, коронационная речь, выступления перед открытием сессии Парламента, на торжественных мероприятиях, перед согражданами в других государствах), выступления по особым случаям (в связи с текущими политическими и экономическими событиями). Ко второму типу, который подробно рассматривается в настоящей статье, следует отнести выступления в международных организациях (на Генеральной Ассамблее ООН, перед Европарламентом, перед

Советом Европы), на международных форумах и конгрессах, а также выступления на торжественных приемах перед главами других государств и дипломатическим корпусом.

Институциональный дискурс испанской монархии является неотъемлемой частью общественных отношений, закрепленных многовековой традицией существования данного государственного установления. В связи с текущим социально-экономическим и политическим контекстом современной Испании, в которой заметно пошатнулся авторитет Королевского дома в связи с коррупционными скандалами его членов, в фокусе внимания исследователей находится изучение способов воздействия в речах, ориентированных в основном на национальную аудиторию [Ventero Velasco, 2010; Barredo Ibáñez, 2013a; Barredo Ibáñez, 2013b; García-Ramos, 2016; Cano-Orón, Llorca-Abad, 2017; Раевская, Селиванова, 2020; Селиванова, 2020]. В рамках настоящей статьи рассматриваются ориентированные на «внешнего» адресата публичные речи испанского монарха Филиппа VI с 2014 по 2020 гг.

Целью работы является анализ репертуара стратегий и тактик, направленных на укрепление позиций Испании на мировой арене и продвижения идеи мировой гармонии и взаимопонимания.

В основе исследования лежит классификация О. Н. Паршиной, в которую, однако, были внесены коррективы [Паршина, 2005]. В частности, представляется нецелесообразным разграничивать *тактики разъяснения и комментирования*, а также *тактики единения, солидаризации и отождествления* в связи с отсутствием четких границ в их понимании. Кроме того, *тактику рассмотрения проблемы под новым углом зрения* следует рассматривать в рамках *тактики признания существования проблемы*. Также представляется необходимым обозначить *стратегию презентации страны*, поскольку в речах, направленных на «внешнюю» аудиторию, создание образа Испании как сильного политического игрока является одной из ключевых задач современного испанского монарха.

Дискурсивные тактики реализации стратегических задач королевских обращений

Стратегия презентации страны реализуется за счет *тактики отождествления*, суть которой заключается в «ненарочитой демонстрации символической принадлежности к определенной социальной, статусной или политической группе» [Паршина, 2005. С. 69]. Филипп VI подчеркивает, что Испания является неотъемлемой частью Европейского Союза, стремится к уважению прав и свобод граждан и укрепляет демократические ценности:

No es posible concebir España sin Europa, ni Europa sin España. Невозможно представить **Испанию без Европы и Европу без Испании** (07.10.2015).

Los españoles nos sentimos orgullosos de pertenecer a la UE... Мы, испанцы, гордимся тем, что являемся **частью Евросоюза...** (20.09.2016)

Hace 40 años, el corazón democrático de España acompasó su latido con el corazón de Europa... 40 лет назад демократическое сердце Испании стало биться **в унисон с сердцем Европы...** (27.04.2017)

Quisiera subrayar especialmente los esfuerzos que España viene desplegando en el marco del G20, con un destacado protagonismo en líneas de trabajo de gran relevancia estratégica, como las migraciones o la brecha digital. Я бы хотел особо подчеркнуть усилия, предпринимаемые Испанией, которая сотрудничает со странами Большой двадцатки и занимает **лидирующие позиции** в решении стратегических вопросов **чрезвычайной важности**, таких как миграция и цифровое отставание (05.02.2020).

Основным лингвистическим средством реализации *тактики отождествления* является употребление глаголов в первом лице множественного числа, при этом военные (милитарные) метафоры усиливают эффект воздействия на аудиторию, подчеркивая необходимость объединиться перед лицом вызовов современности, в роли которых выступают социально-экономические проблемы (социальное неравенство, терроризм, бедность и пр.):

Debemos combatir la desigualdad... Мы должны бороться с неравенством... (20.09.2016)

[...] venceremos también a la amenaza terrorista... [...] мы победим также и террористическую угрозу... (27.04.2017)

В рамках стратегии формирования эмоционального настроя адресата используются тактики единения¹ (стремление к общности взглядов), обращения к эмоциям адресата (апелляция к чувству гордости) и учета ценностных ориентиров адресата (отсылка к общим ценностям).

Тактика обращения к эмоциям адресата в первую очередь связана с апелляцией к чувству гордости в связи с процветанием стран Евросоюза и его успехами в различных областях.

El proyecto europeo, que comenzó hace ya casi 60 años, crea efectivamente un espacio de paz, prosperidad, libertad, justicia y solidaridad, del que debemos sentirnos legítimamente orgullosos. Европейский проект, история которого началась почти 60 лет назад, способствует сохранению мира, процветанию, свободе, справедливости и солидарности, поэтому **мы можем им по праву гордиться** (07.10.2015).

La Unión Europea es una historia de éxito que debemos reconocer, valorar y admirar mucho más. Европейский Союз – это **история успеха**, которую мы должны **признавать, ценить** и которой мы должны еще больше **восхищаться** (07.10.2015).

Однако, несмотря на прогресс во многих сферах, в Европе царят беспокойство, озабоченность существующими проблемами, неуверенность, отчуждение, страх перед неизвестностью в результате глобализационных процессов и связанных с ними изменениями в структуре общества:

En este contexto, la incertidumbre se ha apoderado de muchos ciudadanos europeos... В этой обстановке **страх перед неопределенностью** охватил многих европейских граждан... (27.04.2017)

Тактика учета ценностных ориентиров адресата выражается путем апелляции к ценностной системе аудитории и представляет собой важный инструмент воздействия для любого главы государства. В публичных выступлениях испанского монарха, нацеленных на «внешнего» адресата, с помощью частотного употребления таких идеологем, как «права человека» (*derechos humanos*), «справедливость» (*justicia*), «ответственность» (*responsabilidad*), «верховенство закона» (*imperio de la ley*), «свобода» (*libertad*), «равноправие» (*igualdad*), «плюрализм» (*pluralismo*), «солидарность» (*solidaridad*) продвигаются идеи международного сотрудничества, строительства европейского проекта, господства демократических ценностей, главенства международного права и необходимости соблюдения прав человека:

La libertad, la igualdad, la solidaridad, la dignidad de los hombres y mujeres, el pluralismo y la defensa de los derechos humanos son los fundamentos que nos definen como europeos. **Свобода, равенство, солидарность, достоинство** мужчин и женщин, **плюрализм и защита прав человека** являются фундаментом для всех европейцев (07.05.2015).

La democracia, los derechos humanos y el imperio de la ley, como acabo de resaltar, son los tres pilares sobre los que se funda el Consejo de Europa, casa común de todos los europeos. **Демократия, права человека и верховенство закона**, как я уже отметил, составляют три столпа, на которых зиждется Совет Европы, общий дом для всех европейцев (27.04.2017).

С помощью информационно-интерпретационной стратегии испанский монарх дает положительную или отрицательную оценку происходящим событиям с целью укрепления своего авторитета в глазах международного сообщества. Указанная стратегия, согласно классификации О. Н. Паршиной, осуществляется с помощью тактики признания существования

¹ В настоящей статье используется терминология О. Н. Паршиной, однако тактика единения соотносится с тактикой отождествления в связи с общностью преследуемой ими цели – подчеркнуть единство взглядов оратора и адресата.

проблемы, тактики акцентирования положительной информации, тактики разъяснения² и тактики указания на путь решения проблемы.

Тактика признания существования проблемы представляет собой важную составляющую имиджа любого политического лидера, поскольку данный прием свидетельствует о его осведомленности о происходящих событиях и желании вникнуть в ситуацию с целью найти ее решение. В публичных выступлениях Филиппа VI, ориентированных на международную аудиторию, рассматриваемая тактика реализуется с помощью констатирующих утверждений о существовании социально-экономических проблем, которые переживают многие страны (в том числе и Испания):

[...] *los últimos años no han sido fáciles para España ni para otros muchos países de Europa. Aún sufrimos tasas muy altas de desempleo, uno de los principales problemas para nuestra economía y para nuestra sociedad.* [...] последние годы были **непростыми** не только для Испании, но и для многих других европейских стран. У нас до сих пор **высокий уровень безработицы** – **одна из главных проблем** нашей экономики и нашего общества (07.10.2015).

Si bien son muchos los desafíos a los que nos enfrentamos, no puedo dejar de referirme más explícitamente al drama que está teniendo lugar en nuestras fronteras. Нам **предстоит решить много проблем**, и я должен особо упомянуть драму, **разворачивающуюся на наших границах** (07.10.2015).

Atravesamos por un período histórico convulso e incierto, y la complejidad de las dificultades a menudo pone a prueba nuestras instituciones. Algunos efectos de la globalización producen desconfianza, inseguridad o retraimiento, mientras que incluso la convivencia se ha roto en muchas zonas del planeta por las guerras y por un terrorismo bárbaro y cruel. Мы переживаем **бурный и неопределенный исторический момент**, **сложность проблем** которого часто испытывает на прочность наши институты. Последствия глобализации вызывают **недоверие, неуверенность и стремление к изоляции**, в то время как **войны, варварский и жестокий терроризм** нарушают мирное сосуществование народов во многих частях нашей планеты (27.04.2017).

Тактика акцентирования положительной информации, необходимая для убеждения аудитории в правильности выбранного направления развития, осуществляется с помощью существительных с положительной коннотацией или прилагательных в сравнительной степени и характерна для выступлений находящихся у власти политических лидеров. В публичных выступлениях Филиппа VI ее использование обусловлено желанием продемонстрировать мировому сообществу успехи Испании в различных сферах и создать образ сильной и развитой в экономическом и социальном плане страны, ставшей значимым политическим игроком на международной арене. Рассматриваемая тактика реализуется при помощи относительных прилагательных (*nuevo, avanzado, puntero, moderno, potente, apreciado, valorado, democrático, competitivo, fructífero, notable*) и существительных (*progreso, avances, logros, desarrollo*) с положительной коннотацией:

Mi país... ha realizado una notable contribución al proyecto comunitario y a la construcción europea. Моя страна... внесла **значительный вклад** в реализацию проекта общеевропейского развития (07.10.2015).

España... vive desde 1978 un fructífero período de desarrollo democrático... В Испании... с 1978 года наблюдается **продуктивный период демократического развития**... (27.04.2017)

España proyecta al mundo su realidad actual de país moderno, democrático y avanzado con una economía productiva, muy abierta y ciertamente competitiva en muchos sectores; y refleja la imagen consolidada de una sociedad plural, tolerante y solidaria... Испания предстает перед миром как **современная, демократическая, развитая страна с продуктивной, очень откры-**

² В настоящей работе не различаются тактики разъяснения и комментирования в связи с отсутствием четких границ между ними. Суть обеих тактик заключается в интерпретации оратором явлений и фактов.

той и действительно конкурентоспособной во многих областях экономики и создает образ многоликого, толерантного и солидарного общества... (05.02.2020)

К тактике акцентирования положительной информации испанский монарх прибегает также с целью укрепления экономических и культурных связей и адресуемых главам других государств (ниже представлены примеры из речи перед президентом Южной Кореи и Кубы).

*Nuestras empresas gozan de un **reconocido prestigio** a nivel mundial...* Наши компании пользуются **признанным престижем** на мировом уровне... (23.10.2019)

*La cultura cubana provoca **admiración** y **reconocimiento** en todo el mundo.* Культура Кубы вызывает **восхищение** и **признание** во всем мире (13.11.2019).

Тактика разъяснения (комментирования) представляет собой важный компонент *информационно-интерпретационной стратегии*. Оратор не может ограничиваться простой констатацией факта или оценкой информации, а должен «сопровождать свой ответ или выступление дополнительной информацией» в связи с отсутствием фоновых знаний у адресата [Паршина, 2005. С. 122]. В силу своего статуса, закрепленного Конституцией, испанский монарх не может свободно комментировать происходящие события, а может лишь отмечать их важность или очевидность с помощью прилагательных и существительных соответствующей семантики:

*Desde que España se incorporó en 1977, otros 27 Estados se han adherido al Consejo hasta alcanzar la cifra de 47 miembros. Este hecho es un **gran éxito** de la democracia que debemos celebrar y valorar; es muestra y resultado de un proceso de reconocimiento, expansión y universalización de los valores democráticos en el que Europa ha sido un protagonista **decisivo** y ha ejercido un liderazgo **indiscutible**.* С момента вступления Испании в Совет Европы в 1977 году в него вошли 27 других государств, и сегодня в нем состоят 47 стран. Это **великий успех** демократии, который нам следует отмечать и ценить; это доказательство и результат процесса признания, распространения и универсализации демократических ценностей, в котором Европа всегда была **решающим** игроком и обладала **неоспоримым** лидерством (27.04.2017).

Основным лейтмотивом всех публичных выступлений испанского монарха, ориентированных на международную аудиторию, проходит идея единства при решении вызовов современности. Маркерами *тактики указания на путь решения проблемы* выступают чаще всего конструкции долженствования (*deber, hay que, tener que, haber de*) или инфинитивные конструкции с прилагательными бенефактивной оценки (*necesario, indispensable, fundamental, importante, vital* и др.):

*Para que la UE recupere su protagonismo en el mundo **es necesario** formular un nuevo ideal; un nuevo propósito europeo que movilice a los ciudadanos a favor de la integración y del proyecto de unidad.* Для того чтобы ЕС восстановил лидирующие позиции в мире, **нужно** сформировать новые идеалы, новые цели, которые смогли бы убедить граждан в необходимости интеграции и единства (07.10.2015).

***Debemos** combatir la desigualdad y trabajar por un modelo económico que favorezca la prosperidad compartida y proporcione oportunidades de empleo a los jóvenes y, en general, a quienes más han sufrido los efectos de la crisis durante estos años. **Мы должны** бороться с неравенством и работать над созданием такой экономической модели, которая бы способствовала всеобщему благосостоянию и предоставляла бы рабочие места молодежи и всем, кто испытал на себе последствия кризиса в эти годы* (20.09.2016).

*En el mundo globalizado del siglo XXI Europa **debe** seguir siendo un referente de libertades y de integración.* В глобализованном мире в XXI веке Европа **должна** продолжать быть примером реализации свобод и интеграции (27.04.2017).

*La colaboración cultural **tiene que** seguir siendo un elemento esencial de nuestra relación.* Сотрудничество в сфере культуры **должно** продолжать быть важной составляющей наших отношений (13.11.2019).

Es indispensable combinar diálogo y colaboración sincera con los países de origen, tránsito y retorno de los emigrantes... **Крайне важно** сочетать диалог и искреннее сотрудничество со странами происхождения, транзита и возвращения эмигрантов. (05.02.2020)

Стратегия убеждения, призванная повлиять на процесс принятия адресатом решений путем изменения онтологического статуса его знания о явлении или событии и убедить в благоприятности принятия предлагаемой точки зрения, подразделяется на *агитационную* (*тактика призыва и обещания*) и *аргументативную* (*тактики иллюстрирования, сопоставительного анализа, указания на перспективу и обоснованных оценок*).

Тактика призыва может быть представлена конструкциями долженствования (*tener que, deber, hay que*) или глаголами в форме повелительного наклонения. В силу своего конституционного статуса Филипп VI может лишь призывать к мирному урегулированию конфликтов и международному сотрудничеству в решении глобальных проблем:

Tengamos confianza en Europa. Tengamos confianza en nosotros mismos, los europeos. Дайте верить в Европу. *Дайте верить* в себя, в европейцев (07.10.2015).

Debemos permanecer unidos, reafirmando los derechos y libertades y el imperio de la ley como sustancia vital e irrenunciable de la Europa política. Мы должны быть вместе, защищая права и свободы и утверждая верховенство закона как важную и неотъемлемую часть политического союза Европы (27.04.2017).

Из приведенных выше примеров следует, что *тактика призыва* также сопровождается использованием лексических (оценочные прилагательные) и синтаксических (анафора, параллелизм) средств языковой выразительности для усиления эффекта воздействия сообщения. Кроме того, наблюдается сочетание нескольких тактик в рамках одного смыслового отрезка. В частности, в своем выступлении перед дипломатическим корпусом в феврале 2020 г. испанский монарх призывает взвешенно подойти к решению миграционного вопроса и одновременно указывает на путь решения проблемы:

La migración es hoy un fenómeno global y estructural, que ha de ser considerado y gestionado como una oportunidad para todos los implicados y no como una amenaza. Ello requiere una adecuada y ordenada regulación de los flujos migratorios que combine medidas a corto plazo y una estrategia a largo plazo. Миграция сегодня – это глобальный и структурный феномен, который **должен рассматриваться** как возможность развития для всех вовлеченных в этот процесс, а не как угроза. Для этого необходимо **адекватное и упорядоченное регулирование миграционных потоков**, предполагающее краткосрочные и долгосрочные меры (05.02.2020).

Тактика обещания выражается глаголами будущего времени (*conseguiremos, procuraremos, continuaremos, venceremos*) и связана с желанием монарха продолжить международное сотрудничество по особо важным вопросам, при этом нередко встречается фигура повтора для утверждения в сознании адресата необходимых идей:

Lo conseguiremos. Y conseguiremos con firmeza, con decisión, con la mayor ambición. Мы этого достигнем. И достигнем с твердостью, уверенностью, со всей решительностью (07.10.2015).

Procuraremos asimismo avanzar en la cooperación judicial internacional contra el terrorismo y reforzar las medidas contra la violencia sexual en conflictos. Мы будем также стараться продолжать правовое сотрудничество с другими странами в борьбе с терроризмом и принимать дальнейшие меры против сексуального насилия в ходе вооруженных конфликтов (20.09.2016).

Argentina y España, en fin, están firmemente comprometidas con los objetivos de la Agenda 2030 para el Desarrollo Sostenible y con la aplicación del Acuerdo de París. Continuaremos intensificando nuestra cooperación ante un desafío en el que no podemos dar ni un solo paso atrás y en el que no hay tiempo que perder; cooperación que venimos llevando a cabo tanto en el plano bilateral como en el marco del programa de la UE “Euroclima” y la Red Iberoamericana de Oficinas de Cambio Climático. Аргентина и Испания также связаны условиями Программы

устойчивого развития до 2030 года и Парижского договора. **Мы продолжим укреплять** наше сотрудничество перед вызовом, при решении которого мы не можем делать ни шага назад и терять время – сотрудничество, осуществляемое нами в двустороннем порядке, а также в рамках программы Европейского союза «Евроклимат» и совместно с Иberoамериканской сетью учреждений, занимающихся вопросами изменения климата (25.03.2019).

*España **continuará** estrechando las relaciones bilaterales con Argelia... e **intensificará** la cooperación con Túnez.* Испания продолжит **укреплять** двусторонние связи с Алжиром... и **усилит** сотрудничество с Тунисом (05.02.2020).

В приведенном ниже примере *тактика обещания* сочетается с тактикой *указания на путь решения проблемы*. С одной стороны, испанский монарх в выступлении перед Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) обещает – с помощью военных метафор – одержать победу над терроризмом, а с другой стороны, указывает на необходимость масштабного международного сотрудничества:

[...] **venceremos** también a la amenaza terrorista que hoy **golpea** en numerosos lugares del planeta y requiere de **grandes alianzas mundiales** para **hacerles frente** con eficacia y coherencia. [...] мы **победим** также террористическую угрозу, которая сегодня **наносит удар** многим регионам нашей планеты и требует **совместных усилий мирового масштаба**, чтобы эффективно и последовательно с **бороться** с ней (27.04.2017).

Аргументация представляет собой разновидность коммуникативной деятельности, включенной практически во все сферы жизни человека, связанные с потребностью убеждения адресата в необходимости принятия предлагаемых идей. При этом процесс аргументирования в публичной политической речи отличается личностной ориентацией и особой эмоциональностью, поскольку оратор стремится не столько доказать истинность своего суждения, сколько утвердить в сознании аудитории определенные идеи, привлекая на свою сторону единомышленников.

Аргументативная стратегия выполняет функцию мотивации действий говорящего и становится легитимным способом разрешения общественных конфликтов. Ее использование обусловлено интересами общественных групп или отдельных политических лидеров, ориентированных на достижение минимального уровня лояльности по отношению к принимаемым решениям [Паршина, 2005. С. 148]. В рамках данной стратегии выделяют *тактики иллюстрирования, контрастивного анализа, указания на перспективу и обоснованных оценок*.

Тактика иллюстрирования заключается в использовании фактов и примеров для подтверждения тезиса говорящего. В политической риторике данный тип аргумента считается одним из самых распространенных средств воздействия, поскольку имеет наглядно описательную форму. В публичных речах испанского монарха данная тактика реализуется с использованием статистических данных для подтверждения идеи тесного и плодотворного сотрудничества Испании с другими государствами.

*En torno a **300 empresas españolas** tienen presencia en el país; España es **el segundo inversor en Argentina** y estas inversiones dan trabajo a cerca de **100.000 personas**.* В стране насчитывается около **300 испанских компаний**; Испания является **вторым по значимости инвестором в Аргентине**, и эти инвестиции обеспечивают работой около **100 000 человек** (25.03.2019).

*Quisiera mencionar como ejemplo de esta fructífera colaboración la **Iniciativa de Escuelas Seguras**, lanzada por Argentina en marzo de 2017, y que va a tener su continuación en España el próximo mes de mayo.* Я бы хотел упомянуть в качестве примера плодотворного сотрудничества **инициативу по созданию безопасных школ**, которая была запущена в Аргентине в марте 2017 года и которая продолжится в Испании в мае следующего года (25.03.2019).

*Gregorio Céspedes quedaría maravillado al comprobar que en 2018 dimos la bienvenida en España a **490.000 coreanos**; que en un año casi **un 1 % del total de la población coreana** se ha sentido atraída por nuestra tierra.* Грегорио Сеспедес удивился бы, если бы узнал, что в 2018

году Испания приняла **490 000 корейцев**, то есть почти **1 % от всего населения страны** побывал в Испании за год (23.10.2019).

Тактика обоснованных оценок близка по своему характеру *тактике иллюстрирования*. С ее помощью оратор дает оценку явлениям или событиям и последовательно аргументирует свою точку зрения. В частности, Филипп VI крайне положительно оценивает вступление Испании в Евросоюз:

*Por otra parte, la pertenencia de España a la Unión Europea ha contribuido de un modo determinante al **mayor desarrollo económico y social de nuestro país***. С другой стороны, вхождение Испании в состав Евросоюза внесло **значительный вклад в экономическое и социальное развитие** нашей страны (07.10.2015).

Политические лидеры, описывая ситуацию в стране и делая прогнозы на будущее при выполнении определенных условий, прибегают к *тактике указания на перспективу*. В публичных речах испанского монарха, ориентированных на «внешнего» адресата, дается лишь положительная перспектива развития Испании и Евросоюза:

*[...] estoy convencido de que cada vez **se van a generar más oportunidades** para fortalecer los intercambios e inversiones en beneficio mutuo. [...]* я убежден в том, что **будет создаваться все больше и больше возможностей** для укрепления обменов и роста инвестиций на взаимовыгодной основе (25.03.2019).

*No hay alternativa a **una Europa unida***. Единой **Европе** альтернативы нет (05.02.2020).

Тактика контрастного анализа опирается на прием сопоставления фактов, событий и результатов и воспринимается аудиторией как убедительные аргументы. Характеристика прошлого, настоящего или будущего осуществляется с помощью прилагательных в сравнительной степени:

*España... es hoy un país **más abierto al exterior**...* Испания... сегодня **более открыта** к международному сотрудничеству... (06.04.2017).

*Necesitamos una Europa **más unida, más fuerte, más determinada** y, también, **más efectiva** en la consecución de las ambiciones y expectativas de sus ciudadanos*. Нам нужна **более сплоченная, сильная, решительная и эффективная** в решении поставленных задач и реализации ожиданий граждан Европа (09.05.2019).

Таким образом, рассмотренные примеры стратегий и тактик речевого воздействия помогают раскрыть лингвопрагматический потенциал публичных выступлений испанского монарха, ориентированных на «внешнего» адресата. Основной идеей, которая прослеживается во всех речах с 2014 по 2020 гг., является желание монарха обозначить роль Испании на мировой арене и подчеркнуть необходимость международного единства перед лицом современных вызовов.

Заключение

Публичные речи Филиппа VI можно рассматривать как идеологический ресурс, призванный воздействовать на внутреннюю аудиторию и мировое сообщество с целью утверждения социального порядка, стабильности и внедрения в коллективное сознание современных общеевропейских и глобальных моделей поведения. Дискурсивно эти цели достигаются за счет большого набора целевых стратегий и тактик речевого воздействия и разнообразных лексико-семантических и структурно-синтаксических средств языковой выразительности.

Стратегия презентации страны играет в обращениях испанского монарха особую роль, что обусловлено интенциональной направленностью данной формы политической коммуникации, является необходимым предусловием для создания благоприятного имиджа Испании и закрепления в общественном сознании как испанцев, так и европейцев стереотипов, отражающих ее положительные характеристики и, прежде всего, ее стремление к гармоничному сосуществованию с народами Европейского союза. Данная стратегия позволяет монарху подчеркнуть незыблемую приверженность Испании идеалам и политике Европейского со-

общества, ее неотъемлемое право на участие в решении глобальных вопросов современности (миграционный кризис, борьба за права меньшинств, борьба с терроризмом и пр.). *Стратегия формирования эмоционального настроя адресата* используется для создания доверительных отношений с «внешней» аудиторией. Она реализуется в основном с помощью апелляции к историческому чувству гордости европейцев (подразумевая, в том числе, и испанцев) в контексте высоких целей и достижений Европейского Союза (верховенство закона, господство демократических ценностей, социальное благополучие и пр.). *Информационно-интерпретационная стратегия* закономерно является конвенциональным ресурсом в рассматриваемых речах Филиппа VI, что объясняется его желанием поддержать и укрепить авторитет института монархии в глазах международного по преимуществу республиканского сообщества, указать на его достоинства в поддержании внутрииспанской гармонии, выявить независимо от партийных влияний недостатки современного мирового порядка (в том числе и испанского общества) и указать международной аудитории возможные пути решения текущих проблем. *Агитационная и аргументативная стратегии* призваны убедить адресата в необходимости следовать выбранному курсу на укрепление международного сотрудничества.

Список литературы

- Володенков С. В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // Вестник Московск. ун-та. Серия 12: Политические науки. 2012. № 5. С. 89–101.
- Киянова К. А. Коммуникативно-речевая структура публичной политической речи (на материале выступлений Ангелы Меркель): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 189 с.
- Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 325 с.
- Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М.: Аспект Пресс, 2004. 479 с.
- Раевская М. М., Селиванова И. В. Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 57–70.
- Селиванова И. В. Лингвопрагматический аспект рождественских обращений Филиппа VI // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2020. № 2 (208). С. 61–67.
- Соловьев А. И. Политология. Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 559 с.
- Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Полиграф, 2001. 227 с.
- Фефелов, А. Ф. Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума). Электронное издание. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 390 с.
- Barredo Ibáñez, D. El tabú real. La imagen de una monarquía en crisis. Córdoba, Berenice, 2013a, 204 p. (in Span.)
- Barredo Ibáñez, D. Siglo XXI y la monarquía. Propuestas para dinamizar la caracterización informativa del rey Juan Carlos I. *Área abierta*, 2013b, vol. 13, no. 3, p. 1–22. (in Span.)
- Cano-Orón, L., Llorca-Abad, G. Análisis del discurso oficial de la Casa Real en Twitter durante el periodo de abdicación del rey Juan Carlos I y la coronación de Felipe VI. *Perspectivas de la Comunicación*, 2017, vol. 10, no. 1, p. 29–54. (in Span.)
- García-Ramos, A. Los mensajes navideños de la monarquía española en el siglo XXI: ¿un reflejo de los principales problemas del país? *SOCIOLOGIADOS. Revista de Investigación Social*, 2016, no. 2, p. 15–50. (in Span.)
- Ventero Velasco, M. Los mensajes de Navidad del Rey. Madrid, La Ley, 2010, 440 p. (in Span.)

References

- Barredo Ibáñez, D.** El tabú real. La imagen de una monarquía en crisis. Córdoba. Berenice, 2013, 204 p. (in Span.)
- Barredo Ibáñez, D.** Siglo XXI y la monarquía. Propuestas para dinamizar la caracterización informativa del rey Juan Carlos I. *Área abierta*, 2013, vol. 13, no. 3, p. 1–22. (in Span.)
- Cano-Orón, L., Llorca-Abad, G.** Análisis del discurso oficial de la Casa Real en Twitter durante el periodo de abdicación del rey Juan Carlos I y la coronación de Felipe VI. *Perspectivas de la Comunicación*, 2017, vol. 10, no. 1, p. 29–54. (in Span.)
- Fefelov, A. F.** Ethnocultural dilemmas and puzzles of translation: critique of metaphorical reason. Novosibirsk, Novosibirsk University Press, 2018, 390 p. (in Russ.)
- García-Ramos, A.** Los mensajes navideños de la monarquía española en el siglo XXI: ¿un reflejo de los principales problemas del país? *SOCIOLOGIADOS. Revista de Investigación Social*, 2016, no. 2, p. 15–50. (in Span.)
- Kiyanova, K. A.** Composition and communicative structure of public political speech (based on Angela Merkel's speeches). Dissertation ... PhD in Linguistics. Moscow, 2019, 189 p. (in Russ.)
- Medina López, J.** Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975–2013). *Pragmática Sociocultural*, 2016, no. 4 (1), p. 25–73. (in Span.)
- Parshina, O. N.** Speech strategies and tactics of the modern Russian political elite. Doctoral dissertation. Moscow, 2005, 325 p. (in Russ.)
- Pugachev, V. P., Soloviev, A. I.** Introduction to political science. Moscow, Aspect Press Publ., 2004, 479 p. (in Russ.)
- Raevskaya, M. M., Selivanova I. V.** The Spanish King's Christmas messages as ritual genre of institutional discourse: a comparative study. *Vestnik NSU: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 57–70. (in Russ.)
- Selivanova I. V.** Felipe VI's Christmas messages: a pragmatic aspect. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2020, no. 2, p. 61–67. (in Russ.)
- Soloviev, A. I.** Political science. Political theory, political technologies. Moscow, Aspect Press, 2000, 559 p. (in Russ.)
- Sternin, I. A.** Introduction to speech influence. Voronezh, Poligraf Publ., 2001, 227 p. (in Russ.)
- Ventero Velasco, M.** Los mensajes de Navidad del Rey. Madrid, La Ley, 2010, 440 p. (in Span.)
- Volodenkov, S. V.** Modern political communication as an instrument of public manipulation. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences*, 2012, no. 5, p. 89–101. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
14.05.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Селиванова Ирина Владимировна, преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

Irina V. Selivanova, Instructor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russian Federation)

iselivanova@hse.ru

ORCID 0000-0003-1578-0620

УДК 81.373.4; 81.42

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-133-145

Литературно-эстетический континуум в свете проблем лингвокогнитивной категоризации и его представление в языке и тексте

Т. Е. Литвиненко

*Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Рассматривается проблема структурной организации фрагментов гуманитарного знания в диахронической картине мира. Поднимается вопрос о применении прототипического подхода к категоризации знаний о типах и направлениях культуры и к дифференциации средств их вербального представления в метаязыке. Предлагается классификация понятий «ренессанс» и «барокко» в соответствии с критериями современной лингвокогнитивной науки. Приводятся определения прототипических и периферийных единиц анализируемых категорий с обоснованием различий их сигнификатов. Особое внимание уделяется нецентральному членам категорий, а также параметрам, подтверждающим их категориальный статус и устанавливающим их позицию в общей иерархии подсистем. Обосновывается полисемия терминов «ренессанс» и «барокко», обусловленная гетерогенностью репрезентируемых ими классов. На материале конкретных единиц категорий демонстрируется возможность изменения ими своих позиций как членов класса, дается анализ причин и следствий их перекатегоризации. Рассматривается проблема вариативности и открытости границ исследуемых категорий, а также критериев их автономности и целостности. Показано, что стабильность категории зависит от степени выделенности прототипа и его отличий от центральных единиц других классов. Результаты анализа понятий и терминов подтверждают правомерность их атрибуции текстам соответствующих эпох, где каждый текст есть воплощение прототипических или периферийных значений ренессанса и барокко. Новизна исследования видится в применении методов когнитивного анализа к понятиям и терминологическим единицам метаязыка гуманитарной сферы. Актуальность исследования связана с необходимостью дальнейшего изучения семантики и сферы функционирования интердисциплинарных специальных единиц поэтики, истории литературы, искусствоведения, культурологии и эстетики, а также решения проблемы разграничения значений и контекстов употребления имен, находящихся в синонимических и антонимических отношениях друг с другом.

Ключевые слова

прототипическая категория, метаязык гуманитарно-эстетической сферы, терминологическая многозначность, ренессанс, барокко

Для цитирования

Литвиненко Т. Е. Литературно-эстетический континуум в свете проблем лингвокогнитивной категоризации и его представление в языке и тексте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 133–145. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-133-145

Literary and Aesthetic Continuum as an Object of Categorization and Its Representation in Language and Text

Tatiana E. Litvinenko

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the problem of structural organization of liberal arts fragments in the diachronic world view. It considers the application of a prototypical approach to the knowledge categorization about the types and directions

© Т. Е. Литвиненко, 2020

of culture and to the differentiation of the tools of their verbal representation in the metalanguage. The classification of the concepts “Renaissance” and “Baroque” under the criteria of modern linguo-cognitive science is proposed. The article provides definitions of prototypical and peripheral units of the categories analyzed and substantiates the differences in their significates. Special attention is paid to non-central category members, as well as to parameters that confirm their categorical status and place them in the general subsystems’ hierarchy. The study substantiates the polysemy of the terms “Renaissance” and “Baroque”, which is caused by the heterogeneity of the classes they represent. Based on the material of specific category units, it demonstrates the possibility of changing their positions as class members and analyzes the causes and consequences of their re-categorization. The article considers the problem of variability and openness of the range of the categories under study, as well as the criteria of their autonomy and integrity. It is shown that the category stability depends on the prototype identification degree and its differences from the central units in other classes. The main conclusions were obtained by analyzing the meanings of the investigated terms and identifying patterns of their attribution to the texts of the corresponding cultural stages. The study novelty lies in the application of cognitive analysis methods to the concepts and term units of the Humanities metalanguage. The research relevance is accounted for by the need to further study the semantics and functioning of interdisciplinary special units in poetics, literary history, art history, cultural studies, and aesthetics. It helps to distinguish the meanings and contexts of using names that are synonymous and antonymous.

Keywords

prototypical category; metalanguage of liberal arts; terminological ambiguity; Renaissance; Baroque

For citation

Litvinenko, Tatiana E. Literary and Aesthetic Continuum as an Object of Categorization and its Representation in Language and Text. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 133–145. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-133-145

1. Введение: прототипический подход к категоризации

Развитие когнитивной науки, одной из важнейших задач которой стало изучение категоризации и концептуализации действительности, позволило по-новому взглянуть на способы ментальной организации знаний и их представления в языке. Такого рода достижения стали возможны благодаря тому, что основоположниками данного направления [Rosch, 1978; Geeraerts, 1989; Taylor, 1995; Ungerer, 1996] были значительно уточнены и расширены сами понятия *категория* и *категоризация*. В результате пересмотра референции и значения этих терминов в трудах ученых-когнитивистов [Лакофф, 2004; Кубрякова и др., 1996; Болдырев, 2002, 2014] нашел обоснование особый вид *прототипической* категории, не сводимой ни к двухтысячелетней классической (аристотелевской) модели, ни к понятийно близкой когнитивистике категории *семейного сходства* Л. Витгенштейна.

Ключевыми отличиями прототипической категории от классической признается то, что она не только не ограничивается заданным множеством единиц, входящих в нее как в замкнутую систему, но и не требует, чтобы каждая из ее единиц демонстрировала весь набор необходимых и достаточных признаков, подтверждающих свою принадлежность к категории. Иными словами, категория в ее когнитивном понимании не предусматривает ни тотальной унификации своих единиц, ни равенства их статуса относительно друг друга, ни обязательного наличия четких границ между самими категориями. Напротив, при таком подходе в категорию могут быть объединены как *лучшие* или наиболее *типичные* представители своего класса – *прототипы*, так и единицы, чей набор признаков не полностью совпадает с образцом. Неидентичность признаков преобразует внутреннюю структуру категории: она становится иерархией с явно выделенным ядром и периферией. В нее, соответственно, входят как лучшие единицы с максимальным числом предельно выраженных ядерных признаков, так и периферийные единицы, характеризующиеся отсутствием ряда базовых черт или их недостаточной интенсивностью.

Последнее обстоятельство указывает на несомненное методологическое достоинство прототипического подхода к категоризации. Как показали многочисленные когнитивные и лингвистические исследования [Кубрякова, 2004; Литвиненко, 2008, 2012], он позволяет делать объектом изучения не только центральные единицы категории, концептуализация и класси-

фикация которых не вызывает теоретических и практических проблем, но и привлекать к научному анализу разного рода периферийные, пограничные ее члены, статус которых как единиц категории не всегда очевиден и четко определен.

2. Построение категории: понятийно-терминологический аспект

Представляется, что методика прототипического анализа может быть распространена на более широкий круг явлений гуманитарного знания, в том числе на феномены, репрезентирующие такие сложные культуроориентированные понятия, как *ренессанс* и *барокко*.

Названные понятия, широко используемые в трудах по эстетике, культурологии, теории и истории искусства и его видов (архитектура, живопись, литература и пр.) с середины позапрошлого столетия, до сих пор не утратили дискуссионного характера, а их имена со временем перешли в разряд междисциплинарных терминов-полисемантов. Как показывает анализ гуманитарного дискурса, многозначность данных терминов находит свое отражение в том, что в зависимости от уровня научного обобщения они могут пониматься как:

- направление культуры [Эстетика, 1989. С. 25];
- эпоха в развитии культуры [Эстетика, 1989. С. 293];
- тип культуры, «включающий специфическую художественную концепцию мира и человека, обладающую особой системой эстетических принципов и средств» [История зарубежной литературы..., 2007. С. 15];
- течение, представляющее собой «совокупность фундаментальных духовно-содержательных и эстетических принципов» [Литературный энциклопедический словарь, 1987. С. 232];
- содержательно-формальное явление культуры [Эстетика, 1989. С. 293];
- этап художественного процесса [Борев, 2002. С. 245];
- особый вид поэтики [Поэтика, 2008];
- стиль отдельных видов искусства [История зарубежной литературы..., 2007. С. 15] и пр.

Вступая в сложные гипо-гиперонимические отношения, варианты значения каждого из этих терминов демонстрируют, однако, явную семантическую общность. Это позволяет охарактеризовать ренессанс как тип культуры (направление / эпоху / стиль...), предшествующий (направлению / эпохе / стилю...) барокко, и выделить такие присущие ему черты, как:

- ориентация на античные эстетику и философию в понимании прекрасного, возвышенного и героического, и в представлении о себе и мире как об упорядоченном и уместимом космосе;
- антропоцентризм и гуманизм, выражающиеся в идеализации человеческой личности и в осознании ее особой миссии и особой онтологической ценности;
- представление о реальном человеке и его жизни как об источнике художественного;
- утверждение приоритета земной жизни и ее радостей – любви, красоты и наслаждений – над другими сферами бытия;
- апология гармонического единства телесного и духовного, чувственного и интеллектуального в природе человека;
- стремление к свободе и самоутверждению, к самостоятельному выбору своей судьбы, в том числе в сфере творческой реализации, и пр.

Что же касается дефиниции барокко, то она, как правило, дается «от противного», в результате чего этот постренессансный тип культуры (направление / эпоха / стиль...) определяется как:

- порывающий с безусловной образцовостью античности, переосмысливающий ее эстетические идеалы и / или полностью отказывающийся от классических канонов и правил;
- теоцентричный по типу художественной картины мира, в которой человеческая личность утрачивает свою верховную роль и независимость, ее креативный и познавательный потенциал обесценивается или рассматривается как вторичный;

- пронизанный идеями иллюзорности и бренности бытия, разочарования в земных радостях и в самой жизни, бегства от непознаваемой и непредсказуемой действительности, которая воспринимается как опасная и враждебная;
- отвергающий идиллические представления о гармонии мира и человека в силу фатальной дисгармоничности человеческого существа, его несовершенства, слабости и обреченности;
- противопоставляющий божественный космос земному хаосу, а красоту и соразмерность неправильным, искаженным формам и очевидному уродству;
- отражающий превращение свободы в одиночество, независимости в отверженность, достигающиеся человеку в его непосильной борьбе с судьбой, и т. д.

Перечисленные признаки, несомненно, свидетельствующие о различии понятий *ренессанс* и *барокко*, между тем оставляют ряд вопросов. Первый из них касается самой проблемы категоризации, а именно того, что при наличии двух самостоятельных понятий и терминов, рассматриваемых в качестве имен соответствующих классов, практически невозможно построить ни категорию, состоящую исключительно из *произведений барокко*, ни категорию, включающую только *произведения ренессанса*. Точнее говоря, невозможно построить категорию классического аристотелевского типа, в которой каждый член (т. е. каждое *произведение*) в равной мере демонстрировал бы все необходимые и достаточные признаки или того, или другого направления.

В целях дальнейшего категориального анализа мы ограничим материал нашего исследования, сосредоточившись не на всех видах ренессансных и барочных произведений, а только на произведениях испанской литературы, точнее, на драме испанского «Золотого века». Отметим, однако, что и столь радикальное сужение исследовательского пространства позволит рассмотреть намеченные выше вопросы, касающиеся концептуализации и категоризации гуманитарного знания.

3. Проблема границ и компонентного состава категории как фрагмента литературно-эстетического континуума

Обращение к драме и, шире, к литературе испанского «Золотого века» показывает, что при сохранении вышеуказанной константы (*ренессанс* – «до», *барокко* – «после») сами рамки этих эпох и направлений не обладают достаточной хронологической точностью. И действительно, хотя в многочисленных посвященных им трудах речь идет о конкретных периодах правления монархов, годах жизни и творчества определенных авторов, веках, десятилетиях и даже годах, установление временных границ данных категорий до сих пор остается проблематичным.

Так, ренессансная эпоха в испанской литературе может отождествляться исследователями с периодом от начала правления католических королей Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского (1479) до конца царствования Карла V (ум. 1558) [Avalle-Arce, 1978]. Собственно Возрождение может точно совпадать со столетием между 1450 и 1550 гг. [Màgavall, 1980]. Его начало может символически выражаться годом первого издания «Селестины» Фернандо де Рохаса (1499), а окончание – годом выхода «Гусмана де Альфараче» Матео Алемана (1599) [Canavaggio, 1994]. В качестве «первого и второго Возрождения», эта эпоха может охватывать весь XVI век [История зарубежной литературы, 1987] либо только периоды правления Карла V (1517–1556) и Филиппа II (1556–1598) [Menéndez Peláez, 2005].

Что же касается хронологии барокко, то она может соотноситься специалистами с периодом между смертью М. де Сервантеса (1616) и П. Кальдерона (1681) [Reglá, 1967] или годом смерти Филиппа II (1598) и годом заключения Вестфальского мира (1648) [Domínguez Ortiz, 1990]. Барочный этап в истории литературы Испании может соответствовать периодам правления Филиппа III (1598–1621), Филиппа IV (1621–1665) и Карла II (1665–1700) [Río

1982, Р. 606] или охватывать три первых трети XVII столетия, максимально проявляя себя между 1605 и 1650 гг. [Maravall, 1980].

Как видим, временные границы обеих категорий остаются незамкнутыми и сохраняют подвижность, что позволяет их рассматривать исключительно в рамках неклассического подхода к категоризации. И хотя понятно, что указанные даты не несут информацию сами по себе, они демонстрируют непосредственную связь с составом и внутренним устройством категорий. Последнее становится особенно явным при анализе атрибуции испанских авторов и творений как *произведений ренессанса* и *барокко*.

Так, уже упомянутый как ренессансный «Гусман де Альфараче» Матео Алемана может быть отнесен и к плутовским романам барокко [Борев, 2002; Rodríguez Cacho, 2009]. Аналогичным образом «Дон Кихот» М. де Сервантеса категоризируется как произведение Ренессанса (Возрождения) [Пинский, 2002; Штейн, 2001; История зарубежной литературы, 1987 и др.] или барокко [Gutiérrez Carbajo, 2013; Rodríguez Cacho, 2009, Menéndez Peláez, 2005].

Следует сказать, что оба указанных романа часто рассматриваются исследователями как произведения переходного периода – эпохи позднего Возрождения / раннего барокко, отразившей кризис гуманистических идеалов ренессансной поэтики. Этот период часто идентифицируется как *маньеризм*, который, однако, не только подчеркивает разницу между прежним и новым искусством, но и высвечивает то общее, что между ними всегда было. По мнению Лины Родригес Качо, черты испанского маньеризма, присущего произведениям 1570–1600 гг., практически полностью совпадают с идущим за ним барокко, порождая множество эстетически гибридных образцов [Rodríguez Cacho, 2009. Р. 167].

На поэтический и художественный синкретизм произведений барокко и ренессанса указывают также авторы пособий по западноевропейской литературе XVI века. По словам З. И. Плавскина [История зарубежной литературы, 1987. С. 14], «в творчестве крупнейших деятелей литературы испанского барокко <...> отчетливо чувствуются отголоски ренессансных идеалов и проблем. Некоторые жанры, зародившиеся в литературе Возрождения, в частности плутовской роман, в искусстве барокко обретают подлинный свой облик и значение либо своеобразно в нем трансформируются, как это произошло с испанской национальной драмой, основные принципы которой получили выражение в творчестве Лопе де Веги и были переосмыслены Кальдероном в соответствии с новыми задачами искусства».

Ближих взглядов придерживается и Н. Т. Пасхарьян [История зарубежной литературы, 2007. С. 259], указывая: «Золотой век испанского театра (80-е годы XVI – 80-е годы XVII в.) охватывает обе эпохи – ренессансную (в рамках которой развивались и <...> маньеристические тенденции) и барочную. Многие фигуры испанской драматургии принадлежат – хронологически и эстетически, по своим художественным особенностям – и тому, и другому периоду. Первой из таких фигур следует назвать Лопе де Вега».

Наконец, по справедливому замечанию А. Л. Штейна [2001. С. 229], сопоставляющего творчество Лопе де Веги и его учеников, грань между драматургией ренессанса и барокко «часто оказывается зыбкой».

Отметим, однако, что наличие общих жанров, тем и мотивов, приверженность к сложным метафорам, контрастам и алогизмам, разрыв между реальностью и фантазией, идеалом и повседневностью, величиим духа и бренностью бытия в произведениях авторов обеих эпох не устраняет самого понятия границы. Иными словами, несмотря на наличие маргинальных зон (или периферии) сами категории как структуры гуманитарного знания стабильно различаются в сознании их исследователей. Или, как указывал З. И. Плавский [История зарубежной литературы, 1987], «между барокко и Возрождением в Испании, как и в других странах, пролегает отчетливая качественная грань».

К сказанному следует добавить, что наличие переходных зон и изменчивость границ категорий, приводящая к увеличению или сокращению числа их членов, вполне допускается сторонниками прототипического подхода [Лакофф, 2004]. Включение маргинальных единиц и, в частности, единиц с явными ренессансными чертами в категорию *барокко* создает в ней

новую периферийную зону и, таким образом, придает термину-полисеманту *барокко* новое дополнительное значение.

Следует также уточнить, что с позиций лингвокогнитивного анализа отнесение, например, некоторых пьес Лопе де Веги к нецентральной зоне категории *барокко* никак не связано с их художественным или аксиологическим статусом. Речь в данном случае не идет о сравнении этих пьес с другими по эстетическому критерию «шедевр» – «посредственность». При когнитивном подходе лучший или худший член категории оценивается только по его близости к прототипу, т. е. по наличию или отсутствию у них общих признаков. И, в конечном счете, позиция периферийных членов класса важна прежде всего для получения знания о компонентном составе категории, или, говоря о лингвистической стороне вопроса, компонентном наборе сем в многозначном термине как имени данной категории.

Отметим, что обращение к проблеме границ и к тесно связанной с ней проблеме состава и композиции категории подводит нас к еще одному вопросу. Если одни исследователи относят произведения М. де Сервантеса и Лопе де Веги к ренессансу, а другие к барокко, то что же такое сами *ренессанс* и *барокко*?

Ответ на этот вопрос также можно найти в рамках прототипического подхода к категоризации, при котором выделение категории основывается не на учете признаков всех ее членов, а только на признаках ядерных или наиболее частотных образцов.

4. Выбор прототипа категории

Изучение многочисленных трудов по данной тематике показывает, что абсолютным лидером по частоте упоминаний в качестве представителя литературы барокко выступает испанский драматург П. Кальдерон де ла Барка. Прозванный *великим* и даже *monstruo del ingenio* – «чудесно/чудовищно гениальным» [Wilson, 1974. Р. 81], он получил эпитеты, гиперонимичные категориальному понятию *лучший*, что дает основания причислить его аутоэ и драмы к центральным членам класса *барокко*.

Среди отдельных произведений Кальдерона прототипической, несомненно, может быть признана философская драма «Жизнь есть сон», черты которой практически воспроизводят весь названный выше сигнификат барокко. За сложностью и динамичностью сюжета в ней явлен теоцентричный универсум и мир, где человек порочен и жесток, зависим от судьбы и высшей воли, мораль безжалостна, а закон суров, жизнь человека коротка и быстротечна, реальность хаотична и опасна, земные радости лишь искушения и грех, действительность неотличима от видений.

Здесь все, как и в иных произведениях барокко, не то, чем кажется, а книга бытия есть свод концептуальных метафор: «жизнь – это сон» («*La vida es sueño*»), «правда – это ложь» («*La verdad sospechosa*»), «порок – это зверь» («*El perro del hortelano*»).

Отметим, что не только первая, но и две другие концептуальные метафоры являются названиями знаменитых произведений испанского театра Золотого века: «Сомнительная правда» Хуана Руиса де Аларкона и «Собака на сене» Лопе де Веги. Обе они являются комедиями, и, по мнению ряда исследователей, их постановки относятся к одному и тому же 1618 году. Однако, если назидательная комедия Аларкона относится большинством исследователей к произведениям барокко, комедия Лопе часто атрибутируется как ренессансная и / или маньеристская [Литвиненко, 1998].

На наш взгляд, хотя ни та, ни другая пьеса не обладает всеми признаками ядра категории, обе они могут быть признаны ее непрототипическими членами. При этом «Сомнительная правда», в которой явно доминируют барочные социально-эстетические тенденции будет располагаться значительно ближе к прототипу, чем «Собака на сене», которая сохраняет связь с ренессансно-гуманистической картиной мира.

5. Анализ периферийных членов класса

Для доказательства приведенной точки зрения мы воспользуемся сравнительным анализом общего для обеих пьес сценарного фрейма – фрейма *лжи во имя любви*, т. е. лжи, основная стратегия которой направлена на соединение с избранником или с избранницей.

Укажем, однако, что при наличии общего фрейма как такового в его актуализации в текстах комедий наблюдаются значительные различия. В «Сомнительной правде» он разворачивается в пронизывающую все действие цепочку дихотомий «ложь» / «разоблачение», аксиологически связанную с глобальным контрастом порока и добродетели, неустранимым в концептосфере барокко. Проекцией этого контраста в мире текста становится антитеза *сомнительных* речевых актов главного героя, дона Гарсии, с открыто диссонирующим с ними дискурсом *правды* всех остальных участников коммуникации.

Что же касается «Собаки на сене», то в ней ложь как эффективная коммуникативная стратегия присуща практически всем без исключения. Развертывая фрейм как опасную любовную игру, лгут Теодоро и Диана, манипулируя чувствами бывшего жениха, лжет ее невеста-служанка Марсела, профессионально и изобретательно лжет Тристан, лгут и знатные соперники Теодоро, ситуативно меняющие цели речевого поведения на диаметрально противоположные. Более того, фиктивная картина мира, созданная выдумкой Тристана и Теодоро про мнимого сына сеньора Людовико, вполне сопоставима по масштабам с вымыслами и мистификациями дона Гарсии. Однако, достигая в том и в ином случае невероятных размеров и ведя к искажению действительности, явный обман имеет в этих пьесах совершенно разные последствия.

Обращение к тексту Лопе показывает, что ложь как часто используемое коммуникативное средство становится здесь столь обыденной, что кроме нескольких сцен с графом Лудовико, воспринимается как форма типичного речевого поведения в том социуме, который воссоздается автором. Между тем такое лояльное отношение ко лжи, к ее допустимости и сам счастливый конец произведения могут быть косвенно связаны с уходящими ренессансными концепциями. Точнее, они дают возможность оценить аксиологические компоненты фрейма в свете мифологемы *искусство есть зеркало природы*. При этом речь в данном контексте может идти о правдивом *отражении* лжи героев одновременно с двух возрожденческих позиций: как недостатка, присущего естественному человеку, и как оправдываемого средства достижения своих целей.

Следует сказать, что и другая важная мифологема – мифологема *судьбы* сохраняет у Лопе свою ренессансную аксиологию. В мире текста «Собаки на сене» она предстает как персонафикация *Фортуны*: *Pues tomo, Tristán, la empresa, y haga después la Fortuna lo que quisiere* [Lope, 2006, estrofa 240] – «И все ж я принимаю бой, – говорит Теодоро, – А там судьба решить вольна, как ей угодно» [Лопе, 1969].

Вера в судьбу, а иногда и отчаянная схватка с ней во имя счастья и любви показывают, что в пантеистическом универсуме комедии *Фортуна-удача*, благосклонная к свободному и благородному человеку, дарует ему шанс добиться успеха в жизни. Взамен же она требует от человека проявления *идеальных* черт своей эпохи: активности, настойчивости и отваги, а также самой веры в себя и в свою удачу: *Porfía, no te rindas, ... Sigue tu dicha* [Lope, 2006, estrofa 685] – «упорствуй, не сдавайся, ... следуй за своей удачей» [перевод наш. – Т. Л.].

Важно отметить, что такое понимание взаимоотношений судьбы и человека резко контрастирует с барочной идеей Аларкона о том, что *no hay fuerza humana que impida fatales disposiciones* [Alarcón, 2013, estrofa 1645] – «человеческая сила бессильна спорить против рока» [Аларкон, 1969].

Укажем, наконец, что и воплощение фреймового компонента «борьба любви с сословной честью» (хотя и выраженного косвенным речевым актом) относится к ренессансным признакам пьесы Лопе. Превращенная общественным сознанием испанцев в своеобразный социальный институт, гарантирующий стабильность и внутренний порядок в обществе, честь

воспринималась как духовный и поведенческий абсолютизм, особенно если речь шла о чести элиты. Между тем для живущей в мире ренессансных чувств графини сословная честь утрачивает былую сакральность: ¡*Maldígale Dios, honor! Temeraria invención fuiste, tan opuesta al propio gusto* [Lope, 2006, estrofa 265] – «Будь проклята, людская честь! Нелепый вымысел, губящий то, что сердцам всего дороже!» – восклицает Диана [Лопе, 1969].

Диана и Теодоро выбирают любовь, преодолевающую социальное неравенство, и прощают друг другу ложь, позволяющую им достигнуть земного счастья.

В созданной практически в тот же год «Сомнительной правде» мир текста уже очень далек от ренессансного. В нем доминирует ключевая для барокко мифологема *иллюзорности, инаковости бытия*, и всё в развертываемом на ее фоне сценарном фрейме оказывается не тем, чем кажется: правда – ложью, Хасинта – Лукрецией, забота о ближнем – готовностью пожертвовать его жизнью, и, наконец, брак – воздаянием по заслугам.

Сквозь смеховое пространство текста как бы прочитывается трансцендентальный средневековый постулат о скрытой истине земного предназначения и, соответственно, о реальности профанного бытия как об обмане и о его неизбежном присутствии на тварном уровне. С этим связана и универсальная опасность лжи, сводящая с правильного земного пути человека даже в своих самых невинных, самых комичных проявлениях.

Такое понимание новых дихотомий социально допустимого/ недопустимого и прощаемого/не прощаемого отражено в оценке лжи отцом дон Гарсии доном Бельтраном: *el vicio más sin gusto y sin provecho* [Alarcón, 2013, estrofa 1445] – «порок, который всех пороков безрадостней и бесполезней» [Аларкон, 1969].

К барочным атрибутам мира текста здесь следует отнести и представление о земной жизни как о не имеющей непреходящей ценности, что косвенно выражено в словах дон Бельтрана:

Créame, que si García
mi hacienda, de amores ciego,
disipara, o en el juego
consumiera noche y día;
si fuera de ánimo inquieto y
a pendencias inclinado,
si mal se hubiera casado,
si se muriera, en efecto,
no lo llevara tan mal
como que su falta sea
mentir. ¡Qué cosa tan fea!
¡Qué opuesta a mi natural!
[Alarcón, 2013, estrofa 210]

Поверьте, если бы Гарсия
Меня ограбил, впал в разврат,
Стал игроком, чей рай и ад –
Колода карт и мальвасия,
Будь он задира и наглец,
Пристрастный к ругани и дракам,
Свяжи себя постыдным браком,
Умри он даже, наконец, –
Я все бы это легче снес,
Чем то, что я от вас услышал.
Родной мой сын лгунишкой вышел!
Позор моих седых волос!
[Аларкон, 1969]

Показательно, что в иерархии пороков ложь дон Гарсии оказывается гораздо хуже не только множества тяжких преступлений, но и смерти: *si se muriera en efecto, / no lo llevara tan mal / como que su falta sea mentir*. И это при том, что, не считая склонности к мистификациям, единственный сын дон Бельтрана практически по-возрожденчески совершенен:

De mi señor don García
todas las acciones tienen
cierto acento, en que convienen
con su alta genealogía.
Es magnánimo y valiente,
es sagaz y es ingenioso,

Все в дон Гарсии,
весь духовный
И внешний облик, так сказать.
Хранит старинную печать
Его высокой родословной.
Он очень смел, великодушен,

es liberal y piadoso,
si repentino, impaciente.

[Alarcón, 2013, estrofa 145]

Умен, находчив, прозорлив,
Щедр, милосерд,
благочестив...

[Аларкон, 1969]

Можно сказать, что такой образ дона Гарсии обнаруживает заметное сходство с ренессансными гуманистическими канонами. Кроме того, в ходе пьесы он демонстрирует вполне *пикарескную* находчивость и настойчивость в достижении своих целей. Однако, указывая на эти достоинства и добродетели, следует подчеркнуть, что их наличие всё же не делает дона Гарсию «мерилом всех вещей» своей эпохи. Барокко выбирает другой общественный идеал, а также другой коммуникативный тип личности, – тип, для которого ложь не может быть выражением престижа и высокого социального статуса человека.

В силу этого в морально-дидактической пьесе барокко даже безобидная и, в отличие от Теодоро, абсолютно некорыстная ложь дона Гарсии ставит крест на его мечтах о счастье с любимой.

Итак, обращение к комедии Аларкона показывает, что в мире текста этой пьесы преобладают барочные черты: бытие предстает как призрак истины или иллюзия, в целом чуждая для человеческой личности, чья слабость и порочность не позволяют ей постигнуть сути обманчивой окружающей действительности. Земные радости, счастье и любовь утрачивают свои былые величие и значимость. Жизнь человека, его мечты и цели не доминируют в новой системе ценностей, которая в барочной парадигме фактически перестает быть гуманитарной.

Что же касается периферийной позиции произведения как репрезентанта заявленной категории, то, на наш взгляд, она находит выражение в неполноте всех указанных признаков. Враждебность непознаваемого мира не достигает здесь уровня философско-религиозных обобщений как в общепризнанном образце своего класса драме П. Кальдерона «Жизнь есть сон». Жизнь человека не обесценивается настолько, что она физически приносится в жертву мифологемам *чести* и *спасения*, как это происходит в другой пьесе-прототипе – «Врач своей чести» П. Кальдерона. Порок не становится настолько антисоциальным, что в социуме буквально не находится человека, способного справиться с ним, как пьесе о доне Хуне «Севильский озорник, или Каменный гость», где ренессансные мифологемы *абсолютной свободы* и *любви как высшей ценности жизни* доводятся до всеразрушающего барочного предела. Вместе с тем и указанное выше стремление отразить прекрасное в человеке свидетельствует о неполном разрыве мира текста «Сомнительной правды» с ренессансно-гуманистической парадигмой и, таким образом, о ее периферийном статусе в категории *барокко*.

В свою очередь, и мир текста «Собаки на сене» актуализирует ряд важных черт ренессанса, что также служит источником проблем с его категоризацией и атрибуцией.

Следует, однако, отметить, что при всей очевидности дискурсивного сценария, сочетающего топики *делай что хочешь* и *omnia vincit amor*, полифоническая пьеса Лопе допускает и преимущественно барочное прочтение. Отталкиваясь от сравнения Теодоро с Цезарем Борджиа, ряд авторов видит в удачливом секретаре графини де Бельфлор героя макиавеллиевского типа, карьериста, готового ради богатства и титула бросить влюбленную в него Марселу, разжечь чувство благородной вдовы и беззастенчиво обмануть безутешного графа Лудовико, прикинувшись его единственным погибшим сыном. Спланированные брачная и династическая стратегии настойчивого слуги позволяют ему добиться своей цели, обойдя на этом пути менее беспринципных конкурентов [Antonucchi, 2002, 2016; Carmona, 2016].

Другая трактовка представляет Диану де Бельфлор как знатную даму, умело пользующуюся своей властью над зависимым от нее окружением и способной едва ли не на «харрасмент» в отношении бесправного секретаря Теодоро [Piquerías Flores, 2013 и др].

Можно сказать, что в обеих интерпретациях любовная интрига и мир мечты заменяются опасным карнавалом, в котором чувства и желания другого теряют ценность и превращаются

в объект манипуляций. Действительность утрачивает свои гуманистические черты, становясь полем сражения за эгоистические цели, среди которых нет места благородству и любви. Как следствие, само произведение воспринимается как воплощение категориальных черт *барокко*, что позволяет рассматривать его в качестве репрезентанта данного класса, хотя и далеко от прототипа.

6. Выводы

Проведенный анализ показал, что членение формально недискретного литературно-эстетического континуума позволяет представить его фрагменты в виде системы нежестко ограниченных прототипических категорий. Полученное знание о смежных литературных эпохах, направлениях и стилях может быть «упаковано» в ментальные образы таких категорий, в которых каждый член соотносится с ее прототипом и в той или иной мере воспроизводит его сигнификат. Обращение к текстам испанских комедий XVII века, эстетическая атрибуция которых остается дискуссионной в силу неполного соответствия их черт прототипическим признакам эпохи, продемонстрировало, что употребление в их отношении терминов *произведение ренессанса* и *барокко* не является семантически однозначным.

Теоретическим обоснованием устойчивого характера и самой возможности такого рода «неточной» номинации служит представление о лингвокогнитивном статусе исследуемых единиц, которые признаются членами категории и получают соответствующее ей специальное имя даже при частичном совпадении с ее лучшим образцом. Так, ориентация на лучший образец категории *барокко*, т. е. наличие лишь некоторых компонентов прототипического сигнификата дает возможность включить в состав данного класса единицы, обнаруживающие ряд признаков категории *ренессанс*. Не будучи полностью идентичными ядру категории, такие единицы определяются как периферийные члены класса, сохраняя при этом общеродовое категориальное имя.

В свою очередь, гетерогенность структуры категории обуславливает полисемию ее терминологического имени, имеющего как минимум два значения, соответствующие ядру и периферии.

Список литературы

- Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, ТГУ, 2002. 122 с.
- Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2014. 236 с.
- Борев Ю. Б.** Эстетика. М.: Высшая школа, 2002, 511 с.
- История** зарубежной литературы XVII века / Под ред. Н. Т. Пахсарьян. М.: Высшая школа, 2007. 487 с.
- История** зарубежной литературы XVII века / Под ред. З. И. Плавскина. М.: Высшая школа, 1987. 248 с.
- Кубрякова Е. С.** Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Лакофф Дж.** Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- Литвиненко Т. Е.** Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 308 с.
- Литвиненко Т. Е.** Испанская драма Золотого века между ренессансом и барокко // Литература как эстетический феномен. Иркутск. ИГЛУ, 1998. С. 80–84.
- Литвиненко Т. Е.** Прототипичность vs. инвариантность в определении текста // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 18. С. 140–147.

- Пинский Л. Е. Ренессанс, барокко, просвещение. М.: РГГУ, 2002. 829 с.
- Штейн А. Л. История испанской литературы. М.: Едиториал УРСС, 2001. 608 с.
- Antonucci, F. *El perro del hortelano*, una comedia de frontera. *Cuadernos pedagógicos de la Compañía Nacional de Teatro Clásico*, 2016, p. 18–28.
- Antonucci, F. Teodoro y César Borgia: una clave para la interpretación de *El perro del hortelano*. In: *Actas del VI Congreso de la Asociación Internacional Siglo de Oro*. Burgos, La Rioja, 2002, p. 263–273.
- Avalle-Arce, J. B. Dintorno de una época dorada. Madrid, José Porrúa Turanzas, 1978, 446 p.
- Canavaggio, J. Historia de la Literatura Española. Barcelona, Ariel, 1994, vol. II. El Siglo XVI, 272 p.
- Carmona, A., Boadas, S. «O morir en la porfía o ser conde de Belflor»: la ambición de Teodoro en Lope de Vega y en Pilar Miró. *Ogigia: Revista electrónica de estudios hispánicos*, 2016, no. 20, p. 5–23.
- Domínguez Ortiz, A. De Felipe III a la paz de Westfalia. Circunstancias y características. In: *Historia de la Literatura Española*. Madrid, Cátedra, 1990, vol. I, p. 517–526.
- Geeraerts, D. Introduction: Prospects and problems of prototype theory. *Linguistics*, 1989, vol. 27, no. 4, p. 587–612.
- Gutiérrez Carabajo, F. Movimientos y épocas literarias. Madrid, Universidad nacional de educación a distancia, 2013, 304 p.
- Maravall, J. A. La cultura del Barroco. Análisis de una estructura histórica. Barcelona, Ariel, 1980, 542 p.
- Menéndez Peláez, J., Arellano, I., Caso González, J. M. et al. Historia de la literatura española. La Coruña-León, Everest, 2005, vol. II, Renacimiento y barroco, 922 p.
- Piqueras Flores, M. Las comedias de mujer poderosa de Lope de Vega: *La viuda valenciana* y *El perro del hortelano* frente a frente. In: *Actas del II Congreso Internacional Jóvenes Investigadores Siglo de Oro*, Pamplona, Servicio de Publicaciones de la Universidad de Navarra, 2013, p. 389–401.
- Reglá, J. Edad Moderna. In: *Introducción a la historia de España*, Barcelona, Teide, 1967, p. 277–521.
- Río, A., del. Historia de la literatura española. Barcelona, Bruguera, 1982, vol. I, 388 p.
- Rodríguez Cacho, L. Manual de historia de la literatura española. Madrid, Castalia, 2009, vol. I, Siglos XIII–XVIII, 451 p.
- Rosch, E. Principles of categorization. In: *Cognition and Categorization*. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Publishers, 1978, p. 27–48.
- Taylor, J. R. *Linguistic Categorization*. Oxford, Oxford University Press, 1995, 326 p.
- Ungerer, F., Schmid, H.-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. L., Longman, 1996, 383 p.
- Wilson, E. M. Historia de la Literatura Española: Siglo De Oro: Teatro (1492–1700). Barcelona, Ariel, 1974, 265 p.

Список словарей

- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
- Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
- Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Intrada, 2008. 358 с.
- Эстетика: словарь / Под ред. А. А. Беляева. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

Список источников

- Аларкон Х.-Р де. Сомнительная правда // Испанский театр. М.: Художественная литература, 1969. С. 379–486 (пер. с исп. М. Лозинского).

Лопе де Вега Ф. К. Собака на сене // Испанский театр. М.: Художественная литература, 1969. С. 131–262 (пер. с исп. М. Лозинского).

References

- Antonucci, F.** *El perro del hortelano*, una comedia de frontera. *Cuadernos pedagógicos de la Compañía Nacional de Teatro Clásico*, 2016, p. 18–28.
- Antonucci, F.** Teodoro y César Borgia: una clave para la interpretación de *El perro del hortelano*. In: *Actas del VI Congreso de la Asociación Internacional Siglo de Oro*, Burgos, La Rioja, 2002, p. 263–273.
- Avalle-Arce, J. B.** *Dintorno de una época dorada*, Madrid, José Porrúa Turanzas, 1978, 446 p.
- Boldyrev, N. N.** *Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a lecture course*. 4th ed. Tambov: Tambov State Univ. Press, 2014, 236 p. (in Russ.)
- Boldyrev, N. N.** *Cognitive semantics: Course of lectures on English philology*. Tambov, Tambov State Univ. Press, 2002, 122 p. (in Russ.).
- Borev, Yu. B.** *Esthetics*. Moscow, Vysshaya shkola, 2002, 511 p. (in Russ.)
- Canavaggio, J.** *Historia de la Literatura Española*. Barcelona, Ariel, 1994, vol. II. El Siglo XVI, 272 p.
- Carmona, A., Boadas, S.** «O morir en la porfía o ser conde de Belflor»: la ambición de Teodoro en Lope de Vega y en Pilar Miró. *Ogigia: Revista electrónica de estudios hispánicos*, 2016, no. 20, p. 5–23.
- Domínguez Ortiz, A.** De Felipe III a la paz de Westfalia. Circunstancias y características. In: *Historia de la Literatura Española*. Madrid, Cátedra, 1990, vol. I, p. 517–526.
- Geeraerts, D.** Introduction: Prospects and problems of prototype theory. *Linguistics*, 1989, vol. 27, no. 4, p. 587–612.
- Gutiérrez Carbajo, F.** *Movimientos y épocas literarias*. Madrid, Universidad nacional de educación a distancia, 2013, 304 p.
- History of foreign literature of the XVII century. Ed. by N. T. Pakhsaryan, Moscow, Vysshaya shkola, 2007, 487 p.**
- History of foreign literature of the XVII century. Ed. by Z. I. Plavskin. Moscow, Vysshaya shkola, 1987, 248 c. (in Russ.)**
- Kubryakova, E. S.** *Language and knowledge: On the way of getting knowledge about the language: Parts of speech from the cognitive point of view: The role of language in the knowledge of the world*. Moscow, Languages of Slavic culture, 2004, 560 p. (in Russ.)
- Lakoff, G.** *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind*. Moscow, Languages of Slavic culture, 2004, 792 p. (in Russ.)
- Litvinenko, T. E.** *Intertext in the Aspects of Linguistics and General Text Theory*, Irkutsk, Irkutsk State Linguistic Univ. Press, 2008, 308 p. (in Russ.)
- Litvinenko, T. E.** Prototype vs. invariant in the definition of text. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, 2012, no. 18, p. 140–147. (in Russ.)
- Litvinenko, T. E.** Spanish Drama of the Golden Age between the Renaissance and Baroque. In: *Literature as an aesthetic phenomenon*. Irkutsk, Irkutsk State Linguistic Univ. Press, 1998, p. 80–84 (in Russ.)
- Maravall, J. A.** *La cultura del Barroco. Análisis de una estructura histórica*. Barcelona, Ariel, 1980, 542 p.
- Menéndez Peláez, J., Arellano, I., Caso González, J. M.** et al. *Historia de la literatura española*. La Coruña-León, Everest, 2005, vol. II. Renacimiento y barroco, 922 p.
- Pinsky, L. E.** *Renaissance, Baroque, Enlightenment*. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2002, 829 p. (in Russ.)
- Piqueras Flores, M.** Las comedias de mujer poderosa de Lope de Vega: *La viuda valenciana* y *El perro del hortelano* frente a frente. In: *Actas del II Congreso Internacional Jóvenes*

- Investigadores Siglo de Oro. Pamplona, Servicio de Publicaciones de la Universidad de Navarra, 2013, p. 389–401.
- Reglá, J.** Edad Moderna. In: Introducción a la historia de España. Barcelona, Teide, 1967, p. 277–521.
- Río, A., del.** Historia de la literatura española. Barcelona, Bruguera, 1982, vol. I, 388 p.
- Rodríguez Cacho, L.** Manual de historia de la literatura española. Madrid, Castalia, 2009, vol. I. Siglos XIII–XVIII, 451 p.
- Rosch, E.** Principles of categorization. In: Cognition and Categorization. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Publishers, 1978, p. 27–48.
- Stein, A. L.** History of Spanish Literature. Moscow, Editorial URSS, 2001, 608 p.
- Taylor, J. R.** Linguistic Categorization. Oxford, Oxford University Press, 1995, 326 p.
- Ungerer, F., Schmid, H.-J.** An Introduction to Cognitive Linguistics. L., Longman, 1996, 383 p.
- Wilson, E. M.** Historia de la Literatura Española: Siglo De Oro: Teatro (1492–1700). Barcelona, Ariel, 1974, 265 p.

List of Dictionaries

- Aesthetics:** the dictionary. Ed. by A. A. Belyaev. Moscow, Politizdat, 1989, 447 c. (in Russ.)
- Kubriakova, E. S., Dem'iankov, V. Z., Pankrats, Iu. G., Luzina, L. G.** A concise dictionary of cognitive terms. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1996, 245 p. (in Russ.)
- Literary** encyclopedia. Ed. by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. Moscow, Sovietskaiia encyclopedia, 1987, 752 p. (in Russ.)
- Poetics:** dictionary of actual terms and concepts. Ed. by N. D. Tamarchenko, Moscow, Intrada, 2008, 358 p. (in Russ.)

List of Sources

- Alarcón, J.-R. de.** La verdad sospechosa. México, Fondo de Cultura Económica, 2013, 99 p.
- Lope de Vega, F. C.** El perro del hortelano. Madrid, Cátedra, 2006, 192 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
17.09.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Литвиненко Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Tatiana E. Litvinenko, Doctor of Philology, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology at Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

littatiana2404@gmail.com
ORCID 0000-0002-3658-7152

Литературно-исторические истоки темы плача в «Поэме о Йусуфе»

О. В. Тихонова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Одно из наиболее известных произведений литературы на алхамиадо (литературы на испанском языке в арабской графике) – «Поэма о Йусуфе» (исп. *Poema de Yúçuf*). Поэма написана неизвестным автором-мориском в кон. XIII – нач. XIV в. Основана на наиболее распространенном в среде морисков сюжете двенадцатой суры Корана. В поэму включена, однако, сцена плача у могилы, которая отсутствует как в Коране, так и в Ветхом Завете. Несмотря на преследования испанской инквизиции, «Поэма о Йусуфе» сохранилась в нескольких списках. До середины XIX в. она считалась исследователями-литературоведами и лингвистами оригинальной для алхамиадо, но позднее было установлено, что своим появлением она обязана влиянию иудейских апокрифов. Позднейшими исследователями, среди которых особенно выделяется Р. Менендес Пидаль, был вынесен суровый приговор оригинальности как исследуемой сцены, так и поэмы вообще. Тем не менее в сцене у могилы прослеживается не только влияние коранической традиции или ветхозаветных апокрифов, но и традиций арабской доисламской поэзии, получивших развитие в аль-Андалусе. Благодаря публикации Дж. Тикнора она получила широкую известность как уникальный образец «амальгамы элементов восточной и западной цивилизации, которые позже были отражены в испанской поэзии» [Ticknor, 1851. P. 105].

Задача данного исследования – показать это влияние.

Кроме того, на «Поэму о Йусуфе» повлияли традиции христианской литературы. Хотя оригинальность поэмы оспаривалась рядом исследователей, ее автор, несомненно, создал трогательный образ главного героя, отличный от образа героя «Песни о моем Сиде», написанного столетием раньше.

Ключевые слова

Поэма о Йусуфе, арабо-испанская литература, литература на алхамиадо, тема плача, поэзия аль-Андалуса

Для цитирования

Тихонова О. В. Литературно-исторические истоки темы плача в «Поэме о Йусуфе» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 146–158. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-146-158

Features of Arabic Scripts in Aljamiado Manuscripts

Oxana V. Tikhonova

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Abstract

One of the most famous works of aljamiado literature (literature in Spanish in Arabic script) is the Poem of Yusuf ("Poema de Yúçuf" in Spanish). The poem was written by an anonymous Morisco poet at the end of the XIII – the beginning of the XIV centuries. The poem is based on the most common plot among the Moriscos – the twelfth sūrah of the Qur'an. The poem includes a scene of lament at the grave, which is not found either in the Qur'an or the Old Testament. Researchers of the middle nineteenth century considered the scene original. However, later it was defined that the scene had appeared due to the influence of the Jewish apocrypha. Modern researchers called into question the originality of the scene and the poem itself. Nevertheless, in the lament scene, we can trace not only the influence of the

Qur'an or the Old Testament Apocrypha, but also the traditions of pre-Islamic Arabic poetry [A1], which were developed in Al-Andalus. The objective of this study is to show this influence.

Undoubtedly, the author of The Poem of Yusuf created a touching image of the protagonist, which was appreciated by the Moriscos. The beginning of the poem was borrowed by the author from another aljamiado poem. Despite the persecution of the Spanish Inquisition, the poem has survived in several copies. Together, they represent a combination of traditions of Islamic, pre-Islamic and Christian versification. The article also contains the text of the lament at the grave in the original (Arabic) script and its scientific transcription by V. Menendez Pidal. It also includes a modern Spanish translation made by G. Ticknor. Thanks to his publication, the poem became known as a unique example of "amalgam elements of Eastern and Western civilizations, which were later reflected in Spanish poetry."

Keywords

Poem of Yusuf, Arabic-Spanish literature, Aljamiado literature, lament theme, poetry of al-Andalus

For citation

Tikhonova, Oxana V. Features of Arabic Scripts in Aljamiado Manuscripts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 146–158. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-146-158

قَالَ إِنَّمَا أَنَا بَشَرٌ مِّثْلُكُمْ يُبَيِّنُ اللَّهُ لِي آيَاتِهِ

Коран 12:86¹

Введение

«Поэма о Йусуфе»² (исп. Poema de Yūsuf) – одно из наиболее известных произведений литературы на алхамиадо (т. е. литературы на испанском языке в арабской графике [DRAE, 2014. P. 108; Montaner Frutos, 2014. P. 45]). Исторически необходимо, однако, различать «два алхамиадо»: «Первый – мосарабский алхамиадо, язык испанцев в завоеванной арабами Испании. Этот язык не оставил письменных памятников, поскольку литература в это время создавалась еще на латинском языке, так что ранний (X–XIII вв.) этап истории испанского языка задокументирован плохо. Единственные свидетельства о нем – испанские слова, упомянутые в арабских глоссариях того времени, топонимика, ономастика и вкрапления испанских слов в арабоязычных *мувашишах*. <...> Второй алхамиадо – алхамиадо *морисков*, то есть испанских мусульман эпохи Реконкисты... <...> На этом алхамиадо существует обширная литература» [Воевуцкий, 1987. С. 55]. Морисками (исп. moriscos) называли тех мусульман, которые по окончании Реконкисты были крещены и оставались жить в Испании [DRAE, 2004. P. 1496]. Необходимо, однако, уточнить, что хотя речь и идет о мусульманах, принявших христианство, в тайне они все-таки продолжали исповедовать ислам, иначе говоря, оставались криптомусульманами.

«Поэма о Йусуфе» написана неизвестным автором-мориском в кон. XIII – нач. XIV в. [Menéndez Pidal, 1982. P. 340]. Отличительная черта литературы на алхамиадо – ее анонимность. После того как в 1564 г. Валенсийские кортесы запретили использование арабского языка «письменного и устного», и аналогичного запрета на территории кастильской короны, объявленного Филиппом II в 1567 г., инквизиция устремилась на поиски следов использования арабского языка, поскольку для нее он ассоциировался с тайной практикой ислама. Любый владеющий книгами, написанными в арабской графике, обвинялся в ереси [García-Arenal, 2014. P. 57–58]. Так, только на территории Сарагосы 409 из 900 процессов инквизиции над морисками были связаны с наличием у них книг на арабском [Montaner Frutos, 2014. P. 45].

Уже к середине XV в. мориски забыли арабский язык настолько, что пришлось переводить на Коран испанский. Первым считается перевод 1455 г., сделанный Исой де Джабиром, факихом мусульманской общины г. Сеговии (см. [Тихонова, Шакунова, 2019]). Многие

¹ «Он сказал: “Я жалею на свою скорбь и печаль Аллаха”» (араб.). Здесь и далее текст Корана приводится в переводе И. Ю. Крачковского [1990].

² В данной статье применяется транслитерация на русский имен собственных, принятая в современной арабистике.

книги морисков были написаны не на арабском, а на испанском, но в арабской графике (т. е. на алхамиадо), сделавшейся знаком их инокультурной принадлежности.

Текстология «Поэмы о Йусуфе»

Несмотря на преследования инквизиции, «Поэма о Йусуфе» сохранилась в двух списках. Первый (Ms. 11/9409; ранее T 12) находится в библиотеке Королевской академии истории; он был издан и прокомментирован Рамоном Менендесом Пидальем [Menéndez Pidal, 1902]. Датируется сер. XIV – нач. XV в., содержит 9 листов. Список был найден в пещере недалеко от Сарагосы, где был спрятан вместе с оружием [Menéndez Pidal, 1902. P. 1–2]. Второй (Ms. Res. 247³; ранее Gg. 101), который хранится в Национальной библиотеке Испании, был издан и описан Генрихом Морфом [Morf, 1883]. Он датируется XVI в. и включает 49 листов [Barletta, 2014. P. 215]. Этот список в сер. XVIII в. был ошибочно определен востоковедом Мигелем Касири как манускрипт «на персидском языке», что неоднократно случалось с рукописями на алхамиадо [Gayangos, 1856. P. 418]. Р. Менендес Пидаль издал этот текст на алхамиадо с транскрипцией на испанский, Г. Морф – только на алхамиадо. Позднее Микаэль Шмитц⁴ издал текст, опубликованный Г. Морфом, в транскрипции и переложении на испанский [Schmitz, 1901].

Обе рукописи написаны магрибским почерком, характерным для Испании, но отличным от африканского. Испанский вариант магрибского почерка отличается от принятого на востоке: кроме прочего, *ḳāf* (ق) пишется с одной точкой наверху (ف), а *phā'* (ف) также с одной, но внизу (ف). Однако Г. Морф, а после и Р. Менендес Пидаль восстанавливают восточное начертание при подготовке публикаций [Menéndez Pidal, 1902. P. 2], возможно, потому, что в типографском наборе не было нужных знаков.

Помимо указанных двух списков, сохранился также отрывок из поэмы (четыре строфы) на одном листе (Ms. 11/9416) в библиотеке Испанской академии истории, что свидетельствует о том, что, возможно, существовал еще один список поэмы (см. его описание [Galmés de Fuentes, 1998. P. 145–146]). Все списки, однако, неполные. При этом зачин поэмы сохранился только в раннем списке (Ms. 11/9409) (см. [Тихонова, 2018]).

Произведение получило широкую известность благодаря публикации Джорджа Тикнора, который озаглавил произведение *Poema morisco aljamiado de José el Patriarca* (исп. «Поэма морисков на алхамиадо о Хосе Пророке») [Ticknor, 1856. P. 247]. Этот текст позднее был издан в книге *Poetas castellanos anteriores al siglo XV* (исп. «Кастильские поэты до XV в.») под адаптированным названием «Поэма о Хосе» (исп. *Poema de José*) [Sánchez, Pidal, Janer, 1864]. Оригинальное же название поэмы сохранилось в раннем списке: *Alhadiç de Yüçuf* (исп.-араб. *حديث دا يوسف*), т. е. «Рассказ о Йусуфе»⁵.

Литературные истоки и влияния (внутренние и внешние)

Влияние Священного Писания и апокрифов

«Поэма о Йусуфе» основана на сюжете двенадцатой суры Корана. После названия поэмы следует фраза «*Alayhi Aṣṣalam*» (исп.-араб. *عَلَيْهِ السَّلَام* – «мир ему») – стандартное арабское славословие, которое встречается при упоминании пророков – и формула «басмала» (араб. *بسم الله الرحمن الرحيم* – «Во имя Бога милостивого и милосердного»).

Начальные две строфы поэмы представляют собой парафраз первой суры Корана («Аль-Фатиха»): *الْحَمْدُ لِلَّهِ رَبِّ الْعَالَمِينَ* (араб. «хвала Аллаху, Господу миров»). А словосочетание *loamiento ad Allah* (исп.-араб. «Хвала Богу») – это перевод на испанский второго *аята*. Его

³ Ms. RES/247 (bdh0000196070). *Poema de Yüçuf*: URL: <http://bdh.bne.es/bnearch/detalle/bdh0000196070>.

⁴ Р. Менендес Пидаль ошибочно отсылает к 9 тому издания *Romanische Forschungen* [Menéndez Pidal, 1902. P. 39], работа М. Шмитца была опубликована в 11 томе.

⁵ Такое название было характерно для литературы на алхамиадо. Так, в рукописи, содержащей список «Поэмы о Йусуфе», следующее произведение называется *Alhadiç de Ibrehim* (исп.-араб. «Рассказ об Аврааме») [Galmés de Fuentes, 1998. P. 83].

вариант – las loores son ad Alláh (исп.-араб. «Хвала Богу») ⁶ – это также распространенное арабское славословие. Им принято начинать не только сочинения теологического или научного характера, но и художественные. Как и в «Поэме о Йусуфе», это славословие следует обычно после формулы «басмала».

Поэма о Йусуфе	
В переложении Дж. Тикнора [Ticknor, 1856. P. 247]	В переводе на русский (О. Т.)
Строфа 1	
Loamiento ad Alláh; el alto es y verdadero, Honrado é complido, señor dereiturero, Franco é poderoso, ordenador sertero.	(исп.) Хвала Богу, высок Он и истинен, Честный и целостный, господин справедливый, искренний и могущественный, безукоризненный правитель.
Строфа 2	
Grande es el su poder, todo el mundo abarca; Non se le encubre cosa que en el mundo nasca, Siquiera en la mar ni en toda la comarca, Ni en la tierra prieta ni en la blanca.	Велика власть Его, весь мир объемлет. Ничто не утаится от него, что рождено в мире, даже ни на море, ни во всей местности, ни на земле черной, ни на белой.

Есть основания предполагать, что эти стихи были очень популярны в среде морисков, ибо зачин был даже позаимствован неизвестным автором поэмы *Alabanza de Mahoma* (исп. «Восхваление Магомета») [Menéndez Pidal, 1902. P. 60].

Восхваление Магомета	
В переложении Дж. Тикнора [Ticknor, 1856. P. 327]	В переводе на русский (О. Т.)
Строфа 1	
Las loores son ad Alláh, el alto, verdadero, Honrado y complido, Señor muy derecho, Señor de todo el mundo, uno solo y señoero, Franco, poderoso, ordenador sertero.	(исп.) Хвала Богу, высок Он, истинен, Честный и целостный, господин справедливый, Господин всего мира, один единый, искренний, могущественный, безукоризненный правитель.

Сам сюжет об Иосифе Прекрасном был наиболее распространенным среди морисков. Эта история существовала в бесконечных вариантах устной традиции [Gayangos, 1856. P. 421]. Кроме «Поэмы о Йусуфе» до наших дней дошел «Рассказ о Йусуфе» (исп. *Recontamiento de Yūsuf*), написанный в прозе на алхамиадо [Tottoli, 2014. P. 201].

Несмотря на то что исследователи часто сводят происхождение «Поэмы о Йусуфе» к двум источникам – Корану и Библии, – в тексте прослеживаются и другие влияния, в том числе комментариев к этим книгам [Menéndez Pidal, 1902. P. 57–60]. Так, библейская история дополнялась иудеями в апокрифах, которые в свою очередь подверглись мусульманскому влиянию [Menéndez Pidal, 1902. P. 59]. Много деталей внес Ка'б аль-Ахбар (? – 652/655), иудей, принявший ислам ⁷. Ка'б аль-Ахбар считается автором «Рассказа о Йусуфе» [Tottoli,

⁶ См., например, Коран в кратком изложении (Ms. 11/9402; ранее T-5) из Национальной библиотеки Испании [Galmés de Fuentes, 1998. P. 67].

⁷ Gottheil, R., Hirschfeld, H. Ka'b al-Aḥbar // Jewish Encyclopedia. URL: <http://www.jewishencyclopedia.com/>.

2014. Р. 201]. Предполагается, что сцена плача Йусуфа на могиле матери создана под его влиянием.

Сцена плача в «Поэме о Йусуфе»

В «Поэме о Йусуфе» включена драматичная сцена плача, когда Йусуф, будучи проданным в рабство, ускользает от стражи во время стоянки каравана и приходит на могилу матери:

Сцена у могилы	
В рукописи Ms. 11/9409 [Menéndez Pidal, 1902. P. 14]	В транскрипции Р. Менендеса Пидаль [Menéndez Pidal, 1902. P. 34–35]
Строфа 46	
دِي شَلْتُ دَالْقَمَلُ دُ اب قَبْلَعْدُ لُشَانِي ٱلنَّاعُرُ كَا لِيْب غُورْدَنْدُ دَكِي كَا يُوْسُفُ ٱلنَّيَّارُ لَكَدَان رَّشَنْدُ فُوَاشَا بَر لُفُوش دَا شَمْدَرَا لُرَنْدُ	Di'yo xalto del kamello ⁸ do iba kabalgado, no lo xenti'o el negro ke lo 'iba gu ^w ardando, daki ^y —a a ke Yūçuf en ti ^y era, la cadena rrxatando, fu ^w exe para la fu ^w exa de xu madre lorando.
Строфа 47	
دِيْشُ مَدْرَا شَانَر بَارْدَنْتَا ٱلْقَرِيْدُرُ مَدْرَا شَا مَا بَايَاشَنْشَا دَا م أَبَرْش ٱلْعَاشُ دَلُرُ لِيَايَنْ مَا كَتِيْبُ قُنْ شَانَرُ بَانْدِيْدُ مَا أَنْ مِيْش ٱلْمَشْشُ قُمْ قَرَان دَا تَرِيْدُرُ	Dixo: madre señora, perdónate el k ⁱ ri ^y ador! madre, xe me beyextex, de mi abrixtex dolor; li ^y eban me katibo kon xeñor, bendido me an mix ermanox, komo fazen de t ^a raydor;
Строфа 48	
ٱلْشُ مَا أَتْبَانْدِيْدُ نُنْ تَاتِيَانْدُلَاشُ تَوَارْتُ بَرْتِيَارُ مَا دَا م بَدْرَا أَنْنَا كَا فُوشَا مُوَارْتُ قُنْ أَرْتُ ا كُنْ فَلْشِي ٱلْشُ مَا ٱلْبِيَارُ سُوَالْتُ بُرُ مَل بَارَاسِيْ مَا بَانْدِيَارُنْ شَاشْدُ ا قَتِيْبُ	elox me han bendidu non teni ^y endolex tu ^w erto; parti ^y erome de mi padre, ante ke fu ^w axe mu ^w erto, kon art i kon falxi ^y a ellox me obi ^y eron çu ^w elto, por mal p ^e reçi ^y o me bendi ^y eron, xo axado i katibo.

Сцена у могилы отсутствует и в Коране, и в Ветхом Завете [Menéndez Pidal, 1902. P. 58]. Дж. Тикнор считал эту сцену находкой автора. К оригинальным чертам поэмы он относил также беседу Йакуба (отца Йусуфа) с волком, которого братья обвинили в убийстве Йусуфа; сосуд, которым Йусуф отмерял пшеницу, и др. [Ticknor, 1851. P. 103]. Подчеркивая уникальность поэмы, Дж. Тикнор поместил ее первой в хрестоматии неизданных стихов в приложении к четвертому тому «Истории испанской литературы» [Ticknor, 1856]. Сцену у могилы Дж. Тикнор привел в описании поэмы в первом томе⁹ [Ticknor, 1851. P. 103–104].

Сцена у могилы	
В переложении на испанский Дж. Тикнора [Ticknor, 1856. P. 103–104]	В переводе на русский (О. Т.)
Строфа 46	
Dio salto del camello, / do iba cabalgando; no lo sintió el negro, / que lo iba guardando,	Соскочил он с верблюда, на котором ехал. Не услышал его негр, который охранял его.

⁸ В позднем списке (Ms. Res. 247) вместо camello (исп. «верблюд») – camella (исп. «верблюдица»).

⁹ В первом томе Дж. Тикнор привел шесть строф из этой сцены.

fuese á la fuesa de su madre, / á pedirle perdón doblando,	Пошел он к могиле своей матери попросить у нее прощение, поклонившись.
Iusuf á la fuesa / tan apriesa llorando.	Йусуф к могиле прижался, рыдая.
Строфа 47	
Diciendo; “Madre, señora, / perdonos el sennor; madre, si mi bidieses, / de mi abriais dolor; boi con cadena al cuello, / caibo con señor, vendido de mis hermanos, / como si fuera traidor.	Говоря: «Мама, госпожа, прости Вас Гос- подь, Мама, если бы вы меня видели, вам бы ста- ло горько за меня. Я иду с цепью на шее, с господином, проданный своими братьями, как если бы я был предатель.
Строфа 48	
Ellos me han vendido, / no teniéndoles tuerto; patieronme de mi padre; / ante que fuese muerto; can arte, con falsa, / ellos me obieron buelto; por mal precio me han vendido / por do boy ajado é cueito.”	Они меня продали, я не держу на них оби- ды, разлучили меня с моим отцом до того, как он умер, искусно, лукаво, они меня вырвали [от не- го]. За малую цену меня продали, куда я теперь иду, увядший и понурый».

Позднее было установлено, что сцена не является оригинальной; как и другие сцены, указанные Дж. Тикнором как самобытные, она восходит к иудейским апокрифам. Ее, вместе с некоторыми другими деталями поэмы, такими как письмо о продаже Йусуфа, описание дворца Зулейхи и др., относят к влиянию Ка’ба аль-Ахбара [Menéndez Pidal, 1902. P. 59].

Паскуаль де Гайангос, составивший комментарий к труду Дж. Тикнора, дал довольно резкую оценку оригинальности поэмы: «...если мы не ошибаемся, ее автор только лишь переложил кастильским стихом одну из многочисленных версий этой популярной среди морисков истории» [Gayangos, 1856. P. 421]. Р. Менендес Пидаль, развивая эту мысль, высказался еще более решительно: «На самом деле, воображение мориска играет последнюю роль. Иначе и быть не могло, так как его цель состояла в том, чтобы изложить стихами историю, утвержденную авторитетом вековой традиции, которая, будучи проработанной до мельчайших подробностей, не позволяла иных вымыслов. Мориск ничего не мог задумать сочинить. Он должен был взять всё из арабских письменных источников. Да и сами арабские авторы придумали немного» [Menéndez Pidal, 1902. P. 59].

Такая оценка кажется нам необоснованно суровой. Плач Йусуфа на могиле матери не может быть объяснен только лишь влиянием апокрифов. В этой сцене прослеживается, на наш взгляд, влияние и арабской классической поэзии. Элегия на могиле старшего поколения не характерна для арабской поэзии, в то время как плач во время стоянки каравана является традиционным для арабской классической поэзии.

Жанр плача в арабской поэзии аль-Андалуса

Тема плача была характерна для арабской поэзии. Этот вывод подтверждается тем, что традиционная арабская *касыда*, чей канон сформировался еще в доисламский период арабской истории, начинается словами: «Постойте, поплачем». Считается, что зачин восходит к творчеству Имру-уль-Кайса (VI в.). Этими словами начиналась его знаменитая *му’аллака*, признанная как образец поэтического совершенства в Средние века [ИВРАН, 1997. С. 16]. Тогда эта *касыда* считалась в арабском мире «непревзойденным шедевром» и даже «художественным эталоном». Когда арабы давали оценку поэтическому произведению, они говори-

ли: «Это более прекрасно, чем касыда “Постойте! Поплачем!”», «Это еще более известно, чем касыда “Постойте! Поплачем!”» [Фильштинский, 1985. С. 73]. Структура *касыды* в том виде, в каком она сложилась в творчестве Имру-уль-Кайса, впоследствии стала обязательным каноном арабской классической поэзии [ИВРАН, 1997. С. 16].

Как пишет И. Ю. Крачковский, поэтические формы *касыды* и *мукатта’а* пришли в Испанию с Востока уже в готовом виде. В свою очередь, в Испании родились два новых жанра арабской поэзии – *мувашишах* и *заджал*, – которые потом распространились на Восток. Первые упоминания об этих новых формах относятся к началу X в., их расцвет приходится на XII в. «Несмотря на кажущуюся простоту, арабская поэзия в Испании – сложное явление, переживавшее различные фазы, иногда существовавшее в параллельных, на первый взгляд противоречивых, формах. Попытка вспомнить неустойчивые политические судьбы Андалусии, быть может, несколько поможет уловить основную линию развития поэзии в разных культурных центрах полуострова» [Крачковский, 1956б. С. 475].

Он отмечает также некоторые геокультурные особенности проникновения жанра плача в Андалусию, указывая на то, что образ пальмы был тогда еще чуждым в Испании. «Когда первый омейядский эмир в Испании ’Абд ар-Рахман, спасшийся после гибели (в 750 г.) своей династии на Востоке, – говорит он, – воспевал в сентиментальных стихах увиденную им здесь пальму-чужестранку, то не только он сам и эта пальма были чужды Андалусии» [Крачковский, 1956б. С. 475]. Разумеется, стихи, в которых он ее воспевал, также были еще чуждыми, поскольку известно, что андалусская лирика достигла своего полного развития значительно позже, «только к X в., к эпохе провозглашения халифата в Кордове» [Крачковский, 1956б. С. 475].

Начало истории андалусской поэзии традиционно связывают с упомянутым выше омейядским эмиром Абд ар-Рахманом I (755–788), современником Роланда (уб. в 778 г.). Его правление открывает и страницу самостоятельной истории Андалусии, уже не подчиненной восточному халифату [Крачковский, 1956б. С. 481]. Именно ему принадлежит знаменитое плач-обращение¹⁰ к пальме¹¹-чужестранке¹² в Русафе около Кордовы:

О пальма, ты, как и я, чужестранка на западе, далеко от своего корня!

Плачь же! Но разве может плакать поникшая главою, немая, в природе которой нет моего расстройства?

Если б она зарыдала, то плакала бы о водах Евфрата и пальмовой роще.

Но она безучастна – ведь и меня злора к сынам ’Аббаса заставила позабыть про семью.

[Крачковский, 1956б. С. 481].

Так же печально Абд ар-Рахман обращается в стихах к родным, оставшимся на Востоке:

О всадник, направляющийся в мою землю! Передай привет от одной моей части другой.

Ведь тело мое, как ты видишь, в одной земле, а сердце и властители его в другой.

Суждена была нам разлука, и мы расстались: разлука унесла сон от моих век.

Судил Аллах нам удалиться; быть может судит он нам сблизиться.

[Крачковский, 1956б. С. 481–482]

Тема плача о покинутой стоянке в арабской *касыде* развилась в плач по оставленным городам. Шедевром этого жанра считаются произведения аль-Андалуса. После падения Кор-

¹⁰ По наблюдению И. Ю. Крачковского, эти стихи напоминают обращение к двум пальмам в Хульване (в Месопотамии) Мути ибн Ийаса (ум. ок. 787 г.), современника эмира Абд ар-Рахмана I. Однако ученый убежден в том, что знать друг друга они не могли [Крачковский, 1956б. С. 481].

¹¹ Считается, что стихотворение М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины» было вдохновлено пальмовой ветвью, привезенной с Востока А. Н. Муравьевым [Крачковский, 1956а. С. 317].

¹² У И. В. Гете среди большого числа стихов на восточные темы, также есть обращение к пальме-чужестранке. Вероятно, И. В. Гете, как и другие поэты романтической эпохи, основывал свои творения на переводах с арабского, выполненных французским ориенталистом Дербело Бартоломео (1625–1695) и опубликованных в его фундаментальном труде *Bibliothèque orientale, ou dictionnaire universel contenant tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l’Orient* (1697 г.). Однако ответ на вопрос, знал ли И. В. Гете стихи о пальме-чужестранке арабских поэтов из аль-Андалуса, требует дополнительного исследования.

довы в 1236 г. и Севильи в 1248 г. только Гранада смогла выстоять еще два века. Арабы осознали свою обреченность, их излюбленной поэтической формой стала элегия. Один из наиболее знаменитых плачей по оставленным городам принадлежит арабскому ученому и поэту из Андалусии Салиху ар-Ронди¹³ (1204–1285) [Крачковский, 1956б. С. 505]. В элегии несколько философского характера он приводит перечень городов, павших под ударами Реконкисты:

У всякой вещи, как только она завершится, наступает ущерб; пусть не обольщается человек благополучием жизни!

Все дела, как ты видел, переменчивы; кого радовало какое-нибудь время, того же опечалят другие времена.

<...>

Спроси Валенсию, как состояние Мурсии и где Шатива или где Хаэн?

И где Кордова, обиталище наук? У скольких ученых возвышался там сан!

И где Химс (Севилья)¹⁴ со всеми своими прогулками и его река приятная с разливом и полноводием?

Все – столицы, что были столпами страны. Как же существовать, если не осталось столпов?

Плачет белое ханифство (ислам) от печали, как плачет от разлуки с другом влюбленный, –

(Плачет) по странам, что лишились ислама; опустели они, но заселены неверием,

Где мечети стали церквями, – в них только била и кресты.

<...>

О, кто сжалится над унижением народа после славы их! Состояние их изменили неверие и заблуждение!

Вчера были они царями в своих домах, а сегодня они рабы в странах неверия.

<...>

И если бы ты увидел их плач при продаже их, – тебя бы ужаснуло событие и взволновали бы печали.

<...>

Из-за этого сердце тает от печали, если есть в сердце ислам и вера.

[Крачковский, 1956б. С. 505–506].

Стихи Салиха ар-Ронди звучат эпитафией арабскому владычеству в Испании, описывая его как время расцвета истинной веры, наук, культуры и искусств и ассоциируя новых «хозяев» с варварами. Форма его произведения не является, однако, новой; она напоминает своим построением плач Ибн 'Абдуна на падение Афтасидов. Отличие лишь в тональности: стихи ар-Ронди окрашены в более мрачные тона [Крачковский, 1956б. С. 505]. Стоит заметить, что на Ближнем Востоке тема плачей по разрушенным городам была известна еще в неошумерской поэзии. Некоторые ученые возводят этот жанр к шумерским литургическим lamentациям, самые ранние из которых восходят ко второму тысячелетию до Р. Х. [Rostom Maderna, 2005. P. 110]. Стихи же ар-Ронди были написаны в середине XIII в., а «Поэма о Йусуфе» относится к концу этого столетия [Menéndez Pidal, 1982. P. 340].

Примечательно, что за несколько веков до арабского поэта, неизвестный христианский поэт отозвался на падение Испании необычным плачем в «Мосарабской хронике» 754 г. Предположительно, ее автор был деятелем церкви. В описании трагических для христиан событий 711 г. повествование прерывается стихами, известными как плач о «Потере Испании» (исп. *Pérdida de España*):

Pérdida de España [цит. по López Pereira, 1991. P. 73–75]	Плач о «Потере Испании» (О. Т.)
¿Quién podrá, pues, narrar tan grandes peligros?! ¿Quién podrá enumerar desastres tan lamentables?! Pues aunque todos sus miembros se convirtiesen en lengua, no podría de ninguna manera la naturaleza humana	(исп.) Кто сможет поведать столь большие беды? Кто сможет перечесать несчастья столь горькие? Хотя бы все ее жители превратились в язык, не смогла бы никоим образом человеческая природа передать раз-

¹³ Абу-л-Бака Салих ар-Ронди (1204–1285) – арабский литератор, медик и математик, уроженец Ронды (Андалусия) [Крачковский, 1956б. С. 505].

¹⁴ Уточнения в скобках были сделаны переводчиком стихотворения И. Ю. Крачковским.

referir la ruina de España ni tantos y tan graves males como ésta soportó. Pero para contar al lector todo en breves páginas, dejando de lado los innumerables desastres que desde Adán hasta hoy causó, cruel, por innumerables regiones y ciudades, este mundo inmundo, todo cuanto según la historia soporto la conquistada Troya, lo que aguantó Jerusalén, según vaticinio de los profetas, lo que padeció Babilonia, según testimonio de las Escrituras, y, en fin, todo cuanto Roma enriquecida por la dignidad de los apóstoles alcanzó por sus mártires, todo esto y más lo sintió España tanto en su honra, como también de su deshonor, pues antes era atrayente, y ahora está hecha una desdicha. 144 слова 751 знак без проб. 895 знак с проб.	гром Испании, ни большие и страшные (беды), какие ей пришлось пережить. Но чтобы поведать читателю всё на нескольких страницах, оставив в стороне многочисленные беды, что со времен Адама до сегодня вызвал по бесчисленным областям и городам этот жестокий и отвратительный мир; всё, что согласно историкам вынесла завоеванная Троя; то, что пережил Иерусалим, согласно предсказаниям пророков; то, что выстрадал Вавилон, согласно свидетельствам Писания; и, наконец, всё, что Рим, обогащенный достоинством апостолов, достиг через своих пророков, – всё это и более того испытала Испания, как к своей чести, так и к своему бесчестию. Прежде она была привлекательной, а ныне превратилась в ничто. 127 слов 751 знаков без проб. 880 знаков с проб.
---	---

Если арабский поэт из аль-Андалуса, взывающий о помощи, слабо верит в возможность спасения, то судьба поэта-мориска еще безнадежнее – он оказался пленником в стране, ставшей родной.

2 января 1492 г. последний эмир Гранады Абу Абдала Мохаммед XI Боабдилл без боя сдал Гранаду Фердинанду и Изабелле. По легенде, покидая город, он в последний раз обернулся на Гранаду с высоты горного перевала и заплакал. Его мать Аиша сказала: «Ты хорошо делаешь, сын, оплакивая, как женщина, то, что не способен был защитить, как мужчина» (исп. «Bien haces, hijo, en llorar como mujer lo que no fuiste para defender como hombre»).¹⁵ Однако эта фраза стала более известна в варианте: «Llora como mujer lo que no supiste defender como hombre» (исп. «Оплакивай, как женщина, то, что не сумел защитить, как мужчина»), отрывающемся от конкретного исторического события и подчеркивающим ее вневременной сугубо мужской морально-этический характер. Легенда получила известность благодаря путеводителю по окрестностям Гранады, изданному падре Хуаном де Эчеверрией в сер. XVIII в. Согласно путеводителю именно после этих событий известный в Испании горный перевал получил название «Вздых мавра» (исп. El Suspiro del Moro) [Echeverría, 1814. P. 28].

Когда в XVI веке произошло массовое изгнание морисков (в 1609 г. при Филиппе III из Испании были высланы последние 500 000), они не хотели покидать Испанию, поскольку считали ее родной. Вынужденные тем не менее уходить, мориски уносили ключи от своих домов, куда они надеялись скоро вернуться, и свои книги. На листе одной из них сохранилась записка (1533 г.): «Мы не уйдем, мы скорее умрем... чем по этому пути пойдем» (исп. «Nosotros no partiremos, antes morremos... que por ese paso vamos») [Mateos Paramio, 2014. P. 21].

¹⁵ Высказывание стало столь популярным, что его можно встретить даже в политических речах Эрнесто Че Гевары (например, во второй речи в ООН от 11 декабря 1964 г).

Влияние христианской литературы

Нужно также остановиться на стихотворной форме, в которой создана «Поэма о Йусуфе»: это «куадерна виа» (исп. *cuaderna vía*), которая представляет собой форму так называемой «ученой поэзии» (исп. *mester de clerecía*). Действительно, испанский термин *cuaderna vía* восходит к латинскому *quadrivium* (= *quattuor* + *vía*, т. е. перепутье четырех дорог, перекресток). В средневековье этот термин обозначал четыре дисциплины: арифметику, музыку, геометрию и астрономию, которые вместе с еще тремя дисциплинами – грамматикой, риторикой и диалектикой – составляли систему университетских дисциплин [DRAE, 2014. P. 671, 672, 1823, 2176, 2236]. Поэтическая форма «куадерна виа», разрабатываемая в средневековой Испании духовенством и учеными людьми, состоит из серии монорифмических четверостиший alexandrinского стиха (7 + 7). «Куадерна виа» использовалась преимущественно в XIII–XIV вв. [DRAE, 2014. P. 2236] и была при этом противопоставлена народной поэзии хугларов и кантаоров (исп. *mester de joglaría*) [DRAE, 2014. P. 1453; Blecua, 1944. P. 21].

«Ученое искусство», возникшее на основе античных или библейских сюжетов и религиозных легенд, первоначально создавалось на латинском языке. Одним из первых, кто начал писать в форме «куадерна виа» на романсе, был Монах Берсео [Blecua, 1944. P. 21]. В форме «куадерна виа» написано много церковных сочинений: *Vida de San Ildefonso*, *Libro de miseria de omne*, *Proverbios de Salomón*, *Proverbios morales*, *Libro de buen amor*, *Libro rimado de palacio* и др. [Valero Moreno, 2008. P. 69].

Однако автор «Поэмы о Йусуфе» не слишком придерживается канона этой строгой поэтической формы: в его тексте четырехстишия чередуются с трехстишиями. В. Барлета отмечает, кроме того, что причина заимствования морисками формы «куадерна виа» до сих пор неясна. Возможно, их привлекла ассоциация этой формы с ученостью, почитание которой заметно по упоминанию в поэме знаменитого Кордовского университета как «обиталища (арабских) наук». Остается еще прояснить множество вопросов: какова связь «Поэмы о Йусуфе» с другими поэмами, написанным в этой форме? Каковы причины обращения морисков к форме «куадерна виа» на протяжении XVI в.? Сама постановка этих вопросов указывает на сложные связи между мусульманами и христианами в средневековой Испании [Barletta, 2010. P. 216–217. Подробнее см. Тихонова, 2018].

Заключение

«Поэма о Йусуфе» (исп. *Poema de Yúçuf*) – одно из наиболее известных произведений литературы на алхамиадо, созданное неизвестным автором-мориском в кон. XIII – нач. XIV в. Несмотря на преследования инквизицией владельцев книг на арабском языке, который ассоциировался с тайной практикой ислама, «Поэма о Йусуфе» сохранилась в двух списках.

Сюжет об Иосифе Прекрасном был наиболее распространенным среди морисков. Эта история существовала в бесконечных вариантах устной традиции. Несмотря на то что исследователи часто сводят происхождение «Поэмы о Йусуфе» к двум источникам – Корану и Библии, – в тексте прослеживаются и другие влияния, в том числе комментариев к этим книгам. Библейская история дополнялась иудеями в апокрифах, которые в свою очередь подверглись мусульманскому влиянию. Многие детали поэмы, отсутствующие и в Коране, и в Ветхом Завете, исследователи относят к влиянию Ка'б аль-Ахбар, который считается также автором «Рассказа о Йусуфе». К его влиянию относят и сцену плача у могилы в «Поэме о Йусуфе».

Благодаря публикации Дж. Тикнора (1856 г.), считавшего поэму уникальной, она получила широкую известность. Однако поздними исследователями не только отрицалась оригинальность многих деталей поэмы, но и был вынесен суровый приговор ее самобытности вообще, приписывавший все влиянию иудейских апокрифов.

Исследователи не отметили существенного влияния доисламской арабской поэзии, получившей развитие в аль-Андалусе. Сцена плача в «Поэме о Йусуфе» очевидно подверглась влиянию арабской средневековой *касыды*. Тема плача о покинутой стоянке в арабской *ка-*

сиде развилась в плач по оставленным городам. Шедевром этого жанра считаются произведения аль-Андалуса. Противоречивые политические судьбы аль-Андалуса находят отражение в сложных параллелях в поэзии ее народов, в том числе и в знаменитом плаче христиан о «Потере Испании» (754 г.) из «Мосарабской хроники».

В целом, автор «Поэмы о Йусуфе», несомненно, создал трогательный образ главного героя, который полюбился морискам, а зачин поэмы был позаимствован анонимным автором еще одной поэмы на алхамиадо. Образ героя испанских мусульман, сложившийся в кон. XIII – нач. XIV в., отличается от образа героя испанских христиан в «Песнях о моем Сиде» (исп. *Cantar de mio Cid*) (кон. XII – нач. XIII в.), памятнике испанской литературы, созданном столетием раньше. Герой морисков претерпевает множество злоключений, заканчивающихся для него благополучно. Популярность сюжета могла быть связана с тем, что автор и читатель ассоциировали себя с главным героем, изгнанником на чужбине, чья участь зависит от других людей, но чья верность Всевышнему и преданность Его воле приводят героя к признанию и благополучному разрешению его судьбы. Эту покорность судьбе можно встретить в многочисленных заметках, сохранившихся в рукописях морисков.

Благодаря публикации Дж. Тикнора «Поэма о Йусуфе» стала известна как уникальный образец «амальгамы элементов восточной и западной цивилизации, которые позже были отражены в испанской поэзии» [Ticknor, 1851. P. 105].

Список литературы

- Воевуцкий И. Н.** Орфографические принципы конфессиональных языков // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Часть 2. М.: ГРВЛ, 1987. С. 53–56.
- ИВРАН.** Основные произведения иностранной художественной литературы. Азия. Африка. М.: Азбука, Терра, 1997. 606 с.
- Крачковский И. Ю.** Песнь арабского солдата (1927) // Крачковский И. Ю. Избр. соч.: В 6 т. М.; Л.: АН СССР, 1956а. Т. 2. С. 317–322.
- Крачковский И. Ю.** Арабская поэзия в Испании (1940) // Крачковский И. Ю. Избр. соч.: В 6 т. М.; Л.: АН СССР, 1956б. Т. 2. С. 470–523.
- Крачковский И. Ю.** Коран: научное издание. М.: Наука, 1990.
- Тихонова О. В.** К вопросу об авторстве текста «Поэмы о Йусуфе» в литературе алхамиадо // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15, № 4. С. 70–77.
- Тихонова О. В., Шакунова Л. А.** Первый перевод Корана на испанский и рукопись T 235 // Письменные памятники Востока. 2019. Т. 16, № 2. С. 63–74.
- Фильштинский И. М.** История арабской литературы. V – начало X века. (Истории литератур Востока). М.: Наука, 1985. 528 с.
- Barletta, V.** Poema de Yúçuf. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural / coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 215–217.
- Blecua, J. M.** Historia de la Literatura Española. Zaragoza: Librería General, 1944, 250 p.
- DRAE.** Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española: 300 años. Madrid: Espasa, 2014, 2432 p.
- Echeverría, J. de.** Paseos por Granada y sus contornos, ó Descripción de sus antigüedades y monumentos. Granada: Valenzuela, 1814, Vol. 2. 458 p.
- Galmés de Fuentes, A.** Los manuscritos aljamiado-moriscos de la Biblioteca de la Real Academia de la Historia (Legado Pascual de Gayangos). Madrid: RAH, 1998, 234 p.
- García-Arenal, M.** La Inquisición y los libros de los moriscos. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 57–72.
- Gayangos, P. de.** Notas y Adiciones. In: Ticknor, G. Historia de la Literatura Española / Trad. por D. Pascual de Gayangos. Madrid, 1856, vol. 4, p. 397–431.

- López Pereira, J.** Crónica Mozárabe de 754. Edición crítica y traducción al español de José López Pereira. Zaragoza: Anubar, 1991, 180 p.
- Mateos Paramio, A.** Palabras más perdurables que las casas. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 17–26.
- Menéndez Pidal, R.** Crestomatía del Español Medieval. Madrid: Gredos, 1982, viii + 363 p.
- Menéndez Pidal, R.** Poema de Yúçuf. Madrid, 1902, 88 p.
- Montaner Frutos, A.** La literatura aljamiada // Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 45–56.
- Morf, H.** El Poema de José. Leipzig, 1883, 65 p.
- Rostom Maderna, S.** Lamentos neosumerios por ciudades destruidas. Continuidad de un rito y un género del período protodinástico hasta el período seléucida. *Antiguo Oriente*, 2005, vol. 3, p. 105–118.
- Sánchez T.A., Pidal P.J., Janer F.** Poema de José. Poetas castellanos anteriores al siglo XV. Ser. Biblioteca de autores españoles. Madrid: Rivadeneyra, 1864, p. 413–423.
- Schmitz, M.** Ueber das altspanische Poema de José. In: Romanische Forschungen. Erlangen: Fr. Junge, 1901, vol. 11, p. 315–411.
- Ticknor, G.** Historia de la Literatura Española. Trad. por D. Pascual de Gayangos. Madrid, Imprenta y Estereotipia de M. Rivadeneyra, 1851, vol. 1, 580 p.
- Tottoli, R.** Recontamiento de Yuçuf. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 200–201.
- Valera Moreno, J. M.** La biblia en la cuaderna vía del siglo XIV. In: La Biblia en la literature española, dir. Gregorio del Olmo Lete; I. Edad Media. I/1. El imaginario y sus géneros, coord., María Isabel Toro Pascua, Madrid: Editorial Trotta – Fundación San Millán de La Cogolla, 2008, p. 69–123.

References

- Barletta, V.** Poema de Yúçuf. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural / coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 215–217.
- Blecua, J. M.** Historia de la Literatura Española. Zaragoza: Librería General, 1944, 250 p.
- DRAE.** Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española: 300 años. Madrid: Espasa, 2014, 2432 p.
- Echeverría, J. de.** Paseos por Granada y sus contornos, ó Descripción de sus antigüedades y monumentos. Granada: Valenzuela, 1814, Vol. 2. 458 p.
- Filshinsky, I. M.** History of Arabic literature. V–X century. Moscow, Nauka, 1985, 528 p. (in Russ.)
- Galmés de Fuentes, A.** Los manuscritos aljamiado-moriscos de la Biblioteca de la Real Academia de la Historia (Legado Pascual de Gayangos). Madrid: RAH, 1998, 234 p.
- García-Arenal, M.** La Inquisición y los libros de los moriscos. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 57–72.
- Gayangos, P. de.** Notas y Adiciones. In: Ticknor, G. Historia de la Literatura Española / Trad. por D. Pascual de Gayangos. Madrid, 1856, vol. 4, p. 397–431.
- IOSRAS (IVRAN).** Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Basic works of foreign literature. Asia. Africa. Moscow, Azbuka, Terra, 1997, 606 p. (in Russ.)
- Krachkovsky, I. Yu.** Arabic poetry in Spain (1940). In: I. Yu. Krachkovsky. Selected works in 6 vols. Vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1956, p. 470–523. (in Russ.)
- Krachkovsky, I. Yu.** Song of the Arab Soldier (1927). In: I. Yu. Krachkovsky. Selected works in 6 vols. Vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1956, p. 317–322. (in Russ.)

- Krachkovsky, I. Yu.** Quran: Scientific Edition. Transl. and comments by Krachkovsky I. Yu. Moscow, 1990. (in Russ.)
- López Pereira, J.** Crónica Mozárabe de 754. Edición crítica y traducción al español de José López Pereira. Zaragoza: Anubar, 1991, 180 p.
- Mateos Paramio, A.** Palabras más perdurables que las casas. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 17–26.
- Menéndez Pidal, R.** Crestomatía del Español Medieval. Madrid: Gredos, 1982, viii + 363 p.
- Menéndez Pidal, R.** Poema de Yūçuf. Madrid, 1902, 88 p.
- Montaner Frutos, A.** La literatura aljamiada // Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 45–56.
- Morf, H.** El Poema de José. Leipzig, 1883, 65 p.
- Rostom Maderna, S.** Lamentos neosumerios por ciudades destruidas. Continuidad de un rito y un género del período protodinástico hasta el período selúcida. *Antiguo Oriente*, 2005, vol. 3, p. 105–118.
- Sánchez T.A., Pidal P.J., Janer F.** Poema de José. Poetas castellanos anteriores al siglo XV. Ser. Biblioteca de autores españoles. Madrid: Rivadeneyra, 1864, p. 413–423.
- Schmitz, M.** Ueber das altspanische Poema de José. In: *Romanische Forschungen*. Erlangen: Fr. Junge, 1901, vol. 11, p. 315–411.
- Ticknor, G.** Historia de la Literatura Española. Trad. por D. Pascual de Gayangos. Madrid, Imprenta y Estereotipia de M. Rivadeneyra, 1851, vol. 1, 580 p.
- Tikhonova, O. V.** About the Authorship of the “Poema de Yusuf” in Aljamiado Literature. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2018, № 4 (15), p. 70–77. (in Russ.)
- Tikhonova, O. V., Shakunova, L. A.** The First Quran translation into Spanish and manuscript T 235. *Pis'mennye pamjatniki Vostoka*, 2019, vol. 16, № 2, p. 63–74. (Russ.)
- Tottoli, R.** Recontamiento de Yūçuf. In: Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural. Coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014, p. 200–201.
- Valera Moreno, J. M.** La biblia en la cuaderna vía del siglo XIV. In: La Biblia en la literatura española, dir. Gregorio del Olmo Lete; I. Edad Media. I/1. El imaginario y sus géneros, coord., María Isabel Toro Pascua, Madrid: Editorial Trotta – Fundación San Millán de La Cogolla, 2008, p. 69–123.
- Voevutsky, I. N.** Orthographic principles of confessional languages. *Pis'mennye pamiatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka*, 1987, № 2, p. 53–56. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
23.08.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Тихонова Оксана Викторовна, канд. филологических наук, ассистент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Oxana V. Tikhonova, Assistant Professor of the Department of Romance Philology, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

pajaro@mail.ru

ORCID 0000-0002-7329-7250

Об истоках анонимной русской версии «Марша шпионов» Р. Киплинга

А. Ф. Боголюбов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Цель статьи – попытаться прояснить генезис анонимной версии «Марша шпионов» (далее А-версии), циркулирующей наряду с его переводами, выполненными А. Оношковым-Яцына и А. Шараповой, а также текстовыми вариациями на тему «Марша» Л. Колосова и В. Ковенацкого. Текстологическая задача рассматривается в тесной связи с собственно композиционным (состоящим в сопоставлении дискурсивных схем), переводческим, лингвостатистическим анализом версий и фрагментов из них. Установлено, что А-версия представляет собой переработку не оригинала Киплинга, а перевода Оношковым-Яцына. Цель такой переработки состояла в том, чтобы согласовать содержание «Марша шпионов» с его названием, то есть вывести тему прославления настоящих шпионов на первый план, отправить их в путь с гордым флагом в руках, устранив всякие семантические аллюзии на врачей, борцов с эпидемиями, которые подразумеваются Киплингом. Сопоставление дискурсивной схемы А-версии с версией АОЯ показывает, что уникальность ее содержания и коммуникативной установки достигается посредством сложной схемы перестановок (порядка следования) 33 строк из 81, входящих в стихотворную часть версии АОЯ. При этом все слова (текстоформы) А-версии, за исключением двух, и версии АОЯ идентичны. Иначе говоря, кардинальное смысловое различие создается посредством манипуляций, главным образом, на дискурсивном уровне, а не лексическом. Параллельно рассматривается кардинальный вопрос о социокультурной обусловленности рецепции подобного рода, терминологическими сигналами которой в статье являются *рефракция*, *адаптация*, *доместикация* и *апроприация*. Действуя в поле принимающей культуры как единый комплекс факторов, они неизбежно приводят к появлению переводческих деривативов вроде сугубо «шпионской» А-версии «Марша шпионов», которые отрываются от исходной культуры, от литературной среды, от исходного текста и включаются в преобразованном виде в новую культурную ментальность. Показательно даже то, что «Марш шпионов» привлек к себе внимание молодой советской переводчицы вопреки всякой «объективной» логике – он не пользовался повышенным вниманием в англоязычных странах и позднее не вошел ни в одну из авторитетных антологий поэзии Р. Киплинга. Статья рассматривается как прямое продолжение предыдущей, *Bring us deliverance, spy*, название которой является цитатой из «Марша шпионов» Киплинга (*The Spies' March*); их совместное прочтение обеспечивает более глубокое понимание авторской интенции.

Ключевые слова

Киплинг, Марш шпионов, Оношковым-Яцына, перевод, текстология, дискурсивная схема, дискурсивный анализ, этносемантическая рефракция, доместикация, апроприация

Для цитирования

Боголюбов А. Ф. Об истоках анонимной русской версии «Марша шпионов» Р. Киплинга // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 159–176. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-159-176

On the Origins of the Russian Anonymous *Spies' March* Version

Anatoli F. Bogolubov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to try to clarify the genesis of the Russian anonymous version of *The Spies' March* (hereinafter, the A-version), circulating along with its translations by Ada Onoshkovich-Yatsyna (hereinafter, AOY version) and Alla Sharapova, as well as textual variations on the theme of *The Spies' March* by L. Kolosov and

V. Kovenatsky. The textual problem is solved in close connection with the composition (consisting in comparing discourse schemes), translation, linguistic-statistical analysis of complete versions and fragments from them. It has been established that the A-version was not a remake of Kipling's original, but was based on Onoshkovich-Yatsyna's translation. The purpose of the anonymous author-translator was to harmonize the content of *The Spies' March* with its name, that is, to bring the theme of the glorification of real spies to the fore, to send them on a mission with a Proud flag in their hands, eliminating all semantic allusions to doctors (that is fighters against epidemics), which were implied by Kipling. Comparison of the A-version discursive scheme with that of AOY version shows that the uniqueness of its content and communicative attitude are achieved through a complex scheme of permutations, involving the new sequence of 33 lines out of 81 that constitute the poetic part of the AOY version. Herewith, all words (= text forms) of the A-version, with the exception of two, and those of the AOY version are identical. In other words, a cardinal semantic difference is created through manipulations, mainly at the discursive level, but not lexically. In parallel, the cardinal issue of the socio-cultural conditioning of this kind of reception is considered, the terminological signals of which in the article are *refraction*, *adaptation*, *domestication* and *appropriation*. Acting in the field of the receiving culture as a single complex of factors, they inevitably lead to the emergence of translation derivatives like a purely "spy" A-version of *The Spies' March*, which break away from the original culture, from the literary environment, from the original text and are included in such a rearranged form in a new cultural mentality. It is even indicative that *The Spies' March* for some mysterious reasons attracted the attention of a young Soviet woman-translator in 1922 and contrary to any "objective" logic: it did not enjoy increased attention in English-speaking countries and, as Thomas Pinney noted later, did not enter any of the authoritative anthologies of R. Kipling's poetry. However, in Soviet Russia and later, his *Spies' March* has given rise to a number of free, wild or professional variations all of which are meant eventually to bring tribute to this Rogue Bard (if not an Odd Duck) of the British culture sometimes accused of being more a writer of verses than a true Poet. The article is a direct continuation of the previous one, *Bring us deliverance, spy*, the title of which is a quote from *The Spies' March*; reading them together provides a deeper understanding of the author's intention.

The paper includes three major parts: 1) Comparative textual analysis of the A-version with the complete AOY-version on which the first one is considered to be based since it "quotes" about 35 % of its lines, rearranging them in an extremely sophisticated way; 2) Comparative analysis of the versions' language statistics including the number of words, number of characters with and without spaces, average word length, two indexes of text size conversion, namely, compression and expansion; 3) Discussion section which dwells on Kipling's comparative place and reputation in the English and Russian (Soviet) culture. His artistic expression, in particular, his poetry has been and still is valued much more in this country than in England where he is now considered, first of all, to be an "imperialist and racist".

Keywords

Kipling, Spies' March, Rogue Bard, Russian versions, textology, discursive analysis, rhetoric organization, ethno-semantic refraction, domestication, appropriation

For citation

Bogolubov, Anatoli F. On the Origins of the Russian Anonymous *Spies' March* Version. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 159–176. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-159-176

Введение

Мало кто подозревает, что стихотворение Р. Киплинга, носящее название *The Spies' March*, на самом деле не воспекает шпионов, а посвящено эпидемиологам, что оригинал Киплинга (и его русские дериваты, коих уже несколько) могут служить источником политических формул, готовых для инфо- и политейнмента в условиях коронавирусной пандемии, сопрягающих в себе насущную межкультурную проблематику Западно-Восточного дивана¹ (в государственно-поэтической форме) с собственно эпидемиологической.

Причины такого когнитивного смещения как «на родине поэта», так и в России подробно раскрываются в [Боголюбов, 2020]; там же указывается на хождение в русском культурном пространстве альтернативного анонимного перевода «Марша», отбрасывающего всякие «противочумные» озабоченности полноценной версии и превращающего «Марш» в открытый гимн шпионам. При этом были отмечены большие текстовые совпадения между А-версией и версией Ады Оношкovich-Яцына (далее АОЯ).

Действительно, пафосный дух «Марша шпионов» (или, в переводе А. Шараповой, «Шпионского марша») выражен эксплицитно, и это легко подтвердить. Если прогуглить гипер-

¹ 'Диван' в турецком значении *совет*, а не персидском *сборник стихов*. См. [Фефелов, 2015].

текст, то искусственный интеллект сразу обнаружит четыре строчки из этого стихотворения: *«Как должен работать шпион? / Наш гордый флаг вознесен, / Каждый на пост свой встал, / И на месте своем шпион»*. Идея этих строк и смысл указанного названия, будь то русское или английское, прекрасно соотносятся друг с другом. Чтобы подчеркнуть тональность и идею стихотворения анонимный автор, специально переместил свой шпионский героический месседж в самый конец. И тем не менее противоречие имеется – оригинал, в отличие от А-версии, прославляет другую категорию «шпионов», киплинговские должны быть заковычены.

Налицо какая-то неоднозначность или манипуляция. Ее можно даже вменить Киплингу-поэту из-за того, что он создал произведение в технике двойного кодирования (подробно описанное в вышеуказанной статье), чем ввел в заблуждение неопытного читателя, создав громадный смысловой разрыв между названием стихотворного произведения смешанной жанровой формы и его содержанием. Тем самым он предоставил возможность опытным читателям (в частности переводчикам) двойко или тройко интерпретировать оригинал, что и стало поводом для создания анонимного гимна шпиону.

Сейчас в филологическом секторе российской науки наблюдается некоторое оживление интереса к поэтическому творчеству Киплинга, и потому напрашивается обзор появившихся в постсоветской России работ, их тематики и проблематики, но в рамках одной статьи это сделать невозможно.

Сравнение дискурсивных схем А-версии и перевода Оношкович-Яцына

В дореволюционный период переводов поэзии Киплинга было сравнительно мало, но инициатором активизации этого процесса в годы нового смутного времени стал Н. С. Гумилев. Его инициатива была продолжена двумя его ученицами, среди которых и главный фигурант этой статьи А. И. Оношкович-Яцына (1897–1935) – вероятно, первая переводчица «Марша шпионов» Киплинга на русский язык. Хотя *The Spies' March* не относится к числу бесспорных достижений Киплинга, она все-таки включила его в свой первый сборник переводов в 1922 г. под названием «Избранные стихотворения», который принес ей широкую известность (см. [Пичугина, Поплавская, 2015. С. 139]).

Русский интерес к «Маршу» примечателен сам по себе тем, что на родине автора, точнее в странах ближнего англоязычного круга, это произведение не привлекло сколь-нибудь значимого внимания. На это с достоверностью указал совсем недавно Томас Пинни (Thomas Pinney), подробно исследовавший текстологию «Марша» [Pinney, 2010. P. 23]², а в России и затем в Советском Союзе рецепция оказалась совсем другой, совершив переход из переводческой среды в читательскую массу (пусть и специфическую), где он был превращен в своеобразный профессиональный гимн. Для понимания этой серьезной перцептивной рефракции, произошедшей в нашем культурно-языковом пространстве, существенна еще одна деталь: к моменту написания Т. Пинни цитируемой статьи специалисты по Киплингу уже точно знали, что «Марш» трактует тему борьбы врачей со смертью³ (правда, в очень завуалированной форме), у нас же его постоянно хотели и хотят прочитать в прямом смысле, обнаруживая в нем, конечно же, смерть (но не Смерть!), но не видя там никаких докторов и даже отказываясь признавать их присутствие.

² “‘The Spies’ March’ has not attracted much attention, so far as I know: T. S. Eliot **does not include** it in his influential *A Choice of Kipling’s Verse* (1941), **nor does** Daniel Karlin in his excellent anthology of Kipling (Oxford Authors Series, 1999); Joyce Tompkins, best of Kipling’s commentators, **does not mention** it (*The Art of Rudyard Kipling*, 1959); **nor do** Charles Carrington and Andrew Lycett in their indispensable *Lives of Kipling* (1955; 1999). Peter Keating, in *Kipling the Poet* (1994), **passes over it silently**”. Выделено мной. – А. Б.

³ “<...> it is an added interest that it deals with *his favourite subject of the struggle between doctors and death* [Pinney, 2010. P. 23]. Выделено мной. – А. Б.

Мы исходим из предположения, согласно которому анонимная версия «Марша» (далее А-версия) представляет собой не оригинальный перевод, выполненный «третьей стороной» самостоятельно, а переработку неким третьим лицом полноценного перевода АОЯ с целью, как теперь трактуют иногда культурные заимствования, *апроприации* идеи оригинала. Предполагать, что А-версия тоже сделана самой Оношкович-Яцына для, так сказать, поднятия самооценки «презренного» шпионского люда или по заказу шпионского сообщества, можно, однако такие гипотезы сравнимы с увлекательными фантазиями, коих много теперь в «широкой печати». В пользу такого переводческого дублета говорит только ссылка № 179 из романа А. Куланова ⁴, посвященного описанию жизни и деятельности внешнего агента разведслужбы НКВД Романа Кима, работавшего в Японии, но не занимавшегося борьбой с эпидемиями. Глава 9 этого романа о Романе «УШИ К РЫБЕ» начинается с эпиграф-цитаты: «Смерть – наш Генерал, Наш гордый флаг вознесен, Каждый на пост свой встал, И на месте своем шпион». В ссылке № 179 перевод этих строк приписывается А. И. Оношкович-Яцына ⁵, но это, вероятно, сделано А. Кулановым без проверки истинного авторства.

В канонической версии Марша, доподлинно принадлежащей Оношкович-Яцына, никакого «гордого флага» нет, в ней есть *Желтый флаг* (с большой буквы, как и в английском оригинале!), который дискурсивно связан с «генералом» Смерть ⁶. Эпитет *гордый* является главным лексическим маркером-идентификатором шпионской рефракции стихотворения и несет на себе весь пафос А-версии. Однако семантическая связь с генералом Смерть в ней полностью переосмысливается.

В полном или частичном виде А-версия обычно цитируется представителями российского шпионского сообщества или дружественными им сайтами. Приведем только два примера подобной рецепции этого «Марша» в гипертексте.

Л. Колосов ⁷, долго совмещавший работу журналиста-международника и разведчика, «оправдывается» как раз длинной цитатой из «Марша». Он приводит ее по версии ОАЯ, а не по анонимной, при этом без должной разбивки на строфы, объединяя в одно стихотворение ее вторую и предпоследнюю строфы и создавая тем самым свою новую формально-смысловую вариацию на тему оригинала:

Не там, где летит эскадрон,
Не там, где ряды штыков,
Не там, где снарядов стон
Пролетает над цепью стрелков,
Не там, где раны страшны,
Где нации смерти ждут,
В честной игре войны, –
Место шпиона не тут...
Не хочет ли он обмануть?
Не в засаде ли он сидит?
Что ему преградило путь?
Выжидает ли он, иль разбит?
Не слышно его почему?
Не отступает ли он?
Узнай, проберись к нему!
Вот твое дело, шпион!

⁴ Куланов А. Роман Ким. гл. 9, ссылка № 179. URL: <https://www.rulit.me/books/roman-kim-read-455131-62.html>.

⁵ Там же.

⁶ Подстрочник *The Spies' March* см. [Боголюбов, 2020].

⁷ Колосов Л. Разведчик в Вечном городе. Операции КГБ в Италии. URL: <https://dom-knig.com/author/44822>.

Его комментарий очень оригинально, не по Киплингу и не по переводам Оношкович, раскрывает строку «Место шпиона не тут». «Не тут» значит «не на той войне» в переносном или буквальном смысле, которая описывается Киплингом, не на фронте, не в разведгруппе при подготовке наступления, а где-нибудь в офисе, редакции, ресторане, на приеме у крупной шишки, иногда даже в постели.

Но если эта дискурсивная перекомпоновка версии в целях создания на ее базе марша настоящих шпионов носит алеаторный характер, то в А-версии, размещенной на как бы шпионском сайте Галковского «Утиная правда»⁸, перекомпоновка предстает уже как изощренная. Для ее экспликации требуется описать композиционную структуру А-версии «Марша» в сопоставлении с полной версией АОЯ. В целях атрибуции мотивирована именно такая пара, тогда как сопоставление с переводом А. Шараповой было бы абсурдным за отсутствием текстовых соответствий.

Комментарий в самой таблице поясняет сдвиги между ними.

Анонимная шпионская версия «Марша»	Комментарий
<i>Народы, Страны, Цари, Приказы свои говори, Как должен работать шпион?</i>	Эта вводная строфа заимствована полностью из строфы № 3 версии АОЯ.
<i>Не там, где летит эскадрон, Не там, где ряды штыков, Не там, где снарядов стон Пролетает над цепью стрелков, Не там, где раны страшны, Где нации смерти ждут, В честной игре войны, – Место шпиона не тут.</i>	Эти строки взяты из строфы № 1 версии АОЯ. Возникло два логических рассогласования: «не там» не отвечает на вопрос «где?», а «не тут» может трактоваться как угодно (ср. выше Колосов).
<i>Пикет обойди кругом, Чей облик он принял, открой, Стал ли он комаром Иль на реке мошкаррой? Сором, что всюду лежит, Крысой, бегущей вон, Плевком среди уличных плит – Вот твое дело, шпион! Редких выстрелов звук, Похороны вдали, Наши огонь открыли вдруг, И трупы в траву легли. В панике города, Воздух сёл заражен, Значит, война тогда, – И за работу, шпион!</i>	Первые 8 строк этой длинной строфы взяты без изменений из строфы № 4 АОЯ. Но ее девятая строка [(Барабан) – Мы ходим под смертью, шпион!] опущена. Следующие 6 строк – из строфы № 3 АОЯ. Но ее рефрен <i>Народы, Страны, Цари, приказы свои говори, Как должен работать шпион?</i> (Барабан) – Мы ходим под страхом, шпион! опущен (а часть стала началом А-версии). Референция местоимения в строке <i>Чей облик он принял, открой</i>, утратилась полностью. Кто «он»?

⁸ Редьярд Киплинг. Марш шпионов. 02.08.2006. URL: <https://galkovsky.ru/upravda/archive/366.html>.

<i>Смерть – наш Генерал, Наш гордый флаг вознесен, Каждый на пост свой встал, И на месте своем шпион.</i>	Окончание – это средние строки из строфы № 2 АОЯ, но на этот раз в них внесено одно важное лексическое изменение и два синтаксических. <i>Смерть – наш Генерал. Желтый флаг вознесен, Каждый на пост свой стал, И на месте своем шпион.</i> Кроме того, рефрен строфы № 2 <i>Народы, Страны, Цари, приказы свои говори, Как должен работать шпион? (Барабан) - Мы ходим под страхом, шпион! опущен.</i>
--	--

Другие опущения приходится описывать отдельно, поскольку они не вписаны в текст А-версии.

1. Полностью опускается прозаический пролог в форме отрывка из дневника врача-эпидемиолога (109 слов, 412 знаков без пробелов и 520 знаков с пробелами).

2. Полностью опускается вступление хорового характера из четырех длинных сдвоенных строк от имени врачей-эпидемиологов, называющих себя шпионами. Объем этого вступления отдельно не указывается, потому что, отличаясь метрически, оно все-таки входит в основной текст (но наш счет строф идет со следующей!).

3. Убираются все детали, связанные с намеками на противочумное содержание работы шпионов, а именно:

3.1. Почти вся строфа 1 полной версии АОЯ.

Мы для других услуг,
Мы знамя несем в чехле,
Нам черед – коль Смерть разбушует враз
На фронте по всей земле.
<...>

Где чума распростерла тени над множеством царств и владений, –
Там за работу, шпион!

3.2. Строфы 5–7 удалены полностью, хотя описанная в них работа носит вполне разведывательный характер: она привычна в боевой обстановке. Вместе с ними теряется всякая референция на Апокалипсис, которая хорошо видна в оригинале, где почти все маркеры библейского содержания пишутся с заглавной буквы, но сильно ослаблена в версии АОЯ, ставшей уже «атеистической».

«Что он готовит и где?
Когда наступать решил?
На земле, в небесах, на воде?
Как обойти его тыл?

Если сжечь запасы еды,
Умрет ли от голода он?
Проникни в его ряды –
Вот твое дело, шпион!»
(Барабан) – Берись за работу, шпион!

«Он не хочет ли нас обмануть?
Не в засаде ли он сидит?

Что ему преградило путь?
Выжидает он иль разбит?
Не слышно его почему?
Не отступает ли он?
Узнай, проберись к нему!
Вот твое дело, шпион!»
(Барабан) – Добудь нам ответ, шпион!

«Подпруга с подпругой скачи,
Где Конь Блед летит без дорог,
Землю слушай в ночи,
Расскажи, что знает песок.

Дым нашей мўки бел,
Где сожженный лег легион:
Что нам за дело до душ и тел?
Дай нам спасенье, шпион!»

Перекомпоновка, описанная в комментарии, схематически выглядит так:

	Про- лог	Вступ.	C1	C2	C3	C4	C5	C6	C7
АОЯ	+	+	+	+	+	+	+	+	+
А-вер- сия	0	Из C3 АОЯ	C1 АОЯ	C4 + C3 АОЯ	Из C2 АОЯ	–	0	0	0

Символ «0» обозначает полное отсутствие материала из версии АОЯ.

Лингвостатистическое сопоставление версий

Текстологический анализ нужно дополнить лингвостатистическим, из многочисленных параметров и показателей которого достаточно остановиться лишь на базовых, указанных в колонках и графах таблицы. Исключается лишь число слогов, поскольку метрика двух версий и оригинала не имеет здесь значимости [Фефелов, 2005].

Статданные показывают, что анонимная версия, представляющая собой концентрированное переложение шпионского содержания «Марша» по переводу АОЯ, все-таки слегка отличается от нее по средней длине слова (на 0,17 знака)⁹. Объем сопоставляемых фрагментов совсем небольшой, но списывать это отклонение на погрешность не обязательно. Дело, вероятно, в том, что в строках, отобранных для А-версии, слова оказались чуть-чуть длиннее.

По числу знаков с пробелами А-версия составляет 36,44 % от версии АОЯ и 33,76 % оригинала Киплинга. Данное расхождение между цифрами связано с разной СДС в поэтической части текста у Оношкович-Яцына и Киплинга (4,6404 и 4,0776 соответственно).

На базе показателей размера текста (в знаках с пробелами) легко определяется и индекс сжатия А-версии по сравнению с версией АОЯ: $100 - 36,44 = 63,56 \%$, что дает индекс сжатия (компрессии) по числу знаков без пробелов, равный $-0,6356$. Другими словами, А-версия сжимается на $-0,6356$ объема версии АОЯ, принимаемого за 1.

Аналогично рассчитывается и показатель сжатия по числу слов в парах А-версия / Киплинг и АОЯ / Киплинг.

⁹ Средняя длина поэтического слова – это результат деления числа знаков без пробелов на число слов в поэтической части текста. Для пролога СДС рассчитывается отдельно.

От букв Киплинга в А-версии осталось лишь 33,76 %, а от слов – 30,33 %. Разумеется, такие объемы компрессии выходят за рамки ожидаемых для нормативного переводческого процесса. В направлении перевода *от английского* к русскому в русском ПТ число слов в норме сжимается по различным причинам примерно на 15 %, тогда как число знаков с пробелами остается примерно тем же самым, имея тенденцию к очень незначительному росту. Такие пороги являются объективными [Фефелов, 2005]. Показатели сжатия А-версии ясно указывают на то, что со стороны ее автора имело место массивное вторжение в ИТ, кому бы он не принадлежал – Киплингу или А. Оношкович-Яцына.

Родство с версией ОАЯ, не подтверждаемое статистикой, легко выявляется, однако, с помощью сопоставительного лексического анализа и сравнения дискурсивных схем.

Тем не менее лингвостатистика доказывает свою полезность при сопоставлении нескольких полноценных версий с оригиналом. Комплекс показателей сразу укажет на наличие расхождений (конечно, различной глубины) между переводческими перевыражениями¹⁰ оригинала. В силу того, что «Марш» Киплинга не пользуется среди русских переводчиков повышенной популярностью, мы имеем возможность сравнить лишь версии АОЯ («Марш шпионов») и А. Шараповой («Шпионский марш»).

Число строк у обеих больше, чем в оригинале, где их 74. При этом у АШ их на 3 больше, чем у АОЯ: 81 и 84 соответственно. Обе не хотят воспроизводить *verbatim* метрику оригинала, не особо искажая ее при этом.

Дело в том, что «вступление» Марша, идущее за «прологом», *визуально* организовано иначе, чем все следующие строфы: оно состоит из четырех длинных строк с внутренней рифмой. Функция такой визуализации состоит, вероятно, лишь в том, чтобы показать (в прямом смысле) их особую роль в композиционной структуре стиха. Если же их поделить на две по образцу всех следующих далее строф, то число строк автоматически возрастет, что, однако, не сильно влияет на восприятие стиха. Так, если он воспринимается в устном предъявлении, то адресат лишается даже возможности заподозрить какое-то бы ни было отступление. Совсем другое дело – резкое аномальное уменьшение числа строк имплицитное, например, в показателях словесного и знакового объема А-версии, в которой всего 33 строки.

В самом деле, весь пафос А-версии заключен в последнем четверостишии (там, где гордый флаг вместо желтого. – А. Б.), а предмет речи обозначен в первых трех строках. Всю остальную детализацию можно отнести к переменным составляющим текста, поскольку никакой сюжетной линии (т. е. рассказа¹¹) в оригинале нет и скрепить логично эти подробности нечем, так как логика действия отсутствует. Киплинг надеялся ведь, что в «Марше» адресат увидит описание типичной эпидситуации с ее характерными чертами, а не рассказ о ней, не *story*. Рассказ мог бы начаться после последнего воззвания к шпиону со стороны царей, принцев, держав, народов и королей – «Принести нам спасенье, шпион!» – и тогда шпиона пришлось бы персонализировать (подробнее в: [Боголюбов]). Но именно в этот момент Киплинг поставил точку, позволив его потомкам вернуться к аналогичной ситуации век спустя с пандемией 2020 года¹².

Детализация мысли, о которой сказано выше, подразумевает работу со словами, а цифры показывают, что слов в версии АШ значительно больше, чем у АОЯ – 393 vs 356. И хотя ее поэтическое и прозаическое слово в среднем немного короче, чем у Оношкович-Яцына (4,5852 vs 4,6404 в поэтической части и 5,5138 vs 5,7532 в прозаическом прологе), прирост показателей по сравнению с Киплингом оказывается значимым, он выходит за рамки пороговых значений, ибо 90,38 и 110,2 % значительно больше, чем должно быть, особенно по числу знаков с пробелами, которые и определяют фактический размер текста.

¹⁰ Это reexpressions, а не rewritings!

¹¹ Ср. в этой связи оценку Святополка-Мирского: лирический герой Киплинга «не рассказан, не показан, а воспет». Не случайно Святополк-Мирский считал, что в своей поэзии Киплинг «лишен человеческой глубины» (цит. по: [Пичугина, Поплавская, 2015. С. 140–141]), подразумевая под нею, вероятно, психологизм. В его маршах образы коллективные, он, как пишет Мирский, «воспевает» типаж, массу, а не конкретного человека.

¹² В его стране, как и некоторых других, «шпионы» действительно отработали спустя рукава.

Таблица 1

Базовые лингвостатистические характеристики оригинала и двух версий
Марша шпионов

Table 1

Basic linguistic statistics of Kipling's *Spies' March*
 and its two Russian versions

Автор перевода	Общее число слов	Количество знаков		Средняя длина слова, знаков	Индекс расширения / сжатия, %	
		без пробелов	с пробелами		словесного	знакового
Kipling Пролог Строк:	109	412	520	3,779	–	–
Kipling, основ. текст Строк: 74	412	1680	2088	4,077	–	–
А-версия Строк: 33	125	602	705	4,816	K= 30,33 (35,11)	K = 33,76 (36,44)
АОЯ Пролог	77	443	522	5,753	70,6	100,38
АОЯ Строк: 81	356	1652	2014	4.640	86,40	96,45

Сопоставительная статистика версий ОАЯ и АШ

Таблица 2

Table 2

Comparative statistics of ОАЯ and АШ versions

Автор перевода	Общее число слов	Количество знаков		Средняя длина слова, знаков	Индекс расширения / сжатия, %	
		без пробелов	с пробелами		словесного	знакового
АОЯ Пролог	77	443	522	5,753	70,6	100,38
АОЯ Строк: 81	356	1652	2014	4,640	86,40	96,45
АШ Пролог	72	397	484	5,513	66,05	93,07
АШ (основной текст) Строк: 84	393	1802	2301	4,585	90,38	110,2

Краткая дискуссия и заключение

1. А-версия наглядно, как бы в эксперименте, показывает с учетом системной иерархии (т. е. в синергии ее уровней) все факторы, которые влияют на смыслопорождение: на формирование совершенно нового меседжа (идеи) на основе уже существующего текста с заимствованием из него *всех* своих слов и строк (предложений или их частей). Тем самым доказывается, что новый смысл создается не столько лексическими текстоформами и предложениями, сколько модификацией текстовых интегративных связей между ними, то есть выстраиванием новой дискурсивной схемы, в которой значения тех же слов и предложений приобретают новое осмысление, соответствующее вновь сформированному *ключу прочтения*. В нашем случае, это троестиишие:

*Народы, Страны, Цари,
Приказы свои говори,
Как должен работать шпион?*

Заключительное четверостишие резюмирует идейный посыл А-версии, закрепляя тем самым точность прочтения новой авторской идеи в полном соответствии с заглавием. Оно полностью лишает оригинал заложенного в него двойного игрового смысла (см. подробный анализ в [Боголюбов, 2020]), воспевая шпионов (классических и, прежде всего, фронтовых разведчиков), а не борцов с пандемиями.

Чрезвычайно показательно то, что компьютерный интеллект (поисковик или программа-антиплагиат), работая со словами, словосочетаниями, предложениями и не обращая внимания на порядок следования последних, не видит отличий А-версии от версии АОЯ.

2. Вопрос об авторстве А-версии остается еще открытым. Вероятно, он таким останется и в дальнейшем. «Теоретически» авторство А-версии можно связать с именами Геннадия Фиша и Валентина Стенича, занимавшихся посмертным редактированием и вторым изданием переводов (1936 г.) Оношкович-Яцына, причем Фиша принято резко критиковать (и даже демонизировать, превращая в злого гения) из-за лексических правок. Никакого по-настоящему доказательного материала, однако, не приводится, есть лишь примеры замены отдельных слов.

Так, претензии Е. Витковского¹³ по поводу искажения версии Оношкович-Яцына редакторской правкой чрезмерны и демонстративны¹⁴. Достаточно посмотреть на свод лексических расхождений между двумя версиями того же «Марша» в другой паре ОЯ vs АШ, в которых есть только три полных совпадения: *Вот твое дело, шпион!*, *Дай нам спасенье, шпион!*, *Конь Блед*¹⁵. Однако на передачу авторской интенции все эти расхождения не оказывают катастрофического влияния, как то можно предположить, опираясь на «арифметику» Витковского. Каждый из авторов может с успехом оправдать необходимость своих переводческих решений какими-нибудь художественно-эстетическими причинами, призвав читать весь текст как единое целое, а не как совокупность поставленных рядом друг с другом слов, чем часто грешат критики-буквалисты, многочисленные в академической среде, при оценке переводов и их анализе. Пример тому чуть ниже: прекрасным русским поэтическим эквивалентом английскому слову-образу *boots* из одноименного стихотворения Киплинга в русском

¹³ Витковский Е. Империя по имени Редьярд Киплинг (Киплинг) // Против энтропии (Статьи о литературе). URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKI/s_entropia.html.

¹⁴ Вот пример демонизации, типичной для литературного сообщества: «Ее переводы для издания 1936 года переработывал, переписал и переувеличил <...> совсем не Валентин Стенич, а другой “мастер стихотворного перевода” – Геннадий Фиш (1903–1971). Часть переводов он изуродовал настолько, что решил о соавторстве объявить – под “Мэри Глостер” и “Саперами” появилась двойная подпись, прочие переводы он перелицевал меньше <...>» Витковский Е. Империя по имени Редьярд Киплинг (Киплинг) // Против энтропии (Статьи о литературе). URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKI/s_entropia.html.

¹⁵ Это выражение представляет собой нечто вроде «поэтизма», понравившегося переводчицам; в Откровении от Иоанна, которое косвенно присутствует в «Марше шпионов», такого коня нет, есть бледный (см. подробнее [Боголюбов, 2020]).

будет слово *пыль*, тогда как прямое словарное *сапоги/сапог* невозможно вписать в ритмоледику исходного текста.

Е. Витковский имеет склонность «придираться» к словам, автоматически экстраполируя реальные или мнимые отступления от словарных значений на все произведение. Такова, в частности, критика перевода рефрена «*There's no discharge in the war*» из стихотворения на тему Англо-бурской войны¹⁶, в котором Витковский ратует за выбор эквивалента на основе словарного соответствия «выстрел». В издании 1922 года Оношкович-Яцына выбрала другой: «*Нет сражений на войне*», а «придирчивый» Фиш исправил на «*Отпуска нет на войне!*» и тем якобы все испортил¹⁷. Рассмотрим этот момент в материале.

В контексте 2-й Англо-бурской войны английский рефрен и оба соответствия указывают на отсутствие военных действий, на затишье¹⁸. Это случается; в 1939–1940 годах подобное затишье получит название Странной войны (*Drôle de guerre*) применительно к первому периоду войны между Германией и Францией, впечатлившей полным бездействием армий после объявления войны. Но, если поискать факты в тексте, то выяснится, что в стихотворении «Пыль»¹⁹ (8 строф), с пояснением названия 'пехотные колонны', имеется в виду совсем другое – мы устали глотать дорожную пыль, от нее никуда не деться, мы сходим с ума, никаких боев нет, а передохнуть нельзя! Фиш к такому смыслу ближе, чем АОЯ, вариант которой сообщает об отсутствии сражений на войне.

Пыль

(Пехотные колонны)

День-ночь-день-ночь – мы идем по Африке,
 День-ночь-день-ночь – все по той же Африке –
 (Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)

Отпуска нет на войне!

<...>

Я-шел-сквозь-ад– шесть недель, и я клянусь,
 Там-нет-ни тьмы – ни жаровен, ни чертей,
 Но-пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог,
 И отпуска нет на войне!

Редактору следовало бы вмешаться также в цитируемый ниже контекст из стихотворения «Мировая с медведем», переведенного Оношкович-Яцына и напечатанного в том же сборнике²⁰:

¹⁶ Английское название другое: *Boots (Infantry Columns)*. – А. Б.

¹⁷ Но время реабилитировало Г. Фиша. На одном из английских сайтов, посвященных разбору содержания этого стихотворения, на первый план выходит как раз его правка, которая актуализирует значение «увольнительная, отпуск = leave»! Вот факты: «<...> The soldiers would march for weeks with no one to fight, but because the war was still on, they couldn't take leave ("There's no discharge from the war")». И далее – идея стиха: «The endless marching with nothing to do but stare at the boots in front of you is maddening». <...> Somewhere there is audio of Kipling himself reading this poem. In his short preface, he talks about how few people can understand the stresses on an infantrymen during a long forced march» [URL: <http://www.eliteskills.com/c/4324>].

¹⁸ Кстати, в «Марше шпионов» в этих же целях используется слово *lull*.

¹⁹ Редьярд Киплинг. Избранные стихотворения. Пер. А. И. Оношкович-Яцына (В издании 1990 г. фамилия дается чуть иначе: Оношкевич-Яцына. – А. Б.). Ср. у Л. Ошанина: «Эх, дороги! Пыль да туман...» и далее: «Вьется пыль под сапогами – степями, полями. / А кругом бушует пламя / Да пули свистят». У Киплинга же только сапоги, которые метонимически имплицитно поднимаемую ими пыль, однако он *ни разу* не называет ее прямо. Но английское *boots* в когнитивном отношении хуже, чем эквивалент *пыль*, хотя фоносемантически повтор односложного слова *boots* прекрасно передает механический и одуряющий ритм движения (cf. *maddening*) солдатских сапог. Тем самым стих превращается в очередной марш. Отсюда и замечание анонимного комментатора о тяготах пехоты во время форсированного марша (ср. совр. понятие 'марш-бросок').

²⁰ Киплинг Р. Избранные стихотворения, 1936. С. 62.

Из каменной пещеры, где гордых сосен ряд.
Тяжелый от обеда, бежал медведь Адам-зад, <...>

Ради рифмы она произвела усечение нобилиарной частицы персидского имени Адам-заде (это и есть русский медведь, которым пугает К.), создав пейоративный эффект там, где его не было и на такой единице, играть с которой очень опасно по причинам межкультурной этики.

Впрочем, в принципе, Витковский не против исправлений, хотя и не пользуется понятием этносемантическая рефракция (см. о ней: [Фефелов, 2016]); он понимает, что при релокации текста в новую культурную среду иногда **нужно** править даже оригинал, причем воспеваемый и защищаемый им Киплинг не составляет исключения. Это неизбежно, когда новая культурная среда сама требует этого и «произведет» коррекцию, если переводчик откажется от учета ментальности своего адресата и калькирует текст. Так, в очередной раз вознося хвалы Киплингу (на этот раз автору сказок), он одновременно (столь же демонстративно) возмущается тем, что у него «пантера Багира по-английски... мужского рода»²¹.

Эту лингвистическую *monstrosity* литератора-публициста акцентировать дальше не будем. Отметим лишь, что в английском языке нет *грамматического* рода, поэтому ни пол, ни гендер *морфологически* не сигнализируются, но в английской жизни пол, сколько вы ни убирайте его из нынешних анкет, все-таки присутствует²² и описывается в ней всей совокупностью гетеросемиотических (полимодальных) средств как морфологическая, психологическая и поведенческая категория. Витковский именно психологию (а не грамматику) и имеет в виду, продолжая: «Весь характер черной пантеры – женственный, перечтите “Маугли”! Определенно автор-англичанин²³ не прав. Хоть плачь, хоть смейся, хоть исправляй английский оригинал»²⁴.

Однако ничего из указанного делать, на наш межкультурный взгляд, не нужно. Рефракции подобного рода, присутствующие в переводах, закономерны; их механизм описан достаточно подробно, например, в [Фефелов, Фёдорова, 2014], причем тоже на примере кошачьих. Этого «требует» принцип, регулирующий языковую связь между «святой троицей» в виде триединства познания / сознания / мышления, с одной стороны, и действительностью, с другой. Тот, который был сформулирован еще Николя Буало (Nicolas Boileau, 1636–1711) и постулирует необходимость «appeler un chat un chat». Действительно, кошку надо называть кошкой; иначе второе вавилонское столпотворение, к которому ведет нас практика современного мультикультурализма, неизбежно²⁵.

3. Частный прикладной вывод таков: Г. Фиш не совершил ровно никакого преступления ни против Оношкович, ни против Киплинга, ни против Гумилева с Лозинским, которые, как вещает легенда, «утверждали» переводы Оношкович-Яцына из Киплинга, опубликованные в 1922 г. Его вариант лучше и понятней, чем у Оношкович с наставниками, хотя для окончательного решения этого «казуистического» противоречия нужно еще пять-шесть дополнительных профессиональных переводов. Когда их будет достаточно, норма культурной рецепции сможет утвердиться всей совокупностью этих вариантов, а мы сможем вычленить так

²¹ Витковский Е. Указ. соч. URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKIJ/s_entropia.html

²² Если англосаксы (Запад) будут упорствовать в этом и дальше, то Востоку, во многих языках которого категория грамматического рода тоже отсутствует, а овцы есть, придется напомнить забытое и подсказать, как определяется пол у упомянутых животных – на ощупь, тактильно. «Гендер» же в их морфолого-семантической логике – иначе: если *заблел*, то овца, а если *заблел*, то овец. А баран уже превращен в совершенно отдельную гендерную ипостась.

²³ Это утверждение требует коррекции, хотя и кажется очевидным – американец Элиот против. Он писал, что Киплинг мало похож на англичанина (см. [Пичугина, Поплавская, 2015. С. 142–143]), что, однако, не помешало ему назвать свою статью «Киплинг – народный поэт». Элиот высказался непривычно и по другому чувствительному для русскоязычного пункта: Just So Story нельзя рассматривать как образец типичной детской литературы, в ней открывается более глубокий смысл [Там же. С. 143].

²⁴ Витковский Е. Указ. соч. URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKIJ/s_entropia.html

²⁵ Англоговорящие уже видят за этим словом *чат*, а русские *Чатских*.

называемый нейтральный вариант передачи²⁶, идею которого предложила недавно Е. Э. Разлогова [2017] и который можно рассматривать как этносемантическую реакцию новой культурной среды, а не чью-то субъективную.

4. Г. Фиш при этом не утаивал своего соучастия, он указывал себя в числе соавторов перевода, и это значит, что к созданию А-версии он, *highly likely*, отношения не имел. Атрибуцию А-версии можно начать с сайта «Утиная охота» Галковского, где она и выложена в полнотекстовом варианте, при том что других источников поисковики в интернет-пространстве не обнаруживают. Однако феномен как таковой гораздо интереснее, чем истинность самой атрибуции.

Версия представляет собой преднамеренную переделку-доместикацию в интересах своего «шпионского» российского адресата; никакой другой славы неизвестному автору не нужно. Таких переделок оригиналов в истории межкультурной коммуникации возникало уже очень много; это, собственно, и породило понятия *культурального перевода*, *адаптации* и *доместикации*, когда оригинальная авторская позиция, оказываясь иррелевантной для принимающей культуры, отодвигается на второй план, а на первый выходит то, что автор считает вторичным, фоновым [Фефелов, 2018. С. 133–169].

Злая сатира Swift'a, например, направленная против британского правящего класса и предназначенная для поучения отпрысков из семей джентльменов, в России и в СССР теряет свой смысл в силу культурно-исторических расхождений в укладе жизни; у нас даже само понятие «джентльмен» полностью феминизировалось и трансформировалось еще до появления теоретического феминизма. То, что он пишет о своей Королевской академии наук (Британском королевском обществе), и сейчас читается как непристойность и разнузданность, созданная раздраженным человеком и совершенно недопустимая в массовом публичном пространстве. На первый план в наших переложениях вышла идея некоего увлекательного фантастического путешествия, форма победила исходное содержание, и «Путешествие» стало у нас книгой для детей.

Кстати, и Киплинг стал в постсталинском СССР, то есть во второй период своей популярности, детским писателем-прозаиком, мастером рассказа²⁷, но по другой причине – из-за труднодоступности своей поэзии.

5. Всякая яркая иностранная книга в принимающей культуре может служить развитию жанра «по мотивам», это фундаментальный закон межкультурного общения, который не признавал и не признает никаких авторских прав и авторского «суверенитета». Обработке и дальнейшему развитию подвергаются чаще всего яркие образы, высказывания и идеи, которые легко отрываются от «балластного» наполнения оригинала и начинают в новой культурной среде жить своей собственной жизнью. Киплинг дал нам такую возможность с «Маршем шпионов» и с «За цыганской звездой», которая (в своем усеченном переводе варианте) принадлежит русской культуре в гораздо большей степени, чем той, которую представляет автор и которая – вместе со всей Европой – относит их к категории бродяг, побирушек и тунеядцев. Никакой звезды в названии оригинала нет, есть *trail* (то есть *path*, *route*), но идея и пафос стиха требуют путеводной звезды, что и было прекрасно понято в нашем культурном пространстве.

6. А-версию нельзя трактовать как небрежное ученическое обращение со стихом, характерное для первой встречи переводчиков с новым поэтом и чужим языком. Так, О. Н. Чюмина, которой принадлежит «приоритет первого поэта-переводчика, напечатавшего Киплинга

²⁶ Понятие «нейтрального перевода» – это «конструкт, выстраивание которого возможно при наличии не менее десяти переводов одного текста. Туда входят наиболее часто встречающиеся в переводах стандартные решения. Наряду с оригиналом и подстрочником он рассматривается как точка отсчета для анализа конкретных переводов» [Разлогова, 2017. С. 52]. Таким образом, в дополнение к суждениям критиков, появится своеобразная форма голосования представителей искусства.

²⁷ Ср.: Витковский Е. Указ соч.

в России» [Дудко, 2012. С.122]²⁸, из 67 строк оригинала оставила 42, изменила композицию (она стала двучастной), а также полностью изменила размер [Там же. С. 122]. В анонимном переводе видна такая же свобода обращения посредника с материалом, но вызвана она совершенно другими причинами.

Когда подобные «неправильные» со стороны принимающей культуры реакции встречаются при релокации поликодового произведения, например, песен, то протестов и осуждений бывает предсказуемо на порядок меньше. Между тем, есть примеры, когда переделка почти полностью меняет содержание артефакта. Так, известная и некогда популярнейшая советская песня «Одинокая гармонь» присутствует и во французском культурном пространстве в исполнении Ива Монтана (Yves Montand). Музыкальный текст один и тот же, и это создает страшное противоречие, потому что мы считаем, что исполняется песня с идентичным «когнитивным» содержанием, а от него там ничего совершенно не осталось. Наше содержание не легло на французскую ментальность, в нашем все оказалось противно французской культуре и ее духу, поэтому текст (образец прекрасной поэзии!) пришлось поменять. Песня стала называться *Le joli mai*²⁹. В ней нет ни гармонии, ни гармониста, ни его одиночества, ни ночи, девушки не гадают, кто (из них) ему нужен. Единственная оставшаяся слабенькая познавательная связь с оригиналом – беглое упоминание о некой ушедшей вместе с маем истории любви. Зато появился Париж, легион счастья и многое другое – чуждое, чужое и далекое.

Образы создаются все-таки не только авторами, но и контекстами, и далеко не всегда ясно, что – авторский текст или его социальный паратекст – окажется сильнее и значительнее для адресата той или иной страны³⁰.

7. А-версия не является ни стилизацией, ни пародией, она представляет собой пастиш. Эта жанровая форма основана на стремлении создать свой собственный текст, но выдать его за текст какого-нибудь знаменитого автора, имитировав его стилистику, тематику и манеру письма, как бы отдавая тем самым дань уважения автору³¹.

Социо- или лингвокультурные игры не подчиняются требованию предварительной проверки на достоверность той информации, которая содержится в поэтическом сообщении. Адресант обращается через них к эмоциональному интеллекту адресата, а не к его познаниям в истории, поэзии, литературоведении и прочих высоких или серьезных материях, интересных ученым (scholars). На первый план в этом случае выходит образ большой «игры» (the Great Game), хорошо сыгранной партии, плюс религиозная идея борьбы со злом (прежде всего, чужих), четко прописанная в оригинале Киплинга, и **борьбы** против замыслов и происков врага, оставленная в А-версии, которая была создана по принципу «бьем врага его же оружием». Пожалуй, это было во многом «соцреалистическое» прочтение темы «Марша» в нашей жизни и культуре.

8. В данном случае нужно извлечь другой урок: разночтения указывают на явные трудности в понимании «Марша», который поначалу не мог получить достаточного внимания переводчиков в силу своей тематической отсылки, содержащейся в названии, а авторская аллюзия на эпидемиологов как спасителей от пандемий никого не увлекала.

Даже в постсоветский период нашей литературной истории она казалась бы скорее странной и ненужной, если бы коронавирусная инфекция не актуализировала немного идею автора и не извлекла бы из текста две-три броских политических формулы, составляющих истин-

²⁸ Это была «The Song of the Dead» = «Песнь мертвых» из книги («The Seven Seas», 1896 = «Семь морей»), опубликованная в «профильном» журнале «Мир Божий» за 1897 г., № 11.

²⁹ Французский текст с обратным перевод на русский доступен по адресу https://fr.lyrsense.com/yves_montand/joli_mai#v2 Смотреть нужно Ю. Шагурина, поскольку второй имеющийся – это ученическое упражнение в переводе.

³⁰ См. в деталях кейс-стади о взаимодействии текста и паратекста на примере гендерной «атрибуции» Винни-Пуха [Фефелов, 2017], где анализируются все факторы, влияющие на его рецепцию в русскоязычном культурном пространстве.

³¹ «Unlike parody, its purpose is not to mock, but to honor the literary piece it imitates». См. на <https://literarydevices.net/pastiche/>

ную, возможно непреходящую³² ценность произведений Кипплинга [Долгов, Старикова, 2015; Старикова, Долгов, 2017]³³.

Список литературы

- Боголюбов А. Ф.** Bring us deliverance, spy! // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153.
- Долгов К. М., Старикова Е. И.** Политика и культура: От политической философии Макиавелли до политических пророчеств Кипплинга // Вестник МГИМО. 2015. № 6 (45). С. 40–50.
- Дудко А. Э.** Первые переводы лирики Редьярда Кипплинга в России // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (1). 2012. С. 122–129.
- Пичугина В. С., Поплавская И. А.** Творчество Д. Р. Кипплинга в рецепции русских писателей и критиков первой половины XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2015. № 6 (38). С. 136–146. DOI 10.17223/19986645/38/10
- Разлогова Е. Э.** Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. Вып. 4. С. 52–73.
- Старикова Е. И., Долгов К. М.** Редьярд Кипплинг: рассказ как политическая формула // Вопросы литературы. 2017 № 1. С. 245–261.
- Фефелов А. Ф.** Оценка ожидаемой длины переводного текста // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 3, № 1. 2005. С. 96–104.
- Фефелов А. Ф.** Геокультурные координаты российской переводческой интерпретанты (Западно-Восточный переводоведческий диван) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 55–78.
- Фефелов А. Ф.** Этносемантические свойства культурной среды: рефракция и адаптация // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 3. С. 15–33.
- Фефелов А. Ф., Фёдорова Я. Я.** Борьба авторских и этнокультурных мотивов в трактовке зоонимических образов // Язык и культура в условиях интернационализации образования: Мат-лы междунар. научно-практ. конф. ... Новосибир. нац. исслед. гос. ун-та / отв. ред. Т. А. Перминова, С. И. Филиппов, А. Л. Соломоновская; Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 125–139.
- Фефелов А. Ф.** Текст и паратекст в определении гендера Винни-Пуха и его переводческой семантизации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 1. С. 24–33.
- Фефелов А. Ф.** Феномен культурального перевода (Глава 4) // Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума): монография. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. С. 133–169.
- A choice of Kipling's poetry, with commentaries by Mary Hamer, Craig Raine, Daniel Karlin, Kaori Nagai, Harry Ricketts, Sally Minogue, Alex Bubb, W. H. Auden, R.V. Bailey, Patrick Cock-

³² Примером непреходящей ценности может быть названо в данной связи стихотворение *If* (букв. *Если*). Условия становления идеального человека (мужского пола), и следовательно, идеального общества и, значит, соответствующие морально-этические требования задаются в нем «империалистом и расистом» Кипплингом с такой библейской основательностью и строгостью, что кажутся совершенно недостижимыми. См. очень точные и глубокие замечания о достижимости описанного идеала у Одена (W.H. Auden) в [A choice of Kipling's poetry, 2014. P. 28–29].

³³ Раскрывая политический подтекст и затекст творчества Кипплинга авторы на его примере проводят свой главный тезис: «Настоящая политика всегда основывается на высшей культуре, ее ценностях и идеалах, а высшая культура неразрывно связана с истинной политикой». Еще более верен для наших дней их вывод о том, что творчество Кипплинга в целом представляет собой «воплощение тоски по высшим ценностям и идеалам» [Старикова, Долгов. С. 40]. Именно таков Кипплинг глазами советско-российского философа, и с ним трудно не согласиться при внимательном прочтении поэзии Кипплинга.

burn, Peter Hitchens, John Lee, Bruce Page, Hugh Brogan. *Kipling's Journal*, 2014, vol. 88, December, no. 358, p. 8–41 (Auden: 28–29).

Pinney, Thomas. Kipling at work: The textual history of “The Spies’ March”. *Kipling's Journal*, 2010, vol. 84, March, no. 335, p. 21–34.

Материалы и источники

Витковский Е. Империя по имени Редьярд Киплинг (Киплинг) // Против энтропии (Статьи о литературе). URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKIJ/s_entropia.html.

Киплинг Р. Избранные стихи / пер. с англ. под ред. Вал. Стенича; вступ. ст. Р. Миллер-Будницкой. Л.: Худож. лит., 1936. 272 с.

Ковенацкий В. Марш шпионов (фантазия на тему Киплинга из драмы-феерии «Начальник» Владимира Ковенацкого). URL: <http://kovenatsky.ru/poems/?text=002>

Колосов Л. Разведчик в Вечном городе. Операции КГБ в Италии. URL: <https://dom-knig.com/author/44822>.

Куланов А. Роман Ким. гл. 9, ссылка № 179. URL: <https://www.rulit.me/books/roman-kim-read-455131-62.html>.

Оношковиц-Яцына А. Марш шпионов / Сверен по изданию 1936 г. (см. ниже). URL: http://www.hiperinfo.ru/publ/gumanitarnye_nauki/dzhozef_redjard_kipling_90/4-1-0-20517

Шарапова А. Шпионский марш // Редьярд Киплинг. Стихотворения. М.: Книга, 1990. С. 118–121. URL: <https://stihi.ru/2010/01/19/8479>.

Kipling, R. The Spies’ March / commented by Mary Hamer. URL: http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_spies1.htm

References

A choice of Kipling’s poetry, with commentaries by Mary Hamer, Craig Raine, Daniel Karlin, Kaori Nagai, Harry Ricketts, Sally Minogue, Alex Bubb, W. H. Auden, R.V. Bailey, Patrick Cockburn, Peter Hitchens, John Lee, Bruce Page, Hugh Brogan. *Kipling's Journal*, 2014, vol. 88, December, no. 358, p. 8–41 (Auden: 28–29).

Bogolubov, A. F. Bring us deliverance, spy! *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 132–153. (in Russ.)

Dolgov, K. M., Starikova, E. I. Politics and Culture: from Machiavelli’s political philosophy to Kipling’s political prophecies]. *MGIMO Bulletin*, 2015, no. 6 (45), p. 40–50. (in Russ.)

Dudko, A. E. First translations of Rudyard Kipling’s lyric poetry in Russia. *Bulletin of the Bryansk State University*, 2012, no. 2 (1), p. 122–129.

Fefelov, A. F. Cultural Translation (Ch. 4). In: *Ethnocultural Dilemmas and Puzzles of Translation: Critique of the Metaphorical Reason*. In: *Etnokul’turnye problemy i dilemmy perevoda (kritika metaforicheskogo razuma)*. Monograph. Novosibirsk University Press, 2018. p. 133–169.

Fefelov, A. F. Ethnosemantic properties of cultural medium: refraction and adaptation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 3, p. 15–33. (in Russ.)

Fefelov, A. F. Geocultural Coordinates of the Russian Translation Thought and of its Interpretative Background (East-West Translational Divan). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 55–78. (in Russ.)

Fefelov, A. F. Indexes of Text Size Conversion in Translation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2005, vol. 3, no. 1, p. 96–104. (in Russ.)

Fefelov, A. F. Text and Paratext in decoding the Gender of Winnie-the-Pooh in Russian translations. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 1, p. 24–33. (in Russ.)

Fefelov, A. F., Fedorova Ya. Ya. Animal Images Construction: Individual Literary Visions vs Collective Ethnocultural. In: *Language and Culture vs International Educational Environment:*

- Conference papers. Ed. by T. A. Perminova, S. I. Philippov, A. L. Solomonovskaia. Novosibirsk University Press, 2014, p. 125–139.
- Pichugina, V. S., Poplavskaya, I. A.** Works of R. Kipling in the reception of Russian writers and critics of the first half of the 20th century. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2015, no. 6 (38), p. 136–146. DOI 10.17223/19986645/38/10 (in Russ.)
- Pinney, Thomas.** Kipling at work: The textual history of “The Spies’ March”. *Kipling’s Journal*, 2010, vol. 84, March, no. 335, p. 21–34.
- Razlogova, E. E.** Standard and Nonstandard variants of translation. *Issues of Linguistics*, 2017, iss. 4, p. 52–73. (in Russ.)
- Starikova, E. I., Dolgov, K. M.** Short Stories as a Political Formula. *Issues of Literature*, 2017, no. 1, p. 245–261. (in Russ.)

Texts and Sources

- Kipling, R.** The Spies’ March / commented by Mary Hamer. URL: http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_spies1.htm
- Kipling, Rudyard.** Izbrannye stikhi [Selected poems]. Russian translations ed. by V. Stenich. L.: Khud. lit., 1936, 272 p. (in Russ.)
- Kolosov, L.** Being spy in Rome. KGB operations in Italy / Razvedchik v Vechnom gorode. Operatsii KGB v Italii. URL: <https://dom-knig.com/author/44822> (in Russ.)
- Kovenatskiy, V.** Marsh shpionov (fantaziya na temu Kiplinga iz dramy-feerii “Nachal'nik” Vladimira Kovenatskogo) [*Spies’ March*: free variation on the Kipling’s theme from the enchanting drama “The Chief”]. URL: <http://kovenatsky.ru/poems/?text=002>
- Kulanov, A.** Roman Kim. URL: <https://www.rulit.me/books/roman-kim-read-455131-62.html>
- Onoshkovich-Yatsyna, Ada.** Marsh shpionov (in Russ.) URL: http://www.hiperinfo.ru/publ/gumanitarnye_nauki/dzhozef_redjard_kipling_90/4-1-0-20517
- Sharapova, Alla.** Shpionskiy marsh. (in Russ.). In: Rudyard Kipling. Verses. M., Kniga, 1990, p. 118–121.
- Vitkovskiy, Evgeni.** Empire called “Rudyard Kipling”. Against entropy (essays on literature) / Imperiya po imeni Redyard Kipling / Protiv entropii (Stat'i o literature). URL: http://knigo.com/v/WITKOWSKIJ/s_entropia.html. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
10.05.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

- Боголюбов (Фефелов) Анатолий Федорович**, кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
- Anatoli F. Bogolubov (Fefelov)**, Cand. of Sci. (Linguistics), Associate Professor, Institute for Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
- bobyrgan@mail.ru
SPIN 6759-3782

**Памяти Натальи Николаевны
Широбоковой**

(28.01.1946 – 13.11.2020)

13 ноября 2020 года на 75 году не стало Натальи Николаевны Широбоковой, доктора филологических наук, профессора, заведующей сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН, известного тюрколога, крупного специалиста по сравнительно-историческому и ареальному исследованию языков сибирского региона, человека глубокой эрудиции и энциклопедических познаний, мудрого и отзывчивого наставника молодежи.

Наталья Николаевна Широбокова родилась 28 января 1946 года в Новосибирске. В 1968 г. после окончания Новосибирского государственного университета поступила в аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР к доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Якутской АССР и Тувинской АССР Елизавете Ивановне Убрятовой. В 1992 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Историческое развитие якутского консонантизма», в 2000 г. – докторскую диссертацию «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири». С 1993 г. Н. Н. Широбокова руководила Сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН, а с 2000 по 2017 г. была также заместителем директора по научной работе.

Наталья Николаевна Широбокова возглавляла ареальные исследования и координировала работу коллектива лингвистов по изучению сибирских языков. В центре ее научных интересов были история якутского языка, формирование языкового ландшафта Сибири, исторические связи тюркских языков сибирского ареала, их место в классификации тюркских языков. Особое внимание уделялось проблеме субстрата и его роли в возникновении ряда закономерностей, сближающих якутский язык с другими языками северо-востока Евразии. Наталья Николаевна придавала большое значение исследованию общесибирских изоглосс, противопоставляющих сибирские языки другим тюркским языкам (или большинству из них), а также изоглосс, по-разному группирующих тюркские языки Сибири. Наталья Николаевна, будучи преданным последователем своего учителя Е. И. Убрятовой, развивала в своих работах ее концепции по происхождению якутского языка, истории формирования тюркских языков Сибири, привлекая новые языковые материалы. Ее труды отличает комплексный подход: объект исследования всегда рассматривается системно с различных точек зрения, что обеспечивает максимально возможную объективность описания и исключает случайность характеристик. При этом Н. Н. Широбокова как исследователь использовала не только новейшие разработки лингвистов, но и самые современные данные археологии, этнографии, антропологии и других смежных дисциплин.

Н. Н. Широбокова – профессор кафедры языков и фольклора народов Сибири гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1992–2015), почетный профессор Тувинского государственного университета. Возглавляемая ею кафедра языков и фольклора народов Сибири НГУ осуществляла подготовку студентов и аспирантов из числа представителей коренных народов Сибири, хорошо владеющих родным языком. Выпуск-

ники кафедры работают в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах. Около 30 из них стали кандидатами филологических наук. Наталья Николаевна разработала и читала ряд теоретических курсов для студентов-тюркологов гуманитарного факультета: «Введение в тюркологию», «Древняя история тюрков», «Древнетюркский язык», «Морфонология тюркских языков Сибири», «Морфология тюркских языков», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», «Тюркская диалектология». Под ее руководством были успешно подготовлены и защищены восемь кандидатских и одна докторская диссертация.

Наталья Николаевна Широбокова – автор и соавтор около 200 работ, в том числе пяти монографических исследований: «Историческое развитие якутского консонантизма» (Новосибирск: Наука, 2001); «Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири» (Новосибирск: Наука, 2005); «Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 1: Texte und Glossar» (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013; соавторы – М. Эрдал, А. Озонова, И. Невская, М. Ринд-Павловски, Х. Нугтерен, Е. Тюттешева, О. Шагдурова, А. Тазранова); «Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая» (Новосибирск: Омега, 2013; соавторы-составители: А. В. Байыр-оол, А. А. Добринина, А. А. Озонова, А. Р. Тазранова, Е. В. Тюттешева, О. Ю. Шагдурова, Н. Н. Федина); «Фонетические и морфологические особенности чалканского языка» (Новосибирск: Академиздат, 2019; соавтор Н. Н. Федина).

Н. Н. Широбокова участвовала в работе над составлением «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (Макет, 60 а. л., 200 карт; соавт. Е. И. Убрятова, В. М. Наделяев) и «Диалектологического атласа тюркских языков Сибири» (Макет, 25 а. л., 200 карт; соавт. Е. И. Убрятова, В. М. Наделяев).

Н. Н. Широбокова является редактором более 30 сборников научных трудов и монографий сотрудников Института филологии СО РАН и других НИИ и вузов Сибири.

Н. Н. Широбокова была членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, экспертом РГНФ по специальности «Лингвистика», экспертом РАН, заместителем председателя диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН. Н. Н. Широбокова являлась также главным редактором раздела «Лингвистика» журнала «Языки и фольклор коренных народов Сибири», заместителем главного редактора «Сибирского филологического журнала», членом редакционного совета журналов «Урало-алтайские исследования», «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Российская тюркология» и др.

Наталья Николаевна Широбокова была признанным лидером исследователей-сибиреведов, продолжателем лучших традиций отечественной лингвистики, ее авторитет был непререкаем, она щедро делилась своими знаниями с учениками и коллегами, с большим вниманием и интересом знакомилась с их наблюдениями и находками. Огромным счастьем было учиться у нее и работать рядом с ней.

Уход Натальи Николаевны – наша общая невосполнимая утрата. Светлая память о ней навсегда останется в сердцах ее учеников, коллег и последователей.

*Друзья, коллеги и ученики Н. Н. Широбоковой
Институт филологии СО РАН*

Информация для авторов

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская
абстрактная адъективная метафоризация

М. А. Кузьмина

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Maria A. Kuzmina

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы / References

Список словарей / List of Dictionaries

Список источников / List of Sources

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

05.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Том 18, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 4

в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго опре-

деленные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной

терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru